

Тамара Злобина

*Рыжая
Кошка*

Роман

Тамара Злобина
Рыжая Кошка. Роман

«Издательские решения»

Злобина Т.

Рыжая Кошка. Роман / Т. Злобина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962569-4

Красавица Наталья Аристова уходит из дома и уезжает из Ферганы в Ташкент, чтобы начать самостоятельную жизнь, которая оказывается для неё очень нелёгким испытанием. Но девушка проходит через все испытания: через предательство любимого человека, потерю родителей во время «Ферганских событий», потерю ребёнка, не сломавшись, став сильнее и ещё прекраснее, обретя настоящих друзей, чтобы начать новую жизнь в России.

ISBN 978-5-44-962569-4

© Злобина Т.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Первое знакомство	7
Глава 1. Неожиданная попутчица	14
Глава 2. «Нет в доме хозяина – нет порядка»	23
Глава 3. Нельзя жить по чужим законам	33
Глава 4. Мина замедленного действия	39
Глава 5. Буду слушать и думать	47
Глава 6. «Закон гостеприимства»	57
Глава 7. «Будущее ждёт!»	65
Глава 8. Неожиданная встреча	74
Глава 9. «Зеравшан»	82
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Рыжая Кошка

Роман

Тамара Злобина

© Тамара Злобина, 2019

ISBN 978-5-4496-2569-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

(Восточная повесть)

Дорогой читатель, не пожалей каких-то сто рублей и прочти этот роман. Уверю тебя: узнаешь много интересного о том, что происходило в республиках после развала Союза.

Здесь ты найдёшь «и жизнь, и слёзы, и любовь», и драму, «и падение на дно». Но главная героиня романа, Наталья Аристова, не только прошла через все превратности судьбы и выстояла, но и окрепла духовно, ведь на её пути встречались не только подлецы и предатели, но и верные, искренние люди, преданные друзья. Действие романа основано на реальных событиях, происходящих в Узбекистане, в конце восьмидесятых годов.

Отличается сей «роман» от хорошо известного тебе заграничного производства тем, что его героиня обретается в нашей, ничем не приукрашенной действительности – ни избытком комфортности, ни наличием достойного количества материальных благ, ни иными излишествами не перегруженной.

Впрочем, в сфере переживаний и чувствований главная героиня ничем не уступит заграничной, и даже во многих случаях даст сто очков вперёд.

Итак: зовут её Натальей Аристовой. Живёт она сейчас в крупном поволжском городе, снимает комнатку у одинокой стареющей женщины, и пытается заново сложить свою жизнь из осколков. Порой ей кажется, что сделать это можно, только, напрочь забыв, всё то, что с ней произошло – начать жить набело. Но это оказывается не так-то просто: память цепко держит всё-то, что ей так хочется забыть. Возможно, потому что прошло ещё недостаточно времени, а возможно, потому что она из тех людей, кому забвение не дано. Память вновь и вновь возвращает её в пройденные ею круги ада.

Воспоминания приходят сами, без спроса, как незваные гости, отравляя жизнь горечью, сожалением и бессилием, не только от того, что она ничего не может изменить, но и от того, что не может прогнать этих непрошенных гостей.

Вспоминая то время, она порой начинает сомневаться в том, что всё это произошло именно с ней, а не с каким-то другим человеком. Но боль, от душевных ран, ещё не зарубцевавшихся, подтверждает: это было именно с ней, семнадцатилетней девчонкой Наташкой.

Первое знакомство

Жили они тогда в Узбекистане. В то время Наташка с гордостью и любовью могла употребить родное и близкое понятие: «мы», которое волей рока было вскоре сокращено до хрупкого, одинокого – «я».

Мы – это семья Аристовых: отец – Дмитрий Иванович, мать – Элеонора Никитична, и их рыжеволосое, беспокойное создание – дочь Наталка.

Проживала семья в городе Фергане, в благодатной Ферганской долине, славящейся своими садами, виноградниками и, конечно, хлопком.

Как пояснял Дмитрий Иванович: – «Попали в Фергану по распределению, с планами отработать положенные три года и вернуться назад – в родной город Ленинград, но по воле судьбы остались надолго».

После окончания института его направили в Ферганскую долину, помогать местному населению в освоении новых достижений науки и техники в мелиорации сельского хозяйства республики.

Дмитрий и Элеонора только поженились, и вместо свадебного путешествия, ныне очень модного в обеспеченных кругах, им выпало путешествие в Среднюю Азию, где летом жара достигает 40 градусов в тени, где большую часть года население гнёт спину на выращивании хлопка, где иные, чем в России обычаи и законы, где ни друзей, ни родных, ни знакомых.

Понятно, как на этакую экзотику реагировала изнеженная, хрупкая девятнадцатилетняя Элеонора. Удивительно, как Дмитрию Ивановичу удалось уговорить её сменить дорогой сердцу, единственный и неповторимый город Ленинград, на столь отдалённый «дикий край». Как эта взбалмошная девчонка сумела выдержать все «прелести восточной жизни», и не уехать назад?

Наташа родилась через шесть лет, когда Дмитрию Ивановичу было уже 33 года. А его супруге – двадцать пять, поэтому девочка была для отца долгожданным и желанным ребёнком – он в ней души не чаял.

К этому времени их семейная жизнь устоялась и обустроилась: у Дмитрия Ивановича была хорошая и любимая работа, Элеонора Никитична окончила педагогический институт и преподавала английский язык в одной из школ города.

Дмитрий Иванович много и с удовольствием работал, а рыжеволосое чудо находилось под неусыпным вниманием мамы Лины. Внимание было настолько неусыпным, что иногда вызывало у девочки спонтанный протест, который выражался в пререканиях, в сбегании с уроков, и даже в двойках, хотя последнее с ней случалось очень редко, да и то только по предмету, которому преподавала Элеонора Никитична – английскому языку.

Одноклассники удивлялись: за что их классный руководитель ставит Наташке двойки, ведь лучше её в классе английский не знает никто. И Наташка объясняла докучливым друзьям: – Из вредности!

Несмотря на маленькие недоразумения и шалости, школу Наташа окончила хорошо, имея в аттестате почти все пятёрки, за исключение трёх предметов: черчения, биологии и физкультуры.

Черчение ей не давалось, как и рисование: к живописи её душа была глуха и слепа. На физкультуру Наталка старалась показываться, как можно реже, потому что физрук Гафур Гулямович, малорослый, тщедушный мужичонка, с сальным взглядом, очень любил девочек и старался, как бы невзначай, облапать то одну, то другую, вызывал у неё откровенную неприязнь и желание отбить у него охоту распускать руки.

Однажды она не выдержала и, как бы нечаянно, локтем заехала ему в нос, разбив до крови. После чего педагог её сразу «разлюбил».

С «биологичкой» у мамы Лины произошёл конфликт по вопросу «правильности воспитания подрастающего поколения» и Бигаш Максумовна начала срывать своё несогласие на Наташе, в результате чего появилась в аттестате Аристовой младшей третья четвёрка.

Собственно, эти четвёрки Наталке не мешали, ведь она собиралась поступать в иняз, а английский язык, русский и литература у неё всегда были на должном уровне – в этом были уверены и она, и её школьные учителя. Правда экзаменаторы «Ташкентского института иностранных языков» были в этом совсем не уверены. Впрочем, в дальнейшем выяснилось, что для них знание предмета не так важно, как поступление в их карманы энной суммы денег. А так как от Аристовой они денег не получили, то и результат оказался весьма плачевным: 5 баллов по английскому четыре – по истории и два – по сочинению.

Последняя оценка так ошарашила Наташу, что она сначала не поверила своим глазам: она, которой заслуженная учительница Букина Елизавета Николаевна всегда ставила другим в пример получила двойку (!!). Этого просто не могло быть!

Во взъерошенном состоянии Наташа потребовала в приёмной комиссии выдать ей на руки сочинение, которое в конце концов, со скандалом и проволочками чуть не бросили ей в лицо.

Просмотрев его, Наталка поняла отчего эта реакция: из одиннадцати ошибок только две были её собственными, а остальные, видимо тех, кто его проверял. Всё было выполнено до безобразия нагло и грубо: даже цвет пасты не соизволили подобрать. Соединения не с глаголами через строчку, «о» подправленные на «а», мягкий знак, добавленный в таких местах, где и первоклассник не каждый поставит, вызвали у Наташки откровенный смех.

В результате: грандиозный скандал, порванное в клочья сочинение, дверь, захлопнутая с грохотом, и... Прощай голубая мечта.

Наталья с позором, как ей объяснила мама Лина, вернулась в Фергану, и начались ежедневные упрёки. Элеонора пилила дочь за провал, сетуя на то, что, если бы у неё была медаль, пусть даже серебряная, ей бы не пришлось сдавать экзамены. На что Наталья ответила: – Ты забываешь, ма, что теперь даже медалисты сдают профилирующий предмет.

– Но ты же сдала английский на «отлично»! – не сдавалась Элеонора. – Этого было бы достаточно.

И добавляла с явным раздражением: – Во всём виноваты твои лень и безответственность!

Наташа, не выдержав, несправедливость упрёков, напомнила маме Лине, что четвёрка по биологии, целиком её заслуга.

Лучше бы она не говорила этого! В ответ ей был припомнен и разбитый нос физрука, и не желание просить у него прощение, и бездарность в изобразительном искусстве, и многое, многое другое.

Элеонору даже не убедил разговор с одной из мамаш, дочь которой, имея в аттестате пару троек, поступила всё в тот же пресловутый Ташкентский «иняз».

– Если бы вы, Элеонора Никитична, хотели, чтобы ваша Наталья поступила туда, – заявила, переполненная гордостью за своё чадо, мамаша, – то не пожалели каких-нибудь пять тысяч, как сделали мы, и ваша дочь тоже стала бы студенткой.

Это циничное откровение, хоть и покорило, Элеонору, но не защитило Наталью от её гнева и придирок. Мать заявила, что теперь возьмётся за дочь ещё основательней, и та целый год будет готовиться дома по всем предметам, необходимым для поступления в институт, чтобы на следующий год не было никаких недоразумений.

После этого жизнь Наташи превратилась в кошмар: ей запрещалось бывать у друзей, встречаться с одноклассниками, ходить в кино, даже ограничивалось время на прослушивание любимой музыки.

Наталка несколько раз пыталась жаловаться отцу, который раньше всегда принимал её сторону, но тот неожиданно ответил:

– Дорогая моя, это прерогатива твоей матери – мне было велено не вмешиваться в эти дела.

Этот ответ не только насторожил Наташу, но и удивил: никогда раньше отец не относился так к своей любимой доченьке, и в тяжёлые времена она всегда могла рассчитывать на него. Теперь отец почему-то отдалился от всех проблем, связанных с домом, и от неё тоже.

Надолго Наташки не хватило: не прошло и месяца, как она захандрила, заскучала по прошлой вольготной жизни и начала уговаривать мать, чтобы та разрешила ей пойти работать, уверяя, что будет готовиться ещё усердней, чем сейчас, но всё было бесполезно – мать стояла на своём, как кремень.

Ко всему прочему между родителями пробежала чёрная кошка: отец денно и ночью пропадал на работе, мать стала ужасно раздражительной и просто невыносимой, а Наталья оказалась крайней. Упрёки, слёзы, резкие высказывания, нелюбезные сравнения – всё свалилось на её голову, как снежный ком с горы. И она стала огрызаться: сначала слабо, потом всё активней и агрессивней. Атмосфера накалялась, и девушке порой казалось, что мать ненавидит её и считает виновницей во всех неприятностях.

Однажды, после очередного скандала, Наташа не выдержала и ушла из дома: ушла почти, в чём была, прихватив лишь небольшую сумку со сменой белья. Любимым платьем и документами. Пока мать была в школе, Наташа написала маленькую записочку, положив её на видное место, взяла сумку и тихо ушла из дома.

* * *

Было начало осени, но освежающего её дыхания почти не чувствовалось. Над полями, дорогой стояло зыбкое, лёгкое марево, создавая впечатление ирреальности, взвешенности.

Утро. Солнце, поднявшись над горизонтом, грело тепло и ласково.

Зелёные хлопковые поля веером разбегались по волнистым склонам холмов, радуя глаз свежестью листвы и белоснежностью раскрывающихся коробочек «белого золота» – первыми предвестниками того, что знойные дни и душные ночи скоро сменятся ласково-тёплыми днями и прохладными, для Средней Азии, ночами.

На обочине дороги стояла девушка, одетая слишком легко для дальней дороги: высокая, длинноногая, в юбочке до середины колена, в яркой лёгкой кофточке с короткими рукавами. Волосы девчонки яркие, рыжие, огненным ореолом окружали её голову, были высоко взбиты. Печальные глаза смотрели на проезжающие мимо машины. Девчонка не голосовала – она просто стояла, опустив тонкие руки, и провожала взглядом, летящие мимо машины. Весь её вид словно говорил: – «Вас так много, вы все спешите, и никому нет дела до меня. Никому».

Но вот на дороге появился очередной автомобиль, который с какой-то элегантной лихостью надвигался на стоящую, на обочине девушку. За рулём автомобиля сидел мужчина лет тридцати с небольшим. У него были чёрные вьющиеся волосы, небольшие усики, открытые тёмно-карие глаза, твёрдо очерченные губы и упрямый подбородок. Лицо мужчины не поражало какой-то особой красотой, но было достаточно мужественно и не вызывало неприязни, привлекая внимание задумчивостью и серьёзностью.

Поравнявшись с девушкой, машина остановилась, вздымая лёгкое облачко пыли. Открылась передняя дверь, и мужчина, которого мы наблюдали только что, поинтересовался приятным баритоном:

– Вам куда, девушка?

Глаза рыжеволосой на мгновение вспыхнули радостью от сознания того, что кто-то не проехал мимо, остановился, заметил, но тут же затухли: радость сменяют вызов и неприязнь:

– В Ташкент!

– Вам повезло, нам по пути, – дружелюбно отреагировал мужчина, игнорируя не совсем дружелюбный ответ девушки. – Садитесь.

Видя, что та колеблется, мужчина добавил:

– Да садитесь же! Я тоже в Ташкент еду. С попутчиком даже дальняя дорога не кажется утомительной и долгой.

Рыжеволосая попыталась открыть заднюю дверцу, отчаянно дёргая её, но та не поддавалась, и тогда мужчина помог открыть её, улыбкой подбадривая неожиданную попутчицу.

Рыжее солнышко, как назвал девушку про себя мужчина, молча, уселась на заднее сидение и, положив сумку на колени, всем своим видом дала понять, что пора двигаться дальше.

Машина медленно тронулась с места, постепенно набирая скорость, и покатила по широкой, с небольшими выбоинами, дороге, Водитель вёл её твёрдо, уверенно минуя выбоины и трещины.

На некоторое время в салоне воцарилась тишина, потом водитель поинтересовался:

– И куда же это мы с утра пораньше?

Глаза мужчины внимательно, с нескрываемым интересом всматривались в попутчицу, через зеркало. Увидев, как глаза девушки вспыхнули протестом, мужчина уточнил:

– Если, конечно, это не государственная тайна.

Не дождавшись ответа, мужчина начал рассказывать о том, что не рассчитывал сегодня на эту поездку, но обстоятельства вынудили: нужно срочно быть у родителей. Он рассказывал о том, что его родители живут в старом Ташкенте, и очень обижаются на то, что сын бывает у них так редко, вот он и спешит, поэтому к ним, чтобы успокоить и порадовать стариков.

Мужчина говорил, что вчера ему на работу звонила мать, сетовала на то, что он совсем забыл своих престарелых родителей, и ему вдруг так стало жаль её.

За время своего рассказа мужчина неоднократно посматривал через зеркало на сидящую на заднем сидении девушку, словно силясь рассмотреть в попутчице что-то главное – быть может, угадать её душевное состояние, настроение.

Девушка отмалчивалась, слушая и не слушая мужчину, словно выплывая из водоворота своих переживаний, из мира, ведомого только ей одной.

Водитель, видя, как вздрагивают её плечики, удивился:

– Вам холодно?! Возьмите мою куртку – станет теплее.

– Нет, нет, не надо! – начала протестовать пассажирка.

– Надо, – мягко, но настойчиво произнёс мужчина, добавив, – меня зовут Сабиром Усмановичем.

И вновь, не дождавшись ответа, спросил:

– А вас? Как зовут вас?

Девушка, чуть слышно ответила:

– Наташа.

– Как-как? – переспросил Сабир Усманович, видимо, не поняв ответа.

– Наташа, – повторила девушка более громким голосом.

Разговор на некоторое время затух, чтобы возникнуть через минуту с новой силой. Сабир Усманович старался вовлечь в разговор попутчицу, которая отвечала на все вопросы коротко и категорично: «да», «нет». Впрочем, это продолжалось недолго: уже через несколько минут мужчине удалось разговорить попутчицу. Это получилось как-то само собой: доброжелательность и весёлость собеседника расположили к себе, растопив холодность девушки..

Спустя ещё несколько минут разговор двух незнакомых людей принял доверительный характер. Между мужчиной и девушкой возникло понимание, которое каждый истолковал по-своему: мужчина, как симпатию, девушка – как возможность выговориться.

Разговорившись, Наташа, как хорошему знакомому, рассказала Сабир Усмановичу о том, что ушла из дома, не выдержав постоянных нотаций и нравоучений матери, и холодного безразличия отца. Во время своего рассказа девушка несколько раз в сердцах повторила:

– Я просто не нужна им! Я им мешаю!

Мужчина не перебивал девушку, слушая её со вниманием и интересом, хотя на его лице иногда проскальзывало выражение несогласия с тем, о чём говорила попутчица.

Наташа призналась, что провалила экзамены в институт, и теперь мать никуда её не выпускает, заставляя готовиться: не пускает ни на работу, ни к подругам, сделав её жизнь невыносимой.

Словно в раздумье мужчина поинтересовался:

– Сколько же вам лет, Наташа?

– Скоро будет восемнадцать, – слегка запнувшись, ответила та.

– Это хорошо, что восемнадцать, – произнёс Сабир Усманович, – значит, сама сможешь отвечать за свои поступки.

– Вот и вы говорите об ответственности! – возмутилась девушка. – Вы все только говорите о ней, а возможности нести эту ответственность не даёте! Как же можно отвечать за что-то, если нет возможности взять на себе хотя бы то, что можешь, что способен взять?

– Я не об этом, – перебил поток красноречия Сабир Усманович.

– А о чём? – не поняла девушка.

– О том, что твои родители будут волноваться, переживать, разыскивать тебя.

- Не будут! – упрямо ответила Наташа.
- Это почему же? – брови мужчины от удивления приподнялись вверх.
- А потому что я оставила записку, и потом... – девушка замолкла, обрывая фразу на середине.
- Ну-ну, если замахнулась, то бей! – подбодрил её мужчина.
- Им сейчас не до меня! – выпалила Наташа. – У них свои дела, свои заботы. Я существую лишь для того, чтобы меня воспитывать, одевать, обувать, кормить – это всё! Всё!
- Ну, вот видишь, – улыбнулся водитель, – забот у родителей хватает.
- Поэтому я и решила освободить их от этих непомерно тяжёлых забот!
- Наташа, это жестоко, – попытался урезонить девушку Сабир Усманович.
- Но справедливо! – убеждённо ответила та.

Мужчину явно удивил максимализм девушки, её непримиримость, граничащая с жестокостью. Ему захотелось сказать, что она слишком строго и, возможно, несправедливо судит своих родителей, но Наташа вдруг, словно отвечая на его мысли, произнесла:

- Вы моей мамы не знаете!
- Сабир признался с улыбкой:
- Действительно, не знаю.

Ему хотелось добавить: – Я и вас, Наташа, не знаю, – но, чтобы не обидеть попутчицу, не вспугнуть своим замечанием, он только улыбнулся краешками губ, являя взору попутчицы любопытную картину, которая против его желания насторожила девушку.

- Вы осуждаете меня? – предположила она.
- Разве я имею на это право? – возразил Сабир Усманович.
- Но ваше лицо говорит обратное, – настаивала Наташа.
- Да не смотрите вы на моё лицо! – засмеялся мужчина. – Оно у меня несколько подгуляло.

На лице девушки возникло почти детски-удивлённое выражение.

– Вы неплохо знаете русский язык! – отреагировала Наташа. – В своей речи вы используете такие выражения, которые я никогда не слышала от знакомых. Вы, видимо, выросли в русском окружении.

– Я вырос в Ташкенте – просто ответил Сабир, – и у меня был прекрасный преподаватель русского языка: отсюда и выражения.

Наташа вдруг вспомнила выражение маме Лины, которое она обычно повторяла в таком случае:

- Для того, чтобы достаточно изучить язык, хорошего преподавателя мало – нужны ещё самостоятельные занятия и работа с литературой.
- Слышу взрослый тон, – отреагировал мужчина, – Чьи это слова?
- Это излюбленное выражение моей мамы, – призналась Наташа.
- А она права, – произнёс мужчина. – Почти то же самое мне в своё время говорила моя мама. Все мамы одинаковы... Ты не находишь?
- Наверное, – согласилась девушка вяло, явно отказываясь от желания спорить.

И эта маленькая победа над несколько гипертрофированным «я», окончательно разрушила барьер недоверия между двумя людьми, которых разделяла не только разница в возрасте,

но и в воспитании, образовании, восприятии жизни, налаживая между ними пока ещё тонкую связь.

Что она означает для этих двоих? Чем станет в дальнейшем? К чему приведёт встреча умного, чуть ироничного, несколько разочарованного мужчину, в самом рассвете духовных и физических сил, и юного создания – неопытного и чистого, у которого ещё вся жизнь впереди: «и жизнь, и слёзы, и любовь»? Это мы можем узнать только после того, как лист за листом прочтём это повествование. Итак, с Богом?!

Глава 1. Неожиданная попутчица

(Рассказ Сабира Усманова №1).

В субботу утром, после окончания трудовой недели, я ехал на своей машине в Ташкент. Спешил поскорее выбраться из Ферганы, ставшей моим домом на энное количество лет. Спешил так, словно за мной гналась стая шакалов, убегая от неприятностей, забот, чужих людей, от себя самого.

Не знаю почему, но мне казалось, что стоит только выехать на широкий тракт и все печали, огорчения, все неприятности останутся позади, и я смогу, наконец, вздохнуть спокойно.

Было начало осени – раннее утро. В окно салона вривалась тугая струя воздуха, пропитанная едва уловимыми запахами выгоревшей травы, ещё не омытой осенними дождями листьями, обдувая разгорячённое лицо.

По обоим сторонам дороги мелькали, сливаясь в сплошную зелёно-жёлто-белую полосу, кудряво-резные кусты хлопчатника – главного богатства моей Родины. Однако, красоты благодатной Ферганской долины не радовали: я был зол.

И, кажется, зол был на весь мир: и на жену, с утра закатившую скандал с требованием очередного наряда (– «Чем я хуже соседки Замиры?! – в гневе надувала она свои и без того пухлые губки. – А ведь она всего вторая жена – не первая!»), и на министерство с его очередной внеочередной проверкой (на самом же деле посещением торговых баз, ресторанов и саун), и на подчинённых, вечно чем-то недовольных (то зарплата мала, то условия труда не устраивают, то премия недостаточна).

Зовут меня Сабиром Усмановым. Мне тридцать два года. Шесть лет тому назад после окончания Ташкентского политехнического института я был по распределению направлен на трёхлетнюю отработку в Ферганскую ПМК треста «Узколхозстрой».

За эти годы прошёл путь от мастера строительного участка до начальника управления. Нелегко далось мне это продвижение без поддержки, влиятельных друзей, без протекции: всё только на личном энтузиазме, обаянии, умении не только думать, но и действовать.

Сейчас у меня есть и друзья, и «волосатая рука» в местных органах власти, и жена из хорошей семьи (избалованная и капризная, как, наверное, все дочери вторых секретарей Обкомов), и благоустроенная квартира, и машина, «фазенда» и, естественно полагающиеся при этом, привилегии. Но почему-то ничто это не радует. Смертельно устал. Замотался. Перегорел.

Единственная отдушина от всех этих привилегий – поездки в Ташкент. Бываю там нечасто, хотя всегда можно найти причину: то вызов в министерство, то необходимость поведать родителей, то наведаться в родной институт.

Рахилия, жёнушка дорогая (даже очень порой дорогая) к моей радости сейчас не может участвовать в этих поездках, так как ожидает четвёртого ребёнка, поэтому, видимо, каждый раз закатывает грандиозный скандал, чтобы «отдушина» мёдом не казалась.

Можно понять с каким настроением вырываюсь из дома, и как благодарю Аллаха за то, что он дал возможность, хоть на время, уйти из-под жёсткой круговой опеки ферганских родственников. И хотя, как мне порой кажется, я несколько привык к частым скандалам, нота-

циям и поучениям, но отдых вдаль от дома ценю больше ежедневного общения с женой и её родственниками.

Иногда, когда Рахилия начинает переходить всяческие границы, я просто говорю: – «Ну, всё, хватит, дорогая!», – и уезжаю подальше. Друзья не раз советовали поучить строптивую жену, но учить дочь самого Камалова (!) – себе дороже: такая учёба, наверняка, стоила бы мне головы.

В минуты гнева и бессилия я иногда думаю, что это Аллах наказал меня за предательство, наградив такой женой. В студенческие годы у меня была большая и светлая любовь – Катя Воронова. Сколько изобретательности пришлось проявить, сколько неприятностей и даже побоев вынести, чтобы добиться её благосклонности, и, наконец, любви.

Я боготворил её, не без основания считая самой красивой и самой умной девушкой на свете. Катюша действительно была необычайно хороша собой какой-то гордой русской красотой: синие, как бездонные озёра, глаза, лёгкие, светлые, необычного оттенка волосы, стройная, словно выточенная из слоновой кости, фигурка.

На последнем курсе нас иначе, как «иголка с ниткой» не называли, считая мужем и женой. Катя сказала мне однажды:

– Мы муж и жена не перед законом, а перед Богом.

Тогда это высказывание показалось мне странным, ведь в нашей семье, воспитанной на идеях марксизма-ленинизма, разговоры о Боге, вере, не были приняты. Мой отец, выросший в детском доме, много лет преподавал в школе историю, а в последние годы перед пенсией, когда стало сдавать сердце – секретарём партийной организации Ташкентского завода ЖБИ №1. Да и мама, преподавательница русского языка и литературы, как принято в узбекских семьях, целиком разделяла атеистические мировоззрения отца.

Заканчивались студенческие годы. Перед самым распределением из-за какого-то пустяка у нас с Катей произошла размолвка, и мы попросили распределения в разные города, хотя до этого решили ехать вместе. И вот я уехал в Фергану, а Катя в Джизак.

Как я потом ругал себя за то, что не мог уступить Катюше даже в мелочи. Сколько раз хотел поехать в Джизак, упасть ей в ноги и просить прощения, но так и не осмелился, считая, что этот шаг унижит меня. Так, в борьбе с самим собой, со своей гордыней, прошло полгода, когда до меня дошла весть, что Катюша вышла замуж. Известие стало для меня страшным ударом. В этот день я напился от собственной глупости и бессилия хоть что-нибудь исправить.

Утром ужасно болела голова, было муторно на душе, и я сказал себе тогда:

– Всё, Сабир, розовая юность закончилась. Будь мужчиной!

И с головой ушёл в работу: дневал и ночевал в управлении, пропадал на стройплощадках, непосредственно, не из кабинета, руководил работой строителей. Боль притупилась, отошла на второй план, покрываясь дымкой сожаления и вины, но вскоре друзья меня познакомили с Рахилёй Камаловой, давая ценный совет не упустить шанс «приподняться в этой жизни на достойную высоту».

Красавицей Рахилию назвать было нельзя, но была она мила, тонка, как тростинка, в отличие от местных девушек, раскована, богато одета. И косы! Что мне в ней понравилось более всего, так это длинные, заплетённые во множество тугих, змееподобных косичек, волосы, пах-

нущих не кефиром, как у многих местных кизча (девочек), а ванилином, как аппетитные сдобные булочки.

До сих пор удивляюсь, как Рашид Камалович не выдал свою горячо любимую дочь в юном возрасте, позволив ей девичествовать до двадцати лет и, как она смогла уговорить его выдать замуж за меня – чужого человека, без средств к существованию, без рода и племени, (как было сказано мне однажды), не имеющего возможности создать дочери высокопоставленного чиновника те же условия, что она имела в родительском доме.

Конечно, не видать бы мне Рахили, как собственных ушей, не будь я по натуре весёлым, общительным и, как меня в шутку называли друзья – сердцеedom, и не будь Рахили такой самовольной и упрямой. В общем, влюбилась она в меня и заявила родителям, что замуж за другого не пойдёт. А когда мать начала отговаривать её от этой глупой затеи, Рахили пообещала сжечь себя. Угроза возымела действие и родители сдались.

Камалов, балуя свою единственную, любимую доченьку, сказал тогда:

– Мать, оставь Рахилу в покое. Она у нас неглупая: сама поймёт рано или поздно, что была неправа.

Уж и жених был подготовлен для любимой дочери Камалова: ни какой-то там инженеришка, а сын руководителя «Управления торговли». И совсем не важно, что жених с горем пополам закончил местный пединститут, о котором ходит поговорка, что в него принимают дубов, а гонят – липу. Важно, что родители и той и другой семьи дружны, и всё решили за своих детей сами. Зачастую в наших краях дела делаются именно так: по обоюдному согласию родителей, а не по воле их детей. И это считается правильным, ни у кого не вызывая ни удивления, ни протеста.

* * *

Постепенно мои мысли вернулись к утреннему скандалу, причиной которого в очередной раз послужила соседка, любящая дорогие и блестящие наряды. Эта соседка является для моей жены красной тряпкой тореро в игре с разъярённым быком соперничества и зависти.

Каждая очередная блестящая тряпка, золотая безделушка, купленная или подаренная соседке, вызывает в Рахиле жгучее желание немедленно иметь такую же, и она начинает военные действия, не задумываясь над тем, где взять на всё это средства.

Два дня назад, не выдержав давления, я как бы в шутку сказал жене:

– Для того, чтобы носить такие платья, нужно надевать длинные штаны и платок.

Жена не приняла шутку и оскорбилась, а вчера вечером состоялся крупный разговор с тестем. Впервые за столько лет он кричал на меня, как на мальчишку:

– Ахмак (дурак)! Что ты возомнил о себе?! Я вытащил тебя из грязи, а ты имеешь наглость упрекать мою дочь, оскорбляешь её?! Скажи спасибо, что у тебя уже трое детей, иначе бы я выгнал тебя взашей!... Смотри какой умный тут выискался?!... Неблагодарный! Для него столько сделали: и должность, и зарплата, и трёхкомнатная квартира, и машина,... Да ты Рахилу должен на руках носить, пылинки с неё сдувать! Золотом с головы до ног осыпать! Она тебе, дураку, троих детей родила, а ты...

Крик тестя постепенно перешёл в нудную, привычную нотацию, а я, пересилив себя, думал:

– В горле у меня уже ваши благодеяния, как кость: и не проглотить, и не выплюнуть...

Видя, что я молчу, тесть продолжал уже более миролюбиво:

– Ну неужели же нельзя улажить дорогую жёнушку? Что тебе стоит купить ей то, что она просит? И она будет рада, и ты – доволен.

Рашид Камалович достал из внутреннего кармана пиджака пачку денег, отсчитал часть и протянул её мне. Я сделал невольное движение рукой, отстраняя деньги.

– Бери, бери, раз дают! Нечего губы кривить. И сегодня же купи ей это платье. Вот тебе записка к Эркин Вахидовичу: он оставил такое же для Рахили.

И царственной походкой тесть удалился восвояси, отказавшись даже пиалу чая выпить, оставляя меня наедине с собственным унижением, и угрызениями, что принимаю подачки тестя, Прекрасно понимаю что ждёт меня, если не смогу приобрести то, что требует жена. Поэтому и беру эти проклятие подачки: беру, скрепя сердца, всё более попадая в зависимость, всё более теряя свободу.

Первое время воспринимал это очень болезненно: вся моя сущность бунтовала против такой зависимости, против унижения. Но эти бунты проходили внутри меня, внутри и затухали, не выходя на поверхность.

Камалов подавляет меня: я боюсь его. Боюсь, как раньше, в детстве, строгого отцовского взгляда. Но это не строгость – это, мягко говоря, уродливое чувство превосходства, переходящее в унижение того с кем этот человек общается.

Под действием его ледяного взгляда я начинаю чувствовать себя маленькой букашкой, растоптать которую этому человеку не составит никакого труда. Привыкнуть, приспособиться к такому отношению тестя и новых родственников стоило огромного труда. Но, видимо, эта привычка не настолько сильна, если и сейчас мне порой хочется плюнуть на всё, и убежать, как можно дальше.

Особенно унизительны подачки тестя, когда они сопровождаются изрядной долей нотаций и нравоучений. Хотя в последнее время я вполне бы мог обходиться без них: всё-таки должность управляющего «Строительного треста», что-то да значит. Как говорят здесь: «пайда бор» – выгода есть.

Человек, оказывается, ко всему привыкает: и к тому, чтобы денег иметь больше, чем заложено в штатном расписании; и к тому, что не подмажешь – не поедешь, а не обманешь – не проживёшь. Привык и я, и ничего себя чувствую – без литературного угрызения совести. Недаром мой главный инженер Еркин-ака говаривает: – «Совесьть – понятие литературное».

И ещё одно любимое изречение Еркин-ака: – «Оказавшись в болоте, начни квакать: тех, кто не квакает – оно засасывает».

Я никогда не задумывался о том, засосало меня болото или я, как и окружающие начал квакать. Пожалуй, второе, поэтому я ещё тут, и я ещё жив.

Мои мысли вновь вернулись к вчерашней обиде, и вновь я клял себя:

– Мог бы отказаться от подачи тестя, а беру. Потому что не хочу попасть под каблук Рахили. Всячески стараюсь не потакать её почти систематическим алчным желаниям иметь самые дорогие и самые блестящие вещи...

От неприятных мыслей меня отвлекла одинокая фигурка девушки, стоящая на обочине дороге. Девушка не голосовала, а лишь взглядом провожала спешащие мимо машины.

Что-то в этой фигурке, одиноко и неприкаянно стоящей на обочине, показалось мне до боли знакомым и родным. Неожиданное ощущение потерянности, неприкаянности, как

током пронзившее моё сердце, заставило резко нажать на тормоз. Машина, взвизгнув новыми колесами, остановилась напротив девушки. Я открыл дверцу и спросил:

– Вам куда, девушка?

Не задумываясь, она ответила:

– В Ташкент.

Решил мгновенно: беру, и пригласил в салон, делая соответствующий жест рукой.

– Садитесь, нам по пути.

Увидев, что девушка колеблется, я терпеливо ожидал её решения, опасаясь резкими движениями спугнуть красавицу. Просто смотрел и улыбался. Девчонка попыталась открыть заднюю дверь автомобиля, но та не поддавалась, и она остановилась в нерешительности. Подняв защёлку, я помог девушке справиться со злополучной дверью. Девчонка молча, пригнув голову, села на заднее сидение, закрыв за собой дверцу, и затихла.

Дал газ, и машина, как застоявшийся рысак, сорвалась с места. От неожиданного рывка девушка откинулась назад. Краем глаза я наблюдал за ней. Бесспорно, девчонка красива. Сначала в глаза бросились удивительно рыжие волосы и зелёные, чуть ли не в пол-лица, глаза. Затем уже отметил небольшой прямой носик, красиво очертанье, немного припухшие губы, удивительно чистую и нежную кожу, лебединую шею (оказывается такая шея и у девушек бывает).

– Рассказать друзьям – не поверят, – машинально подумал я, – что в нашем городе встречаются такие рыжие солнышки.

Пассажирка упорно молчала, рассматривая через окно мелькающие деревья, выстроившиеся, как солдаты, вдоль дороги. Молчал и я, думая о своём. Прошло несколько минут, и молчание стало невыносимым. Пришлось первому начинать разговор. Начал с рассказа о родителях, живущих в Ташкенте, о работе, о себе, стараясь вовлечь в разговор пассажирку. Но девчонка упорно молчала, лишь изредка бросая коротко «да» или «нет». Решил пойти вабанк и нагло ватоп представился:

– Меня зовут Сабиrom Усмановым. А вас?

Взгляд пассажирки встретились в зеркале с моим взглядом.

– Так вот почему её глаза кажутся такими огромными! – подумал я. – Как это слово называется? Забыл... Ах, да, Рахилия говорила как-то: макияж. Зелёная краска, или ещё что-то. Вечно путаюсь в этих женских штучках.

Ответ девушки был тих и неясен, и мне пришлось переспрашивать:

– Как вы сказали, вас зовут?

– Наташа! – ответила она громко и внятно.

– Красивое имя, – подбодрил я и, видя её небольшое замешательство, продолжил:

– У вас в Ташкенте есть родственники?

Немного помолчав, словно решая, ответить прямо, или что-то симпровизировать, девушка всё же ответила правдиво:

– Нет, никого нет.

– К кому же вы едете?

– Ни к кому.

– Храбрая вы, однако, Наташа.

И её прорвало. Она начала рассказывать о том, что после окончания школы не поступила в институт, что мать замучила нравоучениями и придирками, что отец всё больше и больше отдаляется от семьи, оставив её наедине с её проблемами.

Внимательно слушал девчонку, не перебивая, думая тем временем, что взваливаю на себя, быть может, непосильную ношу, ведь, как говорится: мы в ответе за тех, кого приручаем. В Ташкенте мы будем к вечеру. Куда же я повезу свою попутчицу? На вокзал? Ей там не место: там совсем неподходящая компания для молоденькой, красивой девушки. Да боюсь, она там простынет: вон как съёжилась и дрожит.

– Наташа, – предложил ей, – накиньте куртку – вы мёрзнете.

– Нет-нет, – скороговоркой запротестовала та, – не надо!

– Надо! – настоял я, передавая куртку.

Девушка с благодарностью набросила её на плечи и обхватила колени руками. В таком одеянии, как у неё, было не мудрено замёрзнуть: коротенькая юбочка, едва прикрывающая колени, лёгкая блузка с короткими рукавами не способны защитить от утренней прохлады.

По-видимому, девчонка очень спешила, поэтому и выскочила из дома, в чём была.

– Как же она будет жить в Ташкенте без ничего? – удивился я про себя. А вслух спросил:

– Разрешите полюбопытствовать, Наташа, каковы ваши планы?

– Планы? – голос девушки донёлся словно издалека.

– Ну да, планы, – повторил я. – Ведь прежде, чем встать на обочину дороги, где я вас увидел час назад, Вы, вероятно, думали о том, что будете делать дальше.... Почему решили ехать именно в Ташкент?

Девушка призналась чистосердечно:

– Я была так сердита, так взвинчена, что не думала, куда и зачем еду. Единственной моей целью было желание вырваться из-под тяжёлой власти мамы и отупляющего равнодушия отца.... А сейчас.... Я думаю, что мне нужно будет устроиться куда-нибудь на работу, чтобы ни от кого не зависеть. Потом будет видно.

– Ну, на работу в Ташкенте устроиться не проблема, хотя для этого сначала нужно прописаться.

Пассажирка смолкла, а я продолжил рассуждать:

– Прописаться можно у Карима, моего старинного друга. Дом у него большой – пропишут без проблем. А потом я устрою вас в наш Политехнический. После года работы в нём легче будет поступить на вечерний факультет.

Остаток дороги мы с Наташей уже разговаривали, как хорошие, давние друзья. Я был весел, раскован, шутил, рассказывал весёлые истории, удивляясь самому себе: давно меня не посещало такое настроение, словно вернулось старое доброе время институтской молодости.

Каждая удачная шутка находила живой отклик у моей попутчицы. Смеялась она от всей души: смех её, светлый и звонкий, радостной стрункой откликался в моём сердце. Я забыл о своих тревогах, о том, что буквально 4—5 часов назад у меня было удручающее состояние, что утром, после скандала с женой, мне не хотелось жить. Сейчас я был почти счастлив.

Около восьми часов вечера мы въезжали в Ташкент. Нас встретил поток машин, снующих в разных направлениях, и пешеходов, спешащих перебежать улицу в совсем не подходящем месте, особый запах родного города.

Сворачивая с Куйбышевского шоссе, я сказал спутнице:

– Сейчас поедem к моему другу детства Кариму. Он живёт с сестрёнкой Дильбархон. Места у них много. Надеюсь, вам будет там удобно.

* * *

Вот и улица Джаркурганская, где живёт мой друг, где когда-то жил и я. Вот и знакомый дом, который встречает нас тёмными окнами-глазами. Долго нажимал на кнопку звонка, звук которого казался слишком громким, зудящим на одной ноте, словно огромный шмель. Наконец, когда моё терпение начало иссякать, послышались нетвёрдые шаги, загорелся свет, и хриплый мужской голос поинтересовался:

– Кого это несёт, на ночь глядя?

Невольно удивился незнакомому голосу, а главное тону, с которым был произнесён вопрос. Но отвечать нужно, иначе не откроют:

– Это я, Сабир Усманов.

– Какой ещё Сабир? – недовольно отозвался мужчина за дверью.

– Сабир Усманов – друг Карима Атабаева, – уточнил я.

Из-за двери донеслись звуки, по которым я понял, что неизвестный мне мужчина, чертыхаясь и кряхтя, начал открывать дверь. Но вот она, наконец, открылась, и перед нами предстал сам Карим – заспанный, со спутанными волосами. Его недоумённый взгляд остановился сначала на Наташе, потом перешёл на меня.

– Это ты, Сабирка? А я тебя не узнал... Богатым будешь...

Атабаев замолк на несколько секунд, видимо, ещё не совсем отойдя ото сна, затем продолжил:

– Заходите. Ну что стали на пороге?

Я пропустил вперёд Наташу, которая боязливо переступила порог дома, хозяин которого оказался настолько негостеприимен и сердит.

Из дальней комнаты показалось знакомое женское лицо. Тепло приветствовал молодую женщину:

– Здравствуй, Дильбархон! Рад тебя видеть.

Сестрёнка Карима узнала меня и вышла навстречу. На её лице появилась приветливая улыбка:

– Здравствуйте, Сабир-ака! Как поживаете? Давно вы не были у нас. Проходите, пожалуйста! Проходите!

Пока мы усаживались на диванчике в чистеньком уютном зале, и разговаривали с Каримом, Дильбар успела разослать дастархан. Все наши попытки отказаться от угощения, ссылаясь на позднее время, ни к чему не привели: закон гостеприимства должен соблюдаться несмотря ни на время, ни на обстоятельства. Карим настоятельно просит откусать и выпить хоть по пиале душистого индийского чая.

Зашёл разговор о моих родителях. Карим посетовал, что давно не видел их, жалуясь на то, что совершенно замотался на работе. Я невольно перехватил укоризненно-недоверчи-

вый взгляд Дильбархон, и понял, что вовсе не чрезмерная работа сделала моего друга таким сумрачным, обрюзгшим и всклокоченным.

После ужина Дильбар увела Наташу в гостевую комнату, а я решил, что именно сейчас настало время поговорить с Каримом:

- Друг, – попросил его, – у тебя не найдётся место для этой девушки?
- В каком смысле?

Видимо, я не совсем точно выразил свою мысль, поэтому Карим не понял меня сразу.

– Видишь ли, дружище, эта девушка ушла из дома. Её нужно прописать и устроить на работу.

- Ты же знаешь, Сабир, что у меня нет времени заниматься этим.
- Я прошу только прописать Наташу у себя, а на работу я сам её устрою.
- Зачем тебе эта девчонка, Сабир-ака?

И я начал злиться:

- Какое твоё дело?! Я без ума от неё!
- И когда это ты успел? – засмеялся Карим. – Ведь сказал, что сегодня познакомился с ней.

– Эх, Карим-Карим, в такую девушку можно влюбиться с первого взгляда!

- Влюбиться, может быть, и можно, но рассчитывать на что-то просто глупо.
- Да, что ты понимаешь в женщинах?! – начал сердиться я.
- Может быть, и ничего, – спокойно ответил друг детства, – но зато я понимаю кое-что в мужчинах... Я же тебя хорошо знаю: поиграешь и бросишь, как надоевшую игрушку. И не жалко?

– А чего её жалеть?! – продолжал злиться я. – Баба, как кошка: как не брось – всё на четыре точки становится.

Карим с удивлением посмотрел на меня и отреагировал с видимым недовольством:

- Может быть, может быть – ты же у нас опытный по части женщин.

Стараясь сменить щекотливую тему, и, чувствуя гадливость от только высказанной непристойности, виновато произнёс:

- Карим – дружище, помоги, прошу.

Карим посмотрел на меня внимательным, цепким взглядом:

- Хорошо, я помогу, чем смогу, но надеюсь, ты не думаешь, что я стану её пастухом?

– Правильно надеешься! – засмеялся ему в ответ. – Этого одолжения я от тебя не прошу: Наташа довольно взрослая девочка, и в пастухах не нуждается.

Поговорив ещё немного, я начал извиняться перед другом за то, что не могу больше задерживаться у него. Карим не стал задерживать, и мне вдруг показалось, что он даже рад тому, что я ухожу. Уже у дверей сказал ему, понимая, что мои слова могут обидеть друга, но не сказать этого я не мог:

– Дружище, надеюсь на твою лояльность... Девчонка моя. Понятно? Через неделю приеду – тогда поговорим обо всём более обстоятельно.

Добираясь через весь город к родному дому, я думал, явно ощущая неприятный осадок от встречи со старым другом:

– Почему я так грязно и грубо говорил с Каримом о Наташе? Неужели только потому, что он так изменился в лице при первом же взгляде на девушку? Я ревную эту незнакомую девчонку к другу детства?...

Ах, как она напомнила мне Катюшу!... Милую, нежную, хрупкую мою мечту, раставшую, как облачко, светлое и лучезарное, и оставившую досаду на самого себя, и горечь утраты...

Катенька, Катюша... Утраченное счастье моё, боль моя, радость моя... Где же ты сейчас? Ты уехала, а я не могу забыть ни наших встреч, ни нашей любви... Особенно горестны эти воспоминания на фоне моей семейной жизни, с её постоянными скандалами, придирками, грубостью и нравочениями хозяйки моего очага, из которого я бегу с радостным облегчением при каждом удобном случае... Вот и сейчас снова бегу из своего «семейного рая» без сожаления, без угрызения совести...

Знакомая дорога вела меня к родному дому, но неожиданно в памяти всплыло обескураженно лицо Карима, и кривая, виноватая улыбка тронула мои губы.

– Да, бедный Карим! – подумал я, глядя на своё зеркальное отражение. – Друг явно не ожидал от меня такого... Даже слова не смог найти в ответ, хотя никогда за словом в карман не лез... Что, Сабир-ака, самому противно?... Поэтому так быстро и ретировался?... Что же с тобой происходит, дружище, если даже перед самим собой стыдно становится?...

Глава 2. «Нет в доме хозяина – нет порядка»

(Рассказ №1 Сабира Усманова – продолжение)

Дома меня встретили от всей души, проявляя радость открыто и естественно, и я, как никогда, понял, что очень соскучился по этим честным, простым человеческим чувствам, идущим от сердца к сердцу.

Мама трогала меня натруженными руками, словно желая убедиться в моей целостности и сохранности. Её лучистые глаза сияли радостью и добротой.

Весёлой гурьбой выбежали навстречу племянники и племянницы: сегодня они со своей мамой, а моей старшей сестрой Фирузой, в гостях у бабушки и дедушки. Дети обступили меня со всех сторон, стараясь ухватить за руки, полы пиджака, за ноги.

И я смеялся, поднимая руки:

– Всё – сдаюсь! Сдаюсь!

Шум, гам, веселье заполнили весь дом, делая его таким же, как и раньше, во время нашего невозвратно ушедшего детства. Фируза приказала детям оставить дядю Сабира, потому что он устал после дальней дороги, и детишки гурьбой убежали вглубь дома.

– Ну, здравствуй, братишка! – с тёплой улыбкой обратилась ко мне сестра, похлопывая руками по плечам. – Как здоровье? Как дела? Рахилия? Дети? Как её родители?

И я отвечал, как принято, аналогичными вопросами, интересуясь здоровьем всех домочадцев сестры, делами, новостями и проблемами.

На мои вопросы Фируза, как всегда, реогировала просто, без претензий и жеманства:

– Всё хорошо, братишка, всё хорошо. Все живы-здоровы.

Мама, улыбаясь, посмотрела на нас, своих детей, и сказала мягким, душевным голосом:

– Пошли ужинать, дорогие мои: отец уже ждёт нас.

За дастархан рассаживались по старшинству: сначала отец, потом я, мама, Фируза со своим семейством, начиная со старшего её сына, четырнадцатилетнего Тахира и его сестры-двойняшки Зухры, и заканчивая пятилетним Усманом, названным в честь дедушки.

Отец никогда не любил шума за столом, поэтому к вечерней трапезе семья приступила с чувством, с толком, неспешно. Дети сестры совсем не похожи на моих: за столом не шалят, с места не вскакивают, ухаживают за младшими.

Старшие девочки, Зухра и Диля, помогали матери приносить на стол горячие блюда, расставляя касы (глубокие фарфоровые тарелки, формой похожие на пиалы) с аппетитной шурпой по старшинству, а затем убрали освободившуюся посуду.

После ужина все перешли в просторный зал, где каждый нашёл местечко по своему усмотрению: мы с сестрой устроились на диване, отец в любимом кресле у окна, детишки на ковре рядом с дедушкой.

Сестра с интересом расспрашивала меня о Рахиле, детях, работе, о Фергане. Отвечал на вопросы почти автоматически, рисуя радужную картину своей ферганской жизни, выдавая желаемое за действительное. Фируза от души радовалась моим успехом, заверяя, что всегда была уверена в том, что её братишка самый лучший, и жизнь у него должна быть соответствующей.

На расспросы о её муже Максуде, его диссертации, сестра отвечала неохотно, что всё хорошо, и я понял, что здесь кроется какая-то проблема, и я по ходу решил, что непременно должен поговорить с зятем, и если надо, то и помочь ему.

Меж тем племянники устроили импровизированный концерт: они читали стихи, пели песни, рассказывали о том, как провели каникулы, каких новых друзей нашли.

Слушал их и вспоминал, как мы сами в детстве вот так же собирались в субботу вечером возле родителей в этой же комнате, делились мечтами и планами, рассказывали истории, приключившиеся с нами за неделю. С тех пор прошло более пятнадцати лет, но как жива память о тех временах, и как она оказывается дорога.

Моя старшая сестра перенесла эти же правила в жизнь своей семьи, и это очень близко мне, понятно и симпатично. Её семья как бы продолжение нашей семьи. Преемственность поколений? Наверное. Но чтобы осуществить эту преемственность, заключающуюся в продолжении традиций дома, доброго отношения друг к другу, уважению к родителям, к старшим, нужно много работать, отдавая душевные и физические силы, много доброты и любви, и Фируза понимает это, как никто другой.

Умная у меня сестра. Умная и добрая. Однажды она сказала мне:

– Метод кнута и пряника даёт обществу хитрых, очерстневших существ, не способных на высокие добрые чувства...

И добавила: – Нужно просто любить.

Наблюдая за племянниками, я в который раз убедился в том, что мои собственные дети во многом им проигрывают. И хотя они имеют несравнимо больше благ, чем дети сестры, но это не перешло в качественные изменения, так и оставшись всего лишь количеством.

Отлично понимал, что и сам виноват в том, что мои дети получили однобокое воспитание, потому что совершенно отстранился от них, целиком отдаваясь работе. И это начало давать свои плоды: старший сын Камал уже несколько раз пытался грубить мне, и мои попытки наказать его за это, заканчивались истеричными скандалами Рахили. Ясно одно: в нашей семье нет хозяина, нет мужчины – хозяин в ней Рахилия, а это никогда не доводило до добра. Нет в доме хозяина – нет порядка.

В десять часов Фируза отправила младших детей спать, а старшие Тахир и Зухра сели играть с бабушкой в шашки, подсказывая друг-другу и стараясь обыграть любимого деда всеми правдами и неправдами. Шум начал усиливаться, но стоило сестре строго посмотреть на них и негромко сказать:

– Ну что вы так расшумелись? Вы не забыли, что ваша бабушка младших укладывает? – как сразу подростки притихли.

Мы переговаривались с сестрой вполголоса, чтобы не мешать заинтересованной игре троицы, увлекшейся немудрёной игрой. Фируза рассказывала о болезни свекрови, чудачествах свёкра, не желающего отправлять кампыр (старушку) в больницу, о слишком большой нагрузке свалившейся в связи с этим на плечи Максуда, сетовала на то, что сёстры мужа совершенно устранились от проблем своих родителей.

Я напомнил сестре, что Максуд единственный сын своих родителей, а по закону родители должны жить с сыном.

– О чём ты говоришь, братишка? – запротестовала Фируза. – Разве сейчас кто-то подчиняется старым законам? Ты вот не живёшь в родном доме, хотя тоже единственный сын.

Упрёк сестры вполне справедлив, поэтому я даже не попытался оправдываться. Чтобы не заострять внимание на этой болезненной теме, сестра предприняла попытку расспросить меня о семейной жизни, но, видя моё нежелание говорить на эту тему, тактично переключилась на детей.

Через полчаса отец остановил увлекательную игру и произнёс:

– Ну, всё, дорогие мои внуки, детское время давно закончилось, пора спать.

Тахир, пытаясь уговорить дедушку, начал, как можно, жалобней:

– Ну-у-у, дедушка, пожалуйста, давай поиграем ещё немного?

Отец смехом ответил на хитрость старшего внука:

– Какой же ты хитрец, Тахирджон! Знаешь, как влиять на старого деда.

В их разговор вступила Фируза:

– Тахирчик, сынок, нужно слушаться дедушку: он в доме главный.

– А Сабир-ака? – с надеждой в голосе поинтересовался мальчик.

– Сабир-ака главный в своём доме, – ответила сыну сестра.

Попытался улыбнуться этому выводу, но улыбка получилась кривоватой. Я вдруг подумал о том, что если бы сестра знала, какой это болезненный вопрос она затронула, то вряд ли сделала это замечание.

– А у нас кто главный? – вступила Зухра.

– Конечно, дедушка Рахим! – сделал вывод Тахирчик.

– А дада (отец)?! – обиделась Зухра.

– И дада тоже, – милостиво согласился Тахир.

– Так не бывает! Так не бывает! – запротестовала девочка. – В доме должен быть только один человек главным!

– Нет бывает! – уверенно ответил ей брат. – Бывает! Мама, скажите ей, что бывает?!

Фируза успокоила детей и попросила их отправиться в боковую комнату, которую когда-то занимали сёстры, и в которой по-прежнему стоят три кровати, большой круглый стол посередине комнаты, за которым они учили уроки, а над столом легендарный розовый абажур, который дада купил когда-то давным-давно в Москве маме в подарок.

Моя комната так же неприкосновенна, и я отправляюсь в неё на отдых каждый раз, когда после долгого отсутствия вновь возвращаюсь домой.

В ней ничего не изменилось со времени моего последнего посещения: она всё такая же чистая и светлая, как и прежде. В ней всё та же кровать с панцирной сеткой, массивный письменный стол, книжные полки, шкаф для одежды, на верху которого стоят коробки с моей коллекцией значков.

Спать не хотелось, и я, подвинув стул вплотную к шкафу, начал снимать заветные коробки, раскладывая их на полу. Постелив на пол небольшую курпачу (небольшой узкий матрас) и, положив под бок подушку яркого атласа, устроился поудобнее и начал рассматривать их содержимое.

Значков много и почти за каждым из них своя история его приобретения: вот этот ярко белый кораблик на голубой эмалевой волне привёз мне дада, когда лечился в санатории на Чёрном море. Мне тогда было лет восемь, но я помню всё, как будто это было вчера. Помню, как

отец интересно рассказывал о море, чайках, кораблях, пальмах. Помню, как затаив дыхание, мы слушали его, обступив со всех сторон.

Вот эти два значка: крейсер «Аврора» и Петропавловская крепость, привёз Карим из экскурсии в Ленинград. Было это, когда мы учились в седьмом классе. Карим победил в областной олимпиаде по математике и в составе группы таких же вундеркиндов побывал в городе на Неве. Друг вообще учился неплохо: особенно легко ему давались математика и физика.

После возвращения из Ленинграда Карим как будто даже повзрослел, стал серьёзней, значительней. Было много рассказов и о Питере, о Эрмитаже, Петергофе, домике Петра, о Пушкине и Павловске.

Как я завидовал ему в эту минуту. Мне так хотелось увидеть этот чудесный город – город неукротимого Петра. Сейчас я вспоминаю свои тогдашние чувства с улыбкой, понимая: Ленинград действительно из тех городов, который человек просто не имеет права не увидеть. К такому же праву я могу причислить ещё, пожалуй, Рим и Париж.

Ну в Риме я побывал в прошлом году с делегацией по деловому обмену. Остался ещё Париж. Из Рима я привёз вот эти четыре значка: на больше не хватило денег.

А вот этот значок мы покупали вместе с Катей, он почему-то вызвал её особенно восхищение. Было это в конце четвёртого курса. Начало лета... Лета нашей любви...

Неожиданно вспомнилось, что в одной из коробок, на самом её доньшке мною была спрятана фотография Катюши, и я начал лихорадочно вытряхивать их содержимое прямо на курпачу. Действительно из последней коробки лёгким белым листком выпало фото и, достигая её, замерло сиротливо и притягивающе.

С замиранием сердца приподнял листок и, перевернув изображением вверх, даже вздрогнул: словно наяву мне в глаза пытливо посмотрели доверчивые девичьи очи, и я душой – не глазами, увидел их пронзительную синеву и горячую нежность.

– Катя, Катенька, Катюша, – прошептали мои губы. – Где ты? С кем ты? Как ты?

Но молчаливое отображение не дало ответа, а глаза, словно укор:

– Поздно, Сабирчик, поздно. Твои вопросы уже никогда не найдут ответа...

Неспешно сложил своё богатство и гордость назад в коробки и водрузил их на место. Чтобы не рисковать самым дорогим, спрятал и фотографию Катюши, сожалея о том, что прошлого уже не вернуть, как бы я не желал этого.

Спать лёг уже в третьем часу, но несмотря на усталость никак не мог заснуть. Память бередили воспоминания: события, люди, лица. Только под утро они начали блекнуть и затухать, дав простор сновидениям.

Мой сон прервали бодрые звуки марша. Открыл глаза и невольно улыбнулся: как в детстве дада будит по утрам без всяких будильников, криков и понуканий, считая, что музыке подвластно то, что не подвластно хаотичному шуму и звону.

Некоторое время лежал в постели, блаженно улыбаясь и припоминая: уснул с мыслью о Кате – проснулся с мыслью о Наташе. В голове возникло, как озарение: Наташа – это отображение, продолжение той Кати, юной, нежной, хрупкой, неопытной, доверчивой и чистой. Именно это и поразило меня, и привлекло, и восхитило!

И сразу пришло решение: нужно сегодня же проверить, как она устроилась в доме Карима, удобно ли ей там, не стеснительно ли?

Бодро соскочил с кровати, энергично скрипнув всеми её пружинами, заправил по старой привычке постель и направился умыться в сад к колонке. Долго плескался, как когда-то в детстве, фыркая и отдуваясь, горя единственным желанием смыть с себя все худые мысли и воспоминания – все, без остатка.

Завтракали на открытой веранде, вдыхая утренний аромат поздних яблок и винограда. Ребятишки ещё спят. За столом Отец, мама, Фируза и я. Фируза разливала по пиалам зелёный душистый чай, а мама подкладывала горячие лепёшки, которые уже успела испечь в тандыре (печке для выпекания лепёшек) у северной стены нашего уютного дворика.

Вообще-то в Ташкенте зелёный чай не является главным напитком: здесь больше употребляют чай чёрный, но наша семья признаёт только янтарный, целебный зелёный чай.

Отец макал свежую лепёшку в блюдце с мёдом, щурясь от удовольствия, а мама смотрела на него с лукавой улыбкой, словно собираясь сказать: – Отец, какой пример вы подаёте детям?

Но дада опередил её:

– Сабир, углим (сынок), что ты собираешься делать сегодня?

И я рассказал ему о своих планах на сегодняшний день:

– Хочу проведать Карима, отец – давно не видел старого друга, не беседовал с ним по душам. Нужно ещё заехать в ЦУМ, купить кое-что детям: Рахилия целый список составила. Служивцы заказывали несколько тортов «Птичье молоко». Да и на Алайский рынок нужно заскочить: кое-какие запчасти купить для машины. В общем, дел много – не знаю успею ли побывать всюду...

– Да, график напряжённый, – согласился отец. – Надеюсь перед отъездом ещё заедешь домой? Кампыр (старушка) приготовила что-то в подарок нашим внукам.

– Хуп майли (хорошо), дада, заеду.

Прощаюсь с Фирузой и, отозвав, её в сторонку, прошу прощения за то, что не привёз племянникам подарков.

– Ты же не знал, что мы все здесь будем, Сабирджон, – успокоила меня сестра.

Чтобы порадовать племянников, достал из внутреннего кармана 100 рублей и попросил сестру от моего имени купить им гостинцев. Фируза, прикоснувшись кончиками пальцев к моей щеке, сказала в ответ:

– Спасибо, братишка, ты нас никогда не забываешь..

Я провёл рукой по её мягким, пушистым волосам и, попрощавшись, отправился заводить машину.

* * *

Улицы Ташкента вывели меня с окраины в центр города, раскрывая свои красоты не спеша, несмело, как стыдливая восточная красавица: сначала смуглую кожу, потом знойные чёрные глаза, потом лучезарную белозубую улыбку.

Старое и вместе с тем, почти юное лицо моего родного города – как оно поражает, открывая то новое в своём облике, что я ещё не видел, не знал, но что увидел и оценил сразу, вот так – с первого взгляда.

Ташкент! Как не любить тебя, звезда Востока?! Как не любить тебя, город моей юности?

Улицы меж тем, проведя мой путь через центр, вывели на другой конец города, на уютные, неширокие улочки с привычными, родными сердцу домиками, где за оградами, в тени

раскидистых фруктовых деревьев и виноградников, в небогатых строениях живут добрые, простые люди: соседи, знакомые, друзья.

На мой звонок вышла сестрёнка Карима. Широко улыбаясь приветливой улыбкой, означающей то, что она рада видеть друга и бывшего соседа, Дильбархон жестом руки пригласила меня в дом. Здравуюсь с ней, прикладывая руку к сердцу, и она отвечает мне тем же, скороговоркой задавая привычные вопросы о здравии семьи, отца, мамы и остальных родственников. Отвечал, что всё хорошо, все живы-здоровы, желая ей и её семейству всех благ.

- А что, Карим-ака ещё не встал? – поинтересовался с удивлением.
- Встал, встал, – заверила меня Дильбар.
- Что же он не встречает старого друга?
- Да он в магазин побежал, – отвернула свой взгляд девушка.
- Странно, – засомневался я, – с каких это пор Карим стал ходить по магазинам?

Диля не ответила на мой вопрос, а попросила пройти в зал:

- Проходите, Сабир-ака, сейчас Наташа-хон выйдет и мы будем пить чай.

Дильбар попыталась выйти из комнаты, но я остановил её:

- Скажи, Дильбар-хон, тебе понравилась Наташа?

– Да, – ответила девушка просто. – Хорошо, что она будет жить теперь у нас, а то я всё одна и одна...

- А Карим?

- Брат рано утром уходит на работу, а возвращается совсем поздно...

На пороге появилась Наташа в ярком узбекском платье, и я невольно улыбнулся мысли, что это этой девочке всё к лицу. Улыбнулась и Наташа.

- Здравствуйте, Сабир Усманович. Как вы находите меня в этом одеянии?

- Прекрасно! – засмеялся ей в ответ. – Не хватает только косичек.

Девушка вопросительно посмотрела на меня и я напомнил ей:

- У москвички две косички, у узбечки – тридцать три.

- А, вы это имели в виду?! Только из моих волос вряд ли столько косичек получится.

– Ну, что вы, Наташа?! – запротестовал я. – Из ваших волос можно при желании наплетсти этих косичек сколько угодно. И потом, тридцать три – число несколько преувеличенное, сказанное скорее для красного словца.

И тут же сменил тему разговора:

- Как спалось на новом месте? Как вам тут, не обижал никто?

– Ну что вы?! – запротестовала Наташа. – Дильбар такая добрая... А как ваши дела, Сабир Усманович, как дома, как родители?

– Могу я попросить, Наташа, чтобы вы называли меня Сабир-ака – это всё-таки не так официально?... Мы же не на работе... Договорились?

- Хорошо, Сабир Усма... Сабир-ака.

Наташа замолкла, краем глаза наблюдая за дверью и в воздухе повисла неприятная пауза. Чтобы прервать её, я напомнил:

– Ты интересовалась, Наташа, здоровьем моих родителей? Это ничего, что я так резко перешёл на ты? Ты не против? Не обидишься?

- Нет-нет, что вы? Конечно, не обижусь, Сабир-ака.

– Вот и хорошо! – воодушевился я в ответ. – С этим вопросом покончено... А родители? Я нашёл их в здравии и душевной бодрости. Мама просто перестраховалась немного. Видимо, они очень хотели видеть меня...

Наш разговор прервало появление Дильбархон.

– Наташа, помоги, мне, пожалуйста, накрыть дастархан (стол). – просит она, снимая с плеча поднос.

– С удовольствием, Диля.

Девушки начали расставлять на столе тарелочки с обязательным набором сопутствующих чаепитию, в каждой семье, живущей в наших краях: орешки, печёности, восточные сладости, фрукты и лепёшки. Появился и пухлый, расписанный замысловатым национальным орнаментом, фарфоровый чайник.

– Сабир-ака, – поинтересовалась Наташа, – вам наливать с уважением?

– Не обязательно, – улыбнулся ей в ответ. – Мы не у чужих людей в гостях – можно и полнее наливать... Да и потом, не слишком-то жарко: хочется погреться горяченьким.

За чаем общались только мы с Наташей, а Дильбархон немногословно предлагала кушанья, временами делая это только жестом руки или взглядом своих больших, выразительных глаз, окаймлённых густыми, длинными ресницами.

Сестрёнку Карима нельзя назвать красавицей: слишком худошава, узкое лицо, мелкие черты лица. Но глаза! Они компенсируют все недостатки, приковывая к себе внимание сразу и всё без остатка.. И уже не замечаешь ни угловатой худобы, ни чрезмерной нерешительности и скованности, ни несколько болезненной бледности, а видишь только её глаза: чёрные, бездонные, гипнотически манящие.

Именно за эти глаза её и полюбил наш первый махаллинский «джигит»: Ходжаев Батыр. Глаза Дильбар укротили буйный нрав Батыра, превратив его в покорного ягнёнка. Но, оказалось, не надолго: не успела Диля освоиться в доме мужа, как он начал поколачивать её. Сначала, как бы случайно, походя, каждый раз каясь о содеянном, умоляя о прощении, а затем: методично, с увлечением и удовольствием от процесса избияния.

Карим посмотрел, посмотрел на эти издевательства и забрал сестрёнку из дома Ходжаевых. Те злились, старались всячески опозорить Дильбархон, распространяя по махалле (район города с компактным проживанием местных жителей) грязные сплетни, что она грязнуля, непочтительная, скандалистка. Батыр кричал на каждом углу:

– Я тебя так опозорю, что ты из дома не сможешь выйти!

Дильбархон действительно стала настоящей затворницей, украдкой плакала, но брату боялась высказать даже слово протеста. Карим терпел, терпел проделки Батыра, думая, что, возможно, Ходжаевы в чём-то и правы, ведь у нас не принято невестке уходить из дома мужа: она должна терпеть всё, что бы не происходило за его стенами и молчать. Но, когда однажды, совершенно зарвавшись, Ходжаев начал распространять очередную ложь, что Дильбархон – джалап (женщина лёгкого поведения), мой друг не выдержал и одним ударом свернул скулу грязному лгуну, пообещав в следующий раз убить его, за что чуть не сел на соответствующую скамью.

Ходжаев подал на развод, после того, как удостоился, что Дильбархон не вернётся к нему и, спустя некоторое время привёз себе новую невесту из кишлака: глупенькое, юное создание, которое ради того, чтобы жить в столице, будет терпеть всё: и унижения, и побои.

С тех пор Дильбар так и живёт с братом в полной уверенности в том, что больше никогда не выйдет замуж: после случившегося с ней её никто не возьмёт, даже вдовец, с детьми.

Время шло, а Карим всё не появлялся, и я начал поглядывать на часы, удивляясь столь долгому его отсутствию:

– Что-то друг мой очень задерживается. Где же этот магазин находится, Диля, уж не в соседнем ли городе?

– Может быть, брат кого-нибудь встретил? – предположила она. – Разговаривают.

Дальнейшее ожидание становился невыносимым, и я, наконец, не выдержал:

– К сожалению у меня больше нет времени. Очень много дел в городе. Если Карим всё-таки вернётся, попроси его, Дильбархон, дождаться меня: у меня к нему есть очень серьёзный разговор.

– Хорошо, Сабир-ака, я скажу брату.

Поблагодарив за угощение, я поднялся из-за стола, пообещав заехать часа через два.

– Сабир-ака, – неожиданно попросила Наташа, – можно мне поехать с вами? Очень хочется посмотреть город... Если, конечно, не помешаю вам.

– Отчего же помешаешь? – пожал я в ответ плечами. – Конечно, поехали. Покажу все интересные места, кое-что расскажу о Ташкенте... Некогда я очень увлекался историей возникновения и развития нашего города, многое знал... Если не забыл, конечно.

Больше четырёх часов мы мотались по городу в поисках тех вещей, которые заказала Рахилия. Попутно я рассказывал Наташе о старом городе, о том, что принесло его жителям землетрясение, показывал массивы, которые были выстроены представителями разных республик великого Союза.

Рассказывал о культурных и исторических памятниках, о парках и скверах, о людях, населяющих мой родной город, которых я знаю, помню и люблю.

Наташа внимательно слушала мой рассказ, иногда задавая вопросы и смотрела, смотрела, смотрела, впитывая, как губка, знания о городе, в котором ей предстоит теперь жить, работать, учиться.

– Как вы много знаете о Ташкенте, Сабир-ака! И как интересно рассказываете! – восхищалась девушка. – Вам бы гидом быть.

– Я здесь вырос, – просто ответил ей. – Это мой родной город, и я люблю его.

– А сами живёте в Фергане, – напомнила мне Наташа.

– Да, – пришлось согласиться с ней, – живу в Фергане. Так уж получилось: иногда приходится жить вдалеке от любимых мест, родных людей, друзей... Разве не так?

– Так, – тихо согласилась девушка. – Именно так.

В дом Атабаевых мы вернулись в начале третьего. И снова нас встретила Дильбархон. Глаза у неё были красные и припухшие, словно девушка недавно плакала.

– Дильбар, что случилось? – обеспокоенно поинтересовался я. – Тебя кто-то обидел?

– Нет-нет, – слишком поспешно отреагировала та на мои слова. – Это я лук резала.

Сложно было поверить в её слова, но мне не хотелось волновать сестрёнку друга и поэтому я перевёл разговор на другую тему:

– А где Карим? Он вернулся?

– Да, Сабир-ака, брат вернулся, – тихим голосом сообщила Диля. – Он сейчас отдыхает у себя в комнате. Я его позову.

– Не беспокойся, девочка, – прошу её, – я сам подыму этого лежебоку, чтобы он целыми днями не валялся на постели: так всё царствие небесное можно проспаться.. Итак отрастил себе авторитет, как у председателя колхоза... Карим-ака, подъём! Твой дружок закадычный появился – встречай.

На мой голос, наконец, вышел хозяин дома с осололевшими глазами и опухшим лицом.

– Ассалому алейкум, дорогой! Яхши ми сиз? Саломат ми сиз? Хорошо поживаешь? – расплылся Карим в улыбке, пытаясь скрыть проглядывающее меж слов и жестов стеснение.

– Яхши-яхши (хорошо-хорошо). – заверил в ответ друга. – Поживаю себе. А вот как ты поживаешь, друг мой дорогой? Что-то видок у тебя неважный, как после глубокой пьянки.

– Вчера с друзьями посидели, – признался Карим. – Перебрали немного. Да не смотри на меня так – это редко бывает!

– Надеюсь, ты говоришь правду, – с сомнением произнёс я.

– Можешь не сомневаться Сабир-ака, – заверил меня Карим и, повернувшись к сестре, попросил:

– Сестрёнка, собери на стол: нужно гостя дорогого попотчевать.

– Да меня сегодня уже здесь потчевали, – запротестовал я, – только хозяина в это время дома уже не было. Мне поговорить с тобой нужно.

– Ничего, за столом разговор всегда душевнее, – начал философствовать друг. – Проходите, проходите в зал... Наташенька, проходите, азизим (дорогая).

– Я сейчас, – согласилась Наташа, – только руки вымою.

Пока Дильбархон накрывала на стол, Карим расспрашивал меня о домашних, и мне вновь пришлось рассказывать о том, что отец сетует на то, что Карим очень редко бывает у них: совсем забыл стариков.

– Да-да, – согласился тот. – нужно будет как-нибудь заехать. Собирался несколько раз, но всё времени не хватает.

Очень хотелось сказать другу о том, что если меньше времени тратить на встречи с друзьями, тогда и на другое времени хватало бы, но побоялся огорчить и без того пасмурного друга детства, поэтому перешёл прямо к делу:

– Карим, ты, наверное, уже понял, что Наташа приехала в Ташкент не в гости, а для того, чтобы пожить здесь, поработать и на следующий год поступить в институт. Но без нашей помощи ей не обойтись. Сам знаешь, что без прописки на работу ей не устроиться... У меня к тебе большая просьба: пропиши её пока у себя, хотя бы временно, пока она не устроится на работу, не обоснуется на новом месте. И, если ты не против, пусть она пока поживёт у тебя.

– Да, нет, я не против, – ответил Карим, – пусть живёт. И сестрёнке не так скучно будет... С пропиской, правда, непросто: у нас председатель Махаллинского комитета самодур ужасный... Придётся подмазать. Сам знаешь: не подмажешь – не поедешь.

Не говоря ни слова, я достал деньги и поинтересовался:

– Как ты думаешь, Карим, ста рублей хватит?

– Наверное, хватит, – неуверенно согласился он.

И я отсчитал ещё сотню, подавая деньги другу со словами:

– А это Наташе на жизнь: на питание, дорогу, мелкие расходы. Через неделю подъеду, чтобы устроить её на работу – дам ещё... Ты уж постарайся, дружище, прописать её за неделю.

От Карима уезжал, когда часы перевали за четыре, досадуя на то, что потратил так много времени и теперь придётся ехать через перевал ночью.

Заскакочил на несколько минут к родителям, чтобы попрощаться с ними, оставить подарки, купленные в городе и забрать узелок, приготовленный мамой для внуков. Обещал приехать через неделю. Мама передала приветы Рахиле, её родителям и попросила, чтобы я привёз хотя бы внуков, если сноха не может сейчас переносить долгую дорогу.

– Я постараюсь, мамочка, – пообещал ей, в полной уверенности, что жена не отпустит детей со мной.

– Хотя бы младшенького, Ильдорчика привези – умяляюще попросила мама. – Он так похож на тебя, углим (сынок): вылитый ты в детстве... И отец его очень любит...

Торопливо попрощался с родителями и, помахав на прощание рукой, уехал из родительского дома, снова ловя себя на мысли, что именно этот дом считаю родным, а не тот, куда мне предстоит вернуться.

Только теперь, спустя годы, я начал понимать, почему мужчины не торопятся домой, после окончания работы. Одни из них с друзьями сидят в чайхане и за чайником, наполненным не чаем, а коньяком, или араком (водкой) коротают вечера, расслабляясь после тяжёлого трудового дня, юморя и подтрунивая друг над другом. Другие отправляются к любовнице, где их всегда встречают радушно, с улыбкой, без требований и скандалов. Как я теперь понимал их и оправдывал.

Только теперь я понял, какой щедрый дар мне преподнесла судьба в виде любви к самой прекрасной девушке в мире, и каким я был идиотом, когда позволил ей исчезнуть из своей жизни... Но всё же я бесконечно благодарен судьбе за её щедрый подарок.

Длинная дорога от Ташкента до Ферганы невольно располагала к раздумьям, и что я только не передумал, преодолевая её, не торопясь особенно, но и не плетясь черепахой: поспешая медленно (качество приобретённое мной в последние несколько лет, необходимое человеку в моём положении).

Свёкор неустанно вдалбливал в мою голову некую, как ему кажется, прописную истину:

– Человек в твоём положении должен иметь значимость, вес. Осталось отрастить «авторитет» (в виде небольшого животика) и ты перестанешь быть белой вороной в наших кругах...

О, Аллах, как это противно! Стать похожим на моего тестя?! Вальяжного, зажившего, без блеска, без интереса в глазах, живущего лишь для того, чтобы создавать дутый авторитет, внушая всем, что он – «белая кость», имеющая право всеми повелевать.

Неужели же и я становлюсь похожим на него?... Попал в болото: квакай?!...

Глава 3. Нельзя жить по чужим законам

(Рассказ Дильбар Атабаевой №1)

Как я рада, что у нас поселилась Наташа! Всё-таки молодец Сабир-ака, что привёз её к нам, а не в дом своих родителей. Теперь мне не так одиноко.

Раньше мне целыми днями приходилось быть одной – не с кем даже поговорить. Брат днём на работе, а вечером с друзьями. Домой возвращается поздно, и сразу ложится спать. Устаёт очень. Работа у него такая: ответственная. Ташкент, как он говорит, город хлебный, вот и едут сюда всякие жулики и воры, чтобы пожить. А брат мой, Карим-ака, ловит их. Он один, а их много...

После того, как я вернулась из семьи Батыра Ходжаева, боялась даже в магазин выходить, потому что обязательно сталкивалась с кем-нибудь из его родственников. Они будто нарочно подкарауливали меня. А родственников у Батыра много: три брата и три сестры, да ещё двоюродных не меньше десяти. И все они такие сердитые, что я даже одного их вида пугалась, у меня начинали дрожать ноги и я не могла вымолвить даже слово в ответ.

Каждый раз при встрече Ходжаевы старались обидеть меня, говорили всякие нехорошие слова. Женщины пытались вцепиться в мои волосы, поцарапать лицо. Особенно усердствовала мать Батыра – Халима-апа. Я вырывалась от них и в слезах убегала домой, а мне во след неслись проклятия и угрозы. И никто на улице за меня не заступался, потому что я не имела права уходить от мужа. Соседи меня, конечно, не осуждали вслух, но по их взглядам я понимаю, что они считают виновной во всём только меня.

Преследования со стороны родственников Батыра прекратились только после того, как Карим-ака сломал ему челюсть, выбил два зуба. Брат даже пообещал убить бывшего мужа, если его семья не отстанет от меня. Они отстали. Но я до сих пор боюсь встретиться и с Батыром, и с Халимой-апой.

Подруг у меня почти не осталось. Все они вышли замуж и разъехались в разные места. Ближе всех к Ташкенту живёт Лола Вахобова – в городе Янги-Юль. Иногда я бываю у неё в гостях и живу по два-три дня.

У Лолы хороший муж, добрый. Зовут его Юсуп-ака. У них есть дети: девочка и мальчик. Валя и Маратик. Дочку они назвали Валей так же, как зовут маму Юсупа: Валя Александровна. Она самый главный доктор в Янги-Юле.

Да, Валя Александровна – русская, не узбечка. Она приехала в Янги-Юль сразу после института, чтобы работать доктором в городской больнице. Так и осталась в Узбекистане – домой в Куйбышев больше не вернулась. Потом замуж вышла за Эркин-ака, и у них появилось трое детей: Юсуп, Зухра-Зоя и Люба – по нашему Мухаббат.

Мне всегда нравилось бывать у Лолы: у них тихо, спокойно, весело. Они хорошо относятся ко мне – любят, жалеют. Лола сейчас сидит дома: Маратик ещё маленький. А раньше она работала экономистом в большой строительной организации. Мы с Лолой вместе заканчивали экономический факультет ТашПИ (Ташкентский политехнический институт). Только брат, после моего возвращения от Ходжаевых, не пустил меня на работу – говорит, что дома дел много.

Карим-ака мне, как отец. Когда погибли наши папа с мамой, мне было 12 лет. Брат сам заботился обо мне: кормил, одевал, учил. Теперь я забочусь о нём: готовлю, убираю, стираю. По другому я не могу отблагодарить старшего брата за всё, что он сделал для меня.

Для того, чтобы мне было хорошо, он вынужден был от многого отказаться. После гибели родителей, старший брат перешёл в вечернюю школу, а днём работал дворником в городе. Потом, когда Карим-ака начал работать в милиции, он учился заочно в институте. Ему было нелегко – я это видела. Спал брат мало, иногда засыпал за дастарханом. Мне было его так жалко, что я хотела тоже перевестись за заочное отделение и пойти работать, чтобы брату было легче хотя бы в финансовом отношении. Но Карим-ака не разрешил делать этого.

У брата даже жены нет, хотя его друзья все давно женаты и у всех есть дети. Когда я напоминала ему о том, что давно пора привести в дом хозяйку, брат всегда смеялся в ответ, что у него времени нет на такие пустяки. Но я думаю, что Карим-ака не смог найти жену из-за меня. Всё своё время он тратил на работу и на меня – на другое у него времени не оставалось. Теперь Карим-ака уже старший лейтенант, но, как и раньше, одинок.

У брата была девушка, когда он учился на юридическом факультете: Луиза Сарымсакова. Она Кариму очень нравилась. Мне тоже Луиза нравилась: весёлая, смешливая. Но её отец потребовал большой выкуп-калым, а у нас не было таких денег. Вот отец и отдал её тому, кто заплатил за неё большой выкуп. Продал её отец. Теперь Луиза живёт в Самарканде с мужем и у неё уже пятеро детей.

После этого брат даже говорить не захотел больше о женитьбе, а ведь ему уже тридцать три года. Давно пора иметь свою семью. Карим-ака шутит: -«Я женат на работе!» Мне это совсем не нравится: плохая шутка и совсем не смешная.

Вот так мы и живём вдвоём с братом. Я очень жалею его, хотя иногда и ворчу, особенно, когда он начинает выпивать. Но это ничего не значит: я всё равно уважаю его, жалею и люблю. Он добрый, хороший. Карим-ака никого не боится. Он даже не побоялся забрать меня из семьи мужа, где меня обижали, издевались, называли безотцовщиной, нищенкой. А Батыр бил почти каждый день и за то, что говорила, и за то, что молчала, и за то, что глядела, и за то, что не глядела – за всё.

Батыр в переводе на русский значит богатырь... Вот он и чувствовал себя рядом со мной богатырём, потому что не имела права, да и не смела ответить. Я пыталась скрывать и синяки, и ссадины от людей, от брата, но скрыть было трудно. Муж всегда старался бить по лицу, по глазам, а этого скрыть было нельзя.

Халима-апа говорила, что муж должен учить жену, чтобы она была покорной, чтобы боялась мужа, а сама командовала в доме, как хотела. Её муж, Анвар-ака, всегда слушал Халиму-апу.

Я однажды спросила у свекрови:

– Халима-апа, а почему вы не боитесь своего мужа?

Она ответила очень грубо:

– Не твоё дело, нищенка.

Тем же вечером Батыр так избил меня, что на следующий день я не смогла встать с кровати. Неожиданно в дом мужа пришёл брат и увидел меня такой. Карим-ака тогда очень рассердился. Он назвал Батыра садистом и забрал меня назад домой.

Муж кричал, что Карим-ака ничего не знает, что я сама во всём виновата, что непослушная и грубая, но брат не сказал ему ни слова. Только посмотрел странно, и Батыр сразу замолчал.

После этого я ещё больше уважаю и люблю брата, и стараюсь сделать всё, как он хочет. Он никогда не обижает меня – даже голоса не повышает, не командует, что делать, как вести себя. Но это совсем не к чему: мне самой нравится ухаживать за ним.

* * *

Пару дней назад Наташа спросила у меня:

– Почему вы нигде не бываете, Дильбар-хон: всё дома и дома? Вы же ещё молодая, только двадцать семь лет...

– Что вы, Наташа? – ответила я ей. – Я уже немолодая... Я была замужем.

– Ну и что? – удивилась она. – У вас нет ребёнка. Вы одна.

– Я ушла от мужа – опозорилась. Теперь меня замуж никто не возьмёт. Разве только вдовец какой-нибудь с детьми.

– Какие странные порядки! – возмутилась девушка. – Как можно вот так сразу, на молодую женщину ставить клеймо?!... Никогда бы не подумала, что такое возможно. В наше-то время?...

А я сказала тогда Наташе, чтобы она так не расстраивалась:

– Вот Карим-ака накопит денег и женится на хорошей девушке. Когда у них появятся дети, я буду их нянчить.

– Вы очень любите детей, Дильбархон? – заинтересовалась Наташа.

Этот вопрос удивил меня:

– Как можно не любить детей? Они такие нежные, такие хорошие. Беззащитные...

– Вам свою жизнь, Дильбархон, нужно устраивать. Вы ещё молоды, может создать семью, иметь своих детей.

– Откуда? – испугалась я. – Кто к нам домой может прийти? Друзья брата все давно женаты. Соседи знают о моём позоре... Никто из тех, кто знает об этом, замуж меня не возьмёт.

– Вам надо найти работу, Дильбархон! – сделала вывод девушка. – Нужно менять жизнь, Диля. Быть среди людей. Когда изменится жизнь, тогда в ней, непременно, появится достойный человек.

– Что ты, Наташа?! – испугалась я. – Карим-ака никогда не разрешит мне работать. Он сказал, что теперь я всегда буду сидеть дома...

– Диля, у тебя высшее образование. Государство учило тебя пять лет, потратило столько средств. Как ты можешь сидеть дома, не отдав ему долги?

Эти слова Наташи заставили меня задуматься. Со мной так ещё никто не разговаривал. Девушка всё говорила и говорила, а я слушала и слушала. Она рассказала мне о своей маме, которая приехала в Узбекистан в девятнадцать лет, не имея образования, не умея работать. А теперь работает в школе преподавателем, и её все уважают и ценят. Наташины рассказы о том, какую пользу может принести образованная женщина своему государству, своему народу, зародил большое сомнение в том, что я делаю всё правильно. Свой красный диплом, я спрятала в сундук, а сама прячусь за четырьмя стенами, даже не пытаюсь что-то делать.

Однажды вечером, когда брата ещё не было дома, мы с Наташей затеяли переодевание. Наташа долго колдовала над мной: делала причёску, красила глаза, губы, надела на меня своё

чёрное, почти до пола, платье, которое она называет вечерним. Потом подвела к зеркалу и сказала: – «Смотри, Диля, какая ты красивая!»

Я долго смотрела на своё отражение, удивляясь тому, что могу быть такой непохожей на себя, совсем другой. Интересной. Но тут пришёл брат. Я не успела умыться и снять платье, а Наташа схватила меня за руку и потащила показывать Кариму.

– Карим-ака! Карим-ака! – повторяла она. – Посмотрите какая Дильбархон красивая.

Брат осуждающе посмотрел на меня и сказал:

– Сними сейчас же это платье! В нём ты похожа на женщину лёгкого поведения.

Наташа обиделась на его слова:

– Карим-ака, зачем вы так говорите? Вы хотите обидеть меня, ведь я всегда так хожу?

– Нет, Наташа, – холодно ответил брат, – я не хочу вас обидеть, но то, что позволено русской девушке не позволено узбечке. У нас другие обычаи, другие правила.

В первый раз мне было стыдно за старшего брата. Он вроде и правильно всё сказал... Но, как он сказал – мне не понравилось. Я видела, что и Наташе это тоже не понравилось, но ничего не смогла ему ответить.

После этого случая, я несколько раз пыталась заговорить с братом о том, что мне надоело сидеть дома, что хочу работать, быть среди людей. И каждый раз слышала один ответ:

– Выкинь это из головы! Какая работа? Женщина должна сидеть дома.

Я поняла, что брата не убедить ни в чём, потому что он никогда не меняет своё слово. Уж мне это хорошо известно самого детства. Карим-ака всегда был строг со мной – строже, чем папа, которого я помнила хорошо. Впрочем, папа тоже много времени проводил на работе. И он, и мама – работали оба. Я, сколько себя помню, всегда находилась под присмотром старшего брата. Поэтому он и считает себя ответственным за меня, за мою жизнь.

Конечно, брата я знаю хорошо, поэтому могу понять его, могу простить. Но Наташа его совсем не знает, и поэтому чувствует себя у нас неуютно. Даже я это понимаю. Карим-ака – не понимает и не хочет понимать. Ему просто некогда: он занят своими делами, своей работой.

Он не понимает, что Наташа не такая как я. Сидеть на одном месте, скучать и смотреть целыми днями в окно, Наташа-хон не может. Девушке хочется, чтобы Карим-ака скорее прописал её, чтобы можно было устроиться на работу. А я никак не могу понять: почему ей так нужна работа? Сейчас у нас много свободного времени. Это даёт возможность общаться, делиться мыслями, мечтами. Мне с Наташей совсем не скучно. Мне с ней интересно.

Я хорошо знаю, что работа отнимает много времени. Если девушка устроится на работу, то у нас уже не будет времени на то, чтобы вот так, как сейчас, разговаривать, бродить по городу, любоваться фонтанами, цветами.

– Что хорошего в этой работе? – спросила я у Наташи. – Карим-ака часто жалуется, что на работе трудно, что он очень устаёт...

– И меж тем, попробуйте лишить его этой трудности?! – ответила девушка.

– Лишить мужчину работы нельзя, потому что тогда не на что будет жить, – не согласилась я с ней.

– Диля, работают не только для того, чтобы зарабатывать деньги, а и для собственного удовольствия. Наконец, дело, которое ты любишь приносит человеку уверенность в себе, в своих силах, приносит радость...

То, что говорила Наташа было мне непонятно. Иногда её слова, как «китайская грамота». Я смотрела на неё и удивлялась: такая молодая, а знает то, о чём я никогда не слышала.

Вся неделя прошла в разговорах. В свободное время мы гуляли с Наташей по городу, ходили в кино, на выставки. Если бы не она, то я не увидела столько интересного. В последнее время я не бывала нигде, кроме продуктового магазина и базара.

Вообще от этой киз бола (девочки) я узнала столько нового, интересного, о чём даже не подозревала. Хотя Наташе нет восемнадцати, а мне почти двадцать семь, она в своём развитии гораздо выше меня. Приходится это признать: о жизни я знаю мало, потому что мало видела, мало разговаривала с образованными, знающими людьми.

Может быть Наташа права, когда говорит, что каждый человек должен общаться с себе подобными – иначе он деградирует? (Слово непонятное, трудное, но я его всё же запомнила).

Карим-ака никак не хочет понять, что дом для меня, как тюрьма: добровольное заточение в четырёх стенах. Он ругает меня за то, что я так легко поддаюсь чужому влиянию, говорит, что Наташа плохо на меня влияет. И я не знаю, как убедить его в том, что это не так, что эта кизча ничего плохого не делает, ничего плохого не желает?

Сегодня брат сказал, что постарается прописать Наташу, потому что в воскресенье придет его друг Сабир-ака. Тот звонил ему на работу и предупредил, чтобы Карим-ака непременно прописал девушку к воскресенью.

А мне сегодня вечером уезжать в Янги-Юль: я обещала Лоле быть у них к концу недели. В семье подруги праздник – той, по случаю обрезания. Той будет большим и шумным. Друзья давно готовились к нему. Пригласили много гостей. Будут подарки, угощение, музыка. Для этого Юсуп-ака пригласил из Ташкента какой-то ансамбль.

Я тоже приготовила подарки и виновнику торжества Маратику, и моим лучшим друзьям: Лоле и Юсупу. Жду-не дождусь, когда настанет это время. Хочу спросить Лолу-хон и Валю-апу правильно ли говорит Наташа, и почему старший брат так недоволен её разговорами? Почему он не хочет, чтобы я их слушала?

Валя-апа умная – она знает всё, и обязательно поможет мне разобраться, понять, кто из них прав, потому что я начала во всём сомневаться: особенно в том, правильно ли говорит Карим-ака. Ведь брат часто просто приказывает, и никогда не объясняет почему нужно делать так, а не по-другому.

Карим-ака говорит, что мы не должны жить по законам европейцев, потому что мы другие. У нас совсем другие законы, другая религия, другие обычаи. Но ведь Валя-апа живёт по нашим обычаям, а она не узбечка – она русская. Значит брат не прав в том, что нельзя жить по-другому? Главное не то, по каким законам и обычаям ты живёшь, какую религию исповедуешь – главное то, что ты человек хороший: добрый, умный, душевный.

Может быть, я не настолько умна, многого не знаю, но мне кажется, что в этом права я, а брат мой – не прав. Он всё ещё думает, что я невзрослая. Карим-ака опекает меня, словно я маленькая девочка, как раньше, когда я ещё училась в школе. Но ведь я уже взрослая женщина, даже замужем была...

Наташа сказала, что мужчины ужасные собственники, поэтому и не хотят давать нам, женщинам, свободу. И откуда она всё это знает? Я спросила её:

– Наташа-хон, что нужно делать, чтобы стать такой же умной, как ты?

Она засмеялась и ответила:

– Читать нужно больше, Диля. Смотреть умные фильмы. Общаться с умными людьми.

И об этом нужно спросить Валю-апу, ведь она тоже читает разные умные, толстые книги и общается с умными людьми. А я после окончания института, кроме газеты в руки ничего не брала, и то только для того, чтобы посмотреть телевизионную программу. Ничего удивительного в том, что я отстала от жизни. Как сказала Наташа:

– Жизнь, Диля, на месте не стоит.

Очень хотелось взять Наташу с собой в Янги-Юль, показать ей моих друзей, но она отказалась. В воскресенье из Ферганы должен приехать Сабир-ака, а я вернусь домой не раньше понедельника-вторника. Мне не хотелось оставлять Наташу здесь одну, но ничего сделать не могу. Я должна быть на этом празднике, потому что не могу подвести подругу. Она на меня надеется.

Из дома уезжала с сомнениями и с тревогой. Не узнаю сама-себя: до приезда к нам Наташи в моей голове было всё так ясно, так спокойно. Я ни в чём не сомневалась, ни о чём постороннем не думала. И всё же, это состояние мне нравится больше, чем раньше: это так интересно – узнавать что-то новое, понимать, что есть другая жизнь. Не похожая на нашу.

Только я боюсь, что Карим-ака скоро не разрешит мне проводить с Наташей столько времени. Порой мне кажется, что он смотрит на девушку как-то не так, словно боится её, или просто не хочет, чтобы она жила у нас. А я не знаю, как уговорить его, объяснить, что он неправ. Я просто не могу найти подходящих слов, поэтому и еду в Янги-Юль, чтобы попросить совета у моих друзей.

Глава 4. Мина замедленного действия

(Рассказ Карима Атабаева №1)

Навязал же Сабир на мою голову эту девчонку! Мало того, что обязал прописать её на своей жилплощади (а у меня без этого дел хватает), так она и пропаганду ведёт в доме: забивает голову сестрёнке всякой ерундой.

Раньше я за Дильбархон был спокоен: после неудавшегося брака, она целиком посвятила себя дому, домашним делам. Всё для неё было просто и понятно: ни вопросов, ни сомнений. Теперь же, слушая разговоры Наташки, сестрёнка начинает сомневаться в том, что жизнь её правильна. Стала задумываться для чего она училась в институте, почему живёт, как ей теперь начинает казаться, так бесполезно. (Надо же слово какое нашла: бесполезно!)

Приходится убеждать Дильбар в том, что всё, что говорит Наташка – не для таких, как она: это норма жизни европейских девушек, а не узбекских. Но я вижу, что несмотря на убеждения, сомнения у сестрёнке остаются.

Скорее бы Сабирка приехал и забрал эту девчонку, потому что она, как мина замедленного действия: не знаешь в какой момент рванёт. Опасаюсь, что в действие она уже приведена.

Не только из-за сестрёнки не хочу, чтобы Наташка жила у нас, но и из-за себя самого: уж больно она хороша. Такая кому угодно голову вскружит и не заметит.

Сабир ясно дал понять, что запал на эту девчонку. Я злюсь на друга. Злюсь и завидую: сердцед-бабник, везде успевает, не в пример мне. Жёну себе отхватил перспективную, а к ней в придачу и должность соответствующую, и почести, и льготы – всё о чём только мечтать можно. В институте из-под носа опытных ловеласов увёл Катю Воронову – до сих пор некоторые из них простить не могут. Теперь эта девчонка. И где он таких находит? Мне в своей практике никогда не приходилось сталкиваться с такими красавицами.

Надо честно признаться, я проигрываю Сабире по многим позициям: он стройный – высокий, я маленький – толстый. У Сабира тонкое смугловатое лицо, открытые глаза, гусарские усики над яркими губами. Я – широкоскулый, большелобый, с копной курчавых, как у барашка, волос, узковатыми глазами, слегка мясистым носом и, крупными губами. Представили? Не красавец, верно?

И совсем неважно, что в моей груди бьётся преданное, доброе, как говорит сестрёнка Дильбар, сердце. Мне остаётся лишь улыбнуться в ответ:

– Это для тебя я самый умный и самый лучший, потому что твой брат, потому что ты хорошо знаешь меня и любишь.

Странно, но мы с Дильбар совсем не похожи. У сестрёнки удивительные глаза: их свет делает её лицо светлым и очень привлекательным. Волосы Дильбар мягкие и шелковистые, заплетены в тугие косички и красиво обёрнуты вокруг узорчатой тибетеечки на её головке. Она худенькая и длинноногая. Мы с ней практически одного роста. Но для женщины метр шестьдесят пять вполне неплохой, средний рост, а для мужчины... Вот именно: маловат.

Дильбархон похожа на маму, а я на старшего брата отца, который погиб совсем юным в конце войны. На фото, которую дядя прислал с фронта то же лицо, что у меня, за исключением курчавых волос, потому что на нём дядя острижен по ноль.

Все, кто видит это фото, спрашивает в каких войсках я служил. А ведь я не служил вовсе, потому что являлся единственным опекуном Дильбархон. После гибели родителей, мы остались с сестрёнкой вдвоём, и я заменил ей и отца и мать.

Сегодня с утра был в Махалинском комитете, чтобы забрать паспорт Наташки, который отдал ещё во вторник на прописку. Взятку никому не давал, да и не взяли бы: всё-таки лейтенант милиции. Побоялись бы.

Зачем тогда брал у Сабирки 100 рублей? Долг накопился – нужно было срочно отдавать, а рассказывать об этом другу детства не хотелось: очень вид у него был недовольный. Собственно, Сабира можно понять: приехал к другу поговорить, а тот после грандиозной пьянки двух слов связать не может.

Деньги я ему, конечно, верну, сочинив соответствующее оправдание, хотя самому тошно от вранья. Но тогда иного выхода я не видел. Деньги нужны были позарез: проигрался основательно. Сколько раз ругал себя, что связываюсь с Тахиром Абдукадыровым (ему в игре всегда везёт), но не могу удержаться от соблазна: очень уж я человек азартный. Сколько денег проиграл Тахиру – стыдно вспомнить! И Дильбар обманываю: говорю, что коплю деньги на калым.

В субботу снова собираемся всей компанией. Дильбархон уезжает в пятницу в Янги-Юль к институтской подруге. Хотел и Наташку с ней спровадить, но та ни в какую. Заладила, что в воскресенье Сабир-ака приезжает, а в понедельник они должны идти устраиваться на работу.

Завтра с утра дежурю, а значит наша прекрасная гостья будет дома одна. Хочу, попросить её, приготовить что-нибудь на вечер, хотя не представляю Наташку у плиты. Невооружённым глазом видно, что девчонка жила на всём готовом, ничем себя не утруждая. Слишком много свободы было у этой красавицы. Отсюда такая уверенность в себе, смелость суждений, сила убеждения, лёгкость в общении с людьми.

Девчонка сразу нашла общий язык с Дильбархон, хотя сестрёнка, после неудавшегося замужества, совершенно замкнулась в себе, и с людьми сходится трудно. А тут щебечут, как две горлинки, пересмеиваются, словно всю жизнь знают друг-друга. Сдружились.

Подруг у сестрёнки и раньше было немного, а теперь подавно. Большинство из них вышли замуж и уехали из Ташкента. Осталась одна Лола, которая живёт в Янги-Юле. Туда в пятницу и уезжает Дильбар на большой праздник – той, в честь младшего сынишки Лолы. Завтра он станет истинным мусульманином, примет на себя завет наших предков, пройдя через обряд посвящения.

Этот обряд всегда проходит очень торжественно и многолюдно. Будет и мулла с чтением сур из Корана. Будут гости, поздравления, подарки, богатое угощение, музыканты, песни и танцы. Для родителей этот день всегда радость и гордость: в их семье есть продолжатель рода, их продолжение в будущем.

Дильбар приглашала поехать с ней на той, но у меня дежурство: пришлось отказаться. Надеюсь, что сестрёнка не поймёт, что дежурство только предлог, а причина в том, что мне нелегко смотреть на счастье родителей. У них есть сын, они растят его вместе, у них – семья.

Глядя на счастье других, я особенно остро ощущаю себя обделённым, начинаю вспоминать Луизу, и пью... Дильбархон потом упрекает, плачет, просит больше не делать этого, но я ничего поделать с собой не могу. Вот потому мне лучше не быть на этом тое, чтобы не портить настроение ни сестрёнке, ни гостям, ни себе.

* * *

В субботу вечером мы встретились в условленном месте. Я и «святая троица»: Тахир Абдукадыров, Вахоб Кабиров и Азиз Хасанов. Набрали изрядное количество спиртного и направились ко мне домой. Предвкушая приятный вечер, приятели были веселы, остроумны, довольны собой. Особенно усердствовал Тахир-Толик. Он рассказывал о том, как сегодня напугал нянечек в роддоме, ворвавшись в палату, где лежит его жена, родившая утром сына. У Толика это второй ребёнок. Первая дочь, и ей почти два года.

Толик шутил, что намерен нарожать ещё восемь детей: четыре сына и четыре дочки. Его попытался отговорить Ваха:

– К чему так много? Хватит и трёх-четырёх...

– К чему так много? – смеялся Тахир. – Чтобы в доме всегда весело было, чтобы не замолкали детские голоса.

– Так они же и отдыхать не дадут! – запротестовал Вахоб.

– Ну, это, как приучишь, – авторитетно заявил Толик. – Домашних, как говорят русские, нужно держать в ежовых рукавицах, чтобы по струнке ходили, чтобы знали, кто в доме хозяин.

Я слушал Тахира и вспоминал бывшего мужа Дильбархон.

– Ты мне сейчас напомнил Батыра!

– Какого Батыра? – не понял Толик.

– Ходжаева Батыра, – уточнил я.

– Это из Юнус-Абадского УВД что ли?

– Да нет. Это бывший муж моей сестры Дильбар.

– Ну уж сравнил! – обиделся Толик. – Батыр – это бандит. По нему тюрьма плачет. Женщину нужно держать не кулаками, а в моральном смысле... Думаешь почему я хочу сделать жене столько детей – ради собственного удовольствия? Как бы не так! Да с десятью детьми на шее, ей даже в зеркало посмотреться будет некогда, не то, что на других мужиков заглядываться.

Вахоб с Азизом, выслушав такую жизненную позицию, переглянувшись, засмеялись. У меня, если честно, эта позиция восхищения не вызвала, и смешной не показалась. А Толику реакция друзей явно понравилась, и он продолжил делиться с ними опытом, не обращая внимания на мой хмурых взгляд.

Дома я попросил Наташу накрыть на стол. Всё-таки у Тахира ребёнок родился, и его нужно обмыть должным образом. Так принято у нормальных людей.

От моего взгляда не ускользнуло то, что Тахир наблюдал за действиями девушки чересчур заинтересованно. И это меня обеспокоило, потому что натура Толика мне очень хорошо известна. Ещё с институтских времён он слыл бабником и ловеласом. Но, когда наш ловелас предложил Наташе составить компанию, та категорически отказалась от такой чести и ушла в свою комнату. Толик прошипел ей во след:

– Надо же, какая принцесса?!

А, когда Наташа скрывается из вида, добавил:

– Кто такая? Откуда взялась? Почему, Карим-ака, ты ничего о ней не сказал?

– Это Наташа-хон, – нехотя пояснил я. – Она из Ферганы приехала. Собирается на следующий год в институт поступать.

– А в этом, что не поступила?

– Нет.

– Такая красotka и не поступила?! – удивился Тахир.

В наш разговор вступил Вахоб:

– А что в наши институты стали принимать за красоту?

– Нет, – засмеялся Азиз, – за деньги.

– Не знаешь, куда поступала? – продолжил допытывается Тахир.

– В Иняз, кажется.

– О-о-о, – подал голос Вахоб, – туда такса пять тысяч.

– Всего-то? – удивился Тахир. – В Андижанский мединститут – десять тысяч.

– Откуда знаешь? – торопливо поинтересовался Азиз.

– От верблюда! – с высока своего положения ответил Толик. – Старший брат дочь свою туда устраивал: десять кусков отвалил.

– Что же у Наташкиных родителей денег что ли нет? – поинтересовался Вахоб. – Всего-то пять тысяч?

Я не выдержал и вступил в разговор:

– С каких это пор пять тысяч стали для тебя маленькими деньгами?

– С тех пор, как тесть взял его в долю, – поддел Вахоба Толик.

– В какую долю? – переспросил я, не понимая намёка.

– В долю от спекуляции, – пояснил Толик, усмехаясь.

– Какая такая спекуляция?! – вскнул Вахоб. – Просто мы отправляем в Челябинск, Тюмень, Сургут фрукты и там продаём – только и всего.

– Они там продают! – съязвил Тахир-Толик, с усмешкой поглядывая на друга. – Втридорога...

– А ты, как хотел? – покраснел Вахоб. – Дорогу надо оправдать?! Надо. Расходы надо оправдать?!... Туда – плати, сюда – плати... Ментам – плати, за проезд – плати... Кругом расходы.

– Тише-тише! – попытался успокоить разгорячившихся друзей Азиз. – Что так расшумелись? Мы сюда зачем пришли, чтобы выяснять кто куда и за что платит? Давайте ка, друзья, лучше выпьем за наших детей?

– Ты прав, азизим (дорогой): мы пришли, чтобы обмыть новорождённого, а не чтобы спорить, – понизил голос Вахоб.

И все тут же забыл разногласие, принимаясь за горячительные напитки, сопровождая каждый стакан тостом. Как гостеприимный хозяин, не забываю напоминать дорогим гостям закусывать, чем Аллах послал. Хорошо, что сестрёнка про запас напекла всякой всячины. Да и Наташа-хон тоже не осталась равнодушной к моей просьбе: сготовила плов на газовой плите. Не скрою: удивился очень, хотя и пытался не показать своего удивления. Моя уверенность в том, что девчонка готовить не может не оправдалась. Конечно вкус плова не такой, как у того, что готовят в казане на улице, но вполне съедобный.

Пришлось самому ухаживать за честной компанией: настёрная кизча (девчонка) так и не вышла из своей комнаты.

Через некоторое время горячительное сделало своё тёмное дело: языки у друзей развязались, глаза начали блестеть, разговоры стали ещё более откровенными, а мысли, напротив, туманнее. Я обратил внимание, что Тахир тихо встал из-за стола и вышел из комнаты. Опасаясь, что эта распутная бестия начнёт приставать к Наташке, вышел следом за ним. И оказался прав: Толик стоит у двери Наташиной комнаты, царапает её ногтями, уговаривая девушку выйти и посидеть с нами.

Чтобы девчонка не смогла понять наш разговор, начал говорить с ним на узбекском языке.

– Что, понравилась девчонка? Правда хороша?

– Да, очень.

– Девочка-то есть, палван, (богатырь), но не про твою честь.

– Что, Карим-ака, себе поберегаешь?!

– Нет, я не поберегаю: Сабир поберегает.

– Какой Сабир? – Тахир сделал вид, что не понял.

И я принял его игру:

– Усманов Сабир. Надеюсь помнишь такого?

– Сабирку Усманова?! – нахмурил брови Тахир. – Конечно, помню. А, если забуду, то зубы своим блеском напомним.

– Сколько он тогда их тебе выбил, Тахир-джан?

– Какое это имеет значение? – повысил голос Толик. – Это было давно!

– Но память-то на всю жизнь останется, – улыбнулся я беззлобно. – На каком это курсе вы так повздорили?

– На третьем, Карим-ака, на третьем. Думаю помнишь из-за чего?

– Не из-за чего, а из-за кого, – деликатно уточнил я. – Как же, конечно помню: из-за Кати Вороновой. Вы её поделить никак не могли. Не так ли, дружище? Всё помню, дорогой. Как не помнить: все парни с вашего курса были чуть влюблены в Воронову...

– А досталась этому паршивцу! Сабирке! – произнёс Тахир с такой ненавистью и яростью, словно это было вчера, словно боль в его душе не утихла до сих пор. – Он попользовался и бросил её, подлец!... А ведь я любил Катюшу. Так любил... Как никого и никогда больше уже не смогу полюбить...

– Я ездил к ней, Карим, в Джизак. – неожиданно признался Толик, – Просил выйти за меня замуж... Знаешь, что она тогда мне ответила?

– Откуда? – миролюбиво ответил ему, поглаживая по плечу, как больного.

– Она сказала: – «Толик, ты замечательный друг, хороший человек, но замуж за тебя я не выйду, потому что люблю другого. Прости...»

– Я понял, что она до сих пор любит этого подлеца, Сабира. Готов был убить его! Но, когда вернулся в Ташкент, он успел уже уехать в Фергану.

– А где сейчас Воронова? – поинтересовался я лишь для того, чтобы поддержать разговор.

– Там же, в Джизаке. Работает в Облбольнице... У неё сын растёт, Карим. Сабиркин сын... Я это сразу понял, как увидел мальчишку. – голос Тахира сорвался и он начал плакать злыми, пьяными слезами.

Едва удалось успокоить друга и увести от дверей комнаты, где была Наташа, соблазняя выпивкой. Только это подействовало на Тахира безотказно и он пошёл со мной в зал с единственной, как видно, целью: напиться.

Набирались мы в тот вечер основательно. В результате Азиз заснул тут же за достарханом, Вахоб находился в состоянии близком к отключке – с большим трудом стоял на ногах. Только Тахир, крепко держался в горизонтальном состоянии и всё повторял, как попугай:

– Вот пью и не пьянею! Пью – и не пьянею!

Друзья, наконец, собрались с силами и начали разбредаться по домам. Как я не старался уговорить их остаться, мне это не удалось. С трудом погрузили Азиза в его «Жигулёнок»: вес у него немалый – под сто килограмм, да ещё помноженный на отключку.

Вновь уговаривал Тахира не садится за руль в нетрезвом виде, и заночевать у меня, но тот ответил:

– Я всегда за рулём не совсем трезвый и ничего – дорогу домой нахожу.

Когда друзья уехали, я собирал все остатки водки в один стакан, залпом выпил его и отключился.

* * *

Утром чувствовал себя хуже некуда: давило сердце, кружилась голова, во рту словно вчера съел что-то не совсем свежее. Из зеркала смотрела физиономия с синяками под глазами, с примятыми с правой стороны кудряшками, в которых застряли не-то пушинки, не-то объедки. Не оставалось ничего другого, как плюнуть в отражённую физиономию и отправиться искать что-нибудь из выпивки, чтобы поправить здоровье. Облазил чуть не весь зал, но не нашёл ни глотка. Ругнул себя за то, что не догадался с вечера спрятать бутылку пива.

Злой, как сатана, пошёл на кухню, обшарил холодильник, но и там выпивки не было. Неумытый, всклокоченный, шатался по дому, отыскивая объект на котором можно было отыгаться. Под горячую руку попала Наташка. Выражение девичьего лица говорило, что мой вид ей, мягко говоря, неприятен. Эта гримаса вынудила съязвить:

– Подумаешь, принцесса?! Что вчера выпендривалась? Посчитала общение с нами недостойным твоей светлости?

Наташка, сверкнув глазами, ответила с вызовом:

– Я не обязана развлекать ваших пьяных друзей!

Эти слова больно задели, моё, исходящее слюной, самолюбие, и я выдал по-полной:

– Ну, и тебе, азизим (дорогая), никто ничем не обязан!

Девчонка посмотрела на меня сверху вниз с плохо скрываемой жалостью и даже, как мне показалось, брезгливостью и ушла в комнату.

Я рвал и метал. Мотался из своей комнаты в зал, и обратно. В порыве злости хотел что-нибудь разбить, но передумал, справедливо полагая, что это расстроит сестрёнку.

– Хорошо, что её сейчас нет, – шептали мои губы, – что она не видит брата в таком состоянии, а то были бы слёзы, упрёки... Ох, уж мне эти женщины! Вечно чем-то недовольны. Никогда их не угодишь.

И тут в мою тяжёлую голову заползла беспокойная мысль:

– Как бы Наташка не наболтала сестрёнке лишнего, тогда мне несдобровать... Тут ещё, совсем некстати, Сабир должен появиться... А я госте нагрубил. Совсем расхотелся, ахмак (дурак) всклокоченный! Ох, Карим-ака, придётся зажать гордость в кулак и загладить своё хамство! А иначе мне удачи не видать...

Решился пригласить Наташку позавтракать, да и прощение, заодно попросить. Попробую свалить всё на чрезмерное употребление спиртного, больше оправдаться было нечем. Два раза подходил к двери в её комнату с приглашением, но от завтрака она категорически отказалась.

– Обиделась! – вертелось в моей тяжёлой голове. – Значит всё расскажет Сабиру. Дело плохо. Нужно смываться из дома... Пока не поздно.

Намыл свою физиономию, прилизал непослушные кудри, переделался в чистое и мышкой юркнул за порог, моля Аллаха, чтобы не столкнуться с Сабиром. Кляня себя почти нецензурными словами, и, проклиная вчерашний загул, направился в пивнушку, обещая лишь поправить здоровье – и всё. Но, как только влил в рот первую кружку, всё покатилося по накатанной дорожке: откуда-то появились знакомые, сами-с собой возникли пустые разговоры, водка к пиву, и так до тех пор, пока карманы не стали пустыми. И вокруг сразу образовалась пустота, но зато в сердце поселилась храбрость: я уже не боялся ни Сабира, Ни Наташи, ни Дильбархон.

Расхрабрившись так до безобразия, с трудом добрался домой, надеясь на то, что Сабир уже был, и они с Наташкой успели убраться до моего появления. Чуда не произошло: не успел собрать все пустые бутылки, как заявился Сабир. Начал прямо с порога:

– Опять веселишься, Карим-ака?
– Ты же знаешь, друг: я весёлый человек.
– Дорвался до свободы, дружище? Не слишком ли её много для тебя?
– Какая там свобода? – в ответ буркнул я, жестом приглашая друга в зал, напрочь забыв, какой там беспорядок.

Лишь в зале понимаю свою оплошность, потому что это ничто иное, как поле после «куликовской битвы»: кругом пустые бутылки, объедки, осколки, окурки. Пришлось оправдываться:

– Вчера немного посидели с ребятами... Обмывали новорождённого. У Толика Абдукадырова вчера сын родился. Ну вот и погудели. Немного...

– Да, вижу, что немного, – покачал головой Сабир.

– Ты меня осуждаешь? – предположил я, всматриваясь в лицо друга. – Ты не прав, Сабир! Что я не имею права отдохнуть после работы?

– Имеешь, имеешь, – успокоил меня тот. – Но не имеешь права хамить.

– А что я такого сделал? – протест напрашивался сам-с собой.

– Ты Наташу обидел.

– Ну да, её обидишь! Она сама кого угодно обидит... Утром даже разговаривать не стала, завтракать отказалась... И чем это её, интересно, обидели, тем что попросили немного посидеть с нами, составит компанию?!

– И как это ты себе представляешь? – сверлил меня взглядом Сабир, – Орава пьяных мужиков и рядом юная девочка?

На это мне ответить было нечего. Стоял молча, опустив голову, как провинившийся школьник перед строгим учителем. А Сабир бил словами, как кнутом:

– Карим-ака, тебе же было сказано человеческим языком, что эта девочка не про вас. Ты, что, дружище, меня не понял?

Это уже было верхом моего «позора». Другому бы я ответил достойным образом, но не Сабиру, которого я почитал, как брата. Не осталось ничего иного, как скорчить совершенно пьяную, непонимающую физиономию, с которой, как известно, взятки гладки. Сабир в сердцах плюнул на пол, потом оттолкнул меня и ушёл. Толчок был настолько сильным, что я упал и больно ударился локтём. Мой голос прозвучал в зале слабым всхлипом:

– А ещё друг называется! Ради первой встречной готов прикончить старого друга... Эх, Сабир-ака, Сабир-ака!

Но думаю этот крик души понят не был. Я слышал, как с громким стуком закрылась входная дверь, заставившая меня вздрогнуть, как от удара хлыста. В этот миг, своим затуманенным умом я понял, что именно сейчас, потерял своего лучшего друга. И меня словно прорвало. Я плакал, клял себя самыми последними словами, обвиняя во всех смертных грехах. Обвинял себя, друзей, пагубное пристрастие к водке, проклятую судьбу. Но меня не слышал никто, потому что рядом не было никого: ни друга, ни родной души, ни Аллаха, к которому я время от времени обращался, когда становилось совсем невмоготу. Один... Совсем один... Может ли быть худшее наказание? Не знаю...

Глава 5. Буду слушать и думать

(Рассказ Дильбар Атабаевой №2)

Я возвращалась из Янги-Юля на рейсовом автобусе отдохнувшей, в весёлом, безоблачном настроении. Ташкент показался таким дорогим и близким сердцу, что неожиданно у меня на глазах появились слёзы. Хорошо я сидела у окна, делала вид, что заинтересована городским пейзажем, поэтому моих слёз никому не было видно.

Неожиданно пришло осознание: я дома. Оно было настолько удивительным, что в моей голове появилось много вопросов:

– Что произошло?... Что изменилось? Почему прежде я не чувствовала этого? Почему до этого момента всё было привычным, знакомым, обычным?

Никогда раньше я не задумывалась над тем, что для меня значит Ташкент. Ну – столица Узбекистана, ну – город в котором я родилась и выросла – и только. Почему сегодня он стал чем-то большим: стал другом, в котором я увидела столько близкого и дорогого моему сердцу?

Я будто повзрослела, стала, быть может, немного мудрее. У меня словно раскрылись глаза, как после долгого, тяжёлого сна. И, кажется, мне известно почему это произошло. Просто раньше я плыла по течению, как сказала Валя-апа, а теперь стала думать. Сама думать, а не жить по чужой подсказке.

Последние сутки я много разговаривала с Лолой, с Вале́й-апой и много думала. Думала о себе, брате, о нашей жизни. И поняла, что мы совершаем большую ошибку. Ни у брата, ни у меня нет цели в жизни. На какой рынок сегодня пойти, что приготовить на ужин брату, или, где сегодня встретиться с друзьями – это не цель, это обыденность нашей жизни. Этой обыденностью мы и живём изо-дня в день, из года в год, ничего не меняем, ни к чему не стремимся – так сказала Валя-апа,

И ещё она сказала, что «каждый человек непременно должен иметь цель в своей жизни и стремиться к ней, добиваться её достижения, тогда он будет ощущать себя человеком нужным, востребованным, а значит и счастливым». Пока я просто запомнила её слова, а дома, в тишине буду над ними думать.

– Каждый человек должен к чему-то стремиться, ради чего-то жить – сказала Валя-апа.

А ради чего живём мы: Карим-ака и я? У брата есть работа, на которую он жалуется, сердится, порой ненавидит, но без неё жить не может. А я? Четыре стены, забота о нём – и ничего больше. И ради этого стоило появляться на свет? Нет-нет, тут что-то не так... Только что – пока не пойму.

Со мной, думаю ясно: «замкнулась в скорлупе, как улитка»: меня не тронь, а уж я – не трону. С братом и того хуже: выпивки и работа. Вот и всё – все жизненные интересы. Не густо, как говорит иногда Карим-ака, пересчитывая свои карманные деньги. А мне почему-то кажется, что эти слова отражают всю нашу жизнь: не густо.

В Янги-Юль я ехала не только затем, чтобы погулять на празднике, отдохнуть, а чтобы спросить совета у Вали-апы, послушать мнение Лолы. Когда я рассказала о том, что говорила мне Наташа, Валя-апа долго молчала, обдумывая мои слова, потом сказала:

– Видимо, эта девочка очень серьёзно думает о жизни, о том как можно принести пользу своей стране. Это, конечно, похвально. Но она не учла специфику местной жизни: исламская

религия несколько иначе подходит к роли женщины в обществе, к её возможностям и обязанностям.

– Так что, – испуганно спросила я, – Наташа была неправа? Она хотела мне вреда?

– Ну, что ты, Дильбар? – успокоила меня Валя-апа. – У Наташи на уме не было ничего дурного. Просто она, в силу юношеского максимализма, считает, что все люди одинаковы... А это не так. У каждого человека свой предел возможностей. В расчёт нужно брать ещё и пол и возраст, и религию, и много других факторов.

И Валя-апа рассказала мне, как ей пришлось бороться с предубеждением местного населения, когда она начала работать после окончания института в местной горбольнице. Её постоянно спрашивали, почему она не сидит дома, не воспитывает детей, не ухаживает за мужем? Говорили, что не женское дело вот так, как она, всё время пропадать в больнице. Люди не могли понять и поверить, что Валя-апа любит свою работу, хочет помочь им, облегчить боль, физические и душевные страдания.

В наш разговор вступила Лола:

– Да Валя-апа и не смогла бы сидеть дома – не выдержала бы без своих больных.

– Ты права, дочка, – улыбнулась Валя-апа, глядя на Лолу добрыми глазами, – без своей больницы, без больных я не смогу жить – это мой второй дом. Когда у меня всё получается, когда человек выписывается домой выздоровевшим, весёлым, и у меня радостно на душе. Если же я ничем не могу помочь больному – мне плохо, горько, обидно за своё бессилие перед болезнью.

Я думаю, что у Валя-апы большое сердце, если в нём есть место всем её больным. А у меня сердце совсем маленькое: в нём помещается только моя боль за брата, забота о нём, да теперь ещё Наташа. И пусть Карим-ака говорит, что я не должна её слушать, я всё-равно буду слушать и буду думать. Сама буду думать.

Лола тогда сказала:

– Дильбар, у тебя самой есть голова на плечах. До каких пор за тебя будут думать другие? Ты ведь уже взрослая женщина...

* * *

Дама никого не было. В зале такой беспорядок, словно там пронеслось целое стадо диких животных. И это стадо на своём пути всё перевернуло, разбросало, перемазало. Я испугалась за Наташу и поспешила в её комнату, но там тоже не было никого. И её вещей тоже не было. Ноги мои ослабли и я опустилась на стул, чтобы не упасть. Мысли стали беспокойными, чёрными:

– Что случилось?... Где Наташа?... Почему такой беспорядок?

С тяжёлой головой пошла в кабинет брата, чтобы позвонить к нему на работу, узнать, что произошло. Дежурный ответил, что Карим-ака выехал на происшествие и будет только после обеда. Это меня немного успокоило: если брат на работе, значит с ним всё в порядке. Вздохнув с облегчением решила приняться за уборку, чтобы к возвращению брата в доме был полный порядок.

До самого вечера скребла, мыла, чистила, пылесосила, приводила дом в порядок, а в голове вертелся только один вопрос: где Наташа. Готовила ужин и думала: – А вдруг она обиделась на нас за что-то и поэтому ушла?

Даже, когда смотрела вечером по телевизору один из каналов, на котором показывали какой-то фильм, снятый на киностудии «Узбекфильм», мысли мои были далеко. Я вспоминала о том, как интересно, весело в доме моей подруги Лолы, и как тихо, безрадостно в нашем доме.

Может быть, Наташа права, что пора менять свою жизнь, идти в люди, а не сидеть дома, выглядывать в окно и ждать «с моря погоды»? Как сказала девушка:

– Никто, Дильбархон, домой не придёт, и не поведёт тебя за ручку в новый мир. Ты сама должна сделать первый шаг. Сама, понимаешь?

– Она права, – решила я. – Никто не придёт. Сколько я уже жду? А годы идут. Мне скоро двадцать восемь лет, а ни своего дома, ни семьи. У Лолы муж, двое детей, а у меня – только Карим-ака. Не могу же я всю жизнь быть возле брата?

Время тянулось так медленно, словно улитка на виноградной лозе. Даже медленней, чем раньше. По этому поводу у русских есть хорошая пословица: ждать и догонять – хуже всего. Сейчас, как никогда раньше, я понимала это, потому что жду и теряю терпение. Но всё-равно я дождусь брата, хотя в последнее время он раньше двенадцати ночи домой не возвращается. Я должна увидеть его глаза, поговорить с ним... Хватит молчать!

Мне надоело молчать. Карим-ака пьёт – я молчу, Карим-ака поздно возвращается домой – я молчу. Молчу и соглашаюсь, делаю так, как говорит брат, как он хочет. Даже книги перестала читать, потому что он сказал:

– Зачем забивать голову всякими пустяками? Лучше займись рукоделием или поработай в саду, на чистом воздухе – пользы будет больше.

Когда-то в школе я увлекалась поэзией Омара Хайяма. Читала его рубайи наизусть. До сих пор помню некоторые из них:

Не моли о любви, безнадежно любя,
Не броди под окном у неверной, скорбя.
Словно нищие дервиши, будь независим —
Может статься тогда и полюбят тебя.

Вот ещё, что помню до сих пор:
Упрёков не боюсь, не опустел карман,
Но всё же прочь вино и в сторону стакан.
Я пил всегда вино – искал улады сердцу,
Зачем мне пить теперь, когда тобою пьян!

Или вот это:
Любя тебя, сношу я все упрёки
И вечной верности не зря даю зарюки.
Коль вечно буду жить, готов до дня Суда
Покорно выносить гнев тяжкий и жестокий.

Очень красиво! Всё это написано о нас, женщинах. Но, если закрыть лицо чадрой, или сидеть, как я дома, то этого не увидеть, не понять и не описать с такой нежностью и с такой любовью... Мне таких слов никто никогда не говорил. Никогда. Но, как хочется хоть однажды услышать это:

Ты, кого я избрал, всех милей для меня.

Сердца пылко жар, свет очей для меня.
В жизни есть ли хоть что-нибудь жизни дороже.
Ты и жизни дороже моей для меня...

Знала много. Теперь – забыла. Не должна была забывать. Поэтому и себя тоже забыла.
Наташа-хон сказала так: – «Человек интересен тогда, когда он много читает, много знает, имеет свои мысли по тому или другому поводу и может их высказывать так, что они становятся понятны и интересны каждому».

Я плохо говорю, не интересно. Потому что мало знаю и мало думаю. Конечно, я думаю, но не о том. Мои мысли совсем простые: у брата обувь износилась – нужно купить новую, сосед на прошлой неделе задел своей машиной забор – нужно попросить усто (мастера) Эркина поправить, сад зарос травой – нужно полоть, летнюю веранду покрасить, заплатить за газ и за свет... Вот такие у меня мысли. Разве они могут быть кому-то интересны?...

* * *

Карим-ака пришёл домой в половине первого и удивился, почему я до сих пор не сплю. Но ещё больше брат удивился, когда я сказала, что хочу поговорить с ним.

– О чём, сестрёнка? – спросил он без интереса. – Может перенесём разговор на утро?
– Нет, мы поговорим сегодня, – не согласилась я.

Брат удивлённо посмотрел на меня.

– Что такое? Что произошло, сестрёнка?

– Это я вас должна спросить, Карим-ака, что произошло? Почему в доме такой беспорядок? Где Наташа-хон? Почему нет ни её самой, ни её вещей?

– Ничего не произошло, – спокойно ответил брат. – Были друзья – немного посидели. Только и всего.

– Не правда, Карим-ака! – запротестовала я. – Не немного: в зале валялись десять бутылок.

– Да половина из них из-под пива! – начал сердиться брат. – А нас было пятеро. Что для каждого из нас одна бутылка водки под хорошую закуску?... Наташа плов нам сготовила.

– Где она? – продолжила настаивать я.

– Её Сабир забрал. Увёз к своим родителям.

– Вы обидели её! Обидели – я знаю. Пьяный вы нехороший: много говорите, можете наругать, сказать обидные слова... Только я могу это терпеть, потому что жалею вас. Потому всегда молчу, не отвечаю ни на придирки, ни на ядовитые слова... А вы становитесь всё хуже и хуже! Скоро, наверное, станете драться, как Батыр.

Слёзы сами закапали из моих глаз, когда я представила, как брат замахивается на меня.

– Цыц! – повысил голос Карим-ака. – Перестань сейчас же! Вот до чего доводит дурное влияние. Хорошо, что я проводил твою новую подругу! Представляю, что стало бы с тобой через месяц-другой, останься она у нас! Разве можно вам, женщинам, давать волю?! Вы сразу на шею садитесь. Я думал, что у меня сестрёнка не такая, как все, и ошибся. И ты такая же! Сейчас же отправляйся в свою комнату и ложись спать.

Тогда я поднялась со стула и сказала:

– Вы плохо думаете, Карим-ака. Я не ребёнок: мне уже почти двадцать восемь. А вы обращаетесь со мной, как с пятилетней девочкой... Я так обрадовалась, когда Сабир-ака привёз к нам Наташу, подумала, что, наконец, у меня будет подруга, что будет с кем поговорить, обсудить разные женские дела, сходить куда-нибудь вдвоём... А вы взяли и выгнали её. Вы злой, Карим-ака! Думаете только о себе, а до меня вам нет дела.

Чтобы окончательно не расплакаться, я повернулась и быстро ушла в свою комнату. А мне во след неслись слова:

– Ты смотри, как она заговорила?! Научилась! Перечить брату – проще всего, а вот понять его, посочувствовать – труднее. Легче дверью хлопнуть и уйти...

Я зашла в свою комнату, закрыла уши руками, чтобы больше не слышать то, что говорит Карим-ака, чтобы окончательно не потерять к нему уважение. Он что-то ещё говорил, ходил по комнате, хлопал дверями и, как видно, был очень рассержен.

Быстро разделась и легла в свою постель. Хотела быстро заснуть, но мысли не давали покоя. Я поняла, что брат считает меня глупой, что у меня на плечах не голова, а пустой казан. В эту минуту мне очень хотелось доказать ему, что это не так, что он ошибается. Если бы я была глупа, как он думает, разве я смогла бы закончить экономический институт? Причём с красным дипломом закончить. Красные дипломы не выдают за красивые глаза – для этого нужно прилежно и долго учиться.

Я хочу работать, приносить людям пользу, сделать свою жизнь интересной, нужной ещё кому-то, кроме брата.

– Может быть Карим-ака боится, что я могу сбиться с пути? – думала я озабоченно.

Вот и Валя-апа говорила совсем недавно:

– Узбекская женщина совершенно зависит от мужчины, и эта зависимость делает её безвольной, слабой, не способной к самостоятельности. Русская женщина более эмансипирована, она от мужчины зависит в меньшей степени, и это даёт ей большую свободу. Даже молодая девушка славянского происхождения умеет пользоваться ею, отлично зная меру своей свободы.

Узбекская же девушка, получив свободу, к которой она не привыкла, начинает делать ошибку за ошибкой. Зачастую девушка-узбечка, приехав из кишлака учиться в большой город, начинает встречаться с юношей, вступает с ним в половые отношения, а, забеременев, всячески скрывает это до последнего момента. Родив ребёнка, где-нибудь в укромном уголке, она просто выбрасывает его затем на свалку... К сожалению, на моей практике такое бывало неоднократно.

Может Карим-ака боится, что со мной произойдёт тоже самое? Но мне не семнадцать лет, к тому же я уже была замужем. И мне это совсем не понравилось. Я до сих пор со страхом вспоминаю те ночи, когда Батыр приставал ко мне. Его жадный рот, дрожащие губы и хриплые слова:

– Ты моя жена! Ты должна быть покорной, и делать всё, что я прикажу!

Эти воспоминания вызывают у меня неприятные ощущения в желудке и меня сразу начинает тошнить.

– Нет-нет, – отчаянно шепчу я, притягивая одеяло к подбородку, – я никогда больше не выйду замуж! Если Карим-ака станет заставлять меня сделать это. Я лучше покончу с собой, чтобы больше никогда не испытывать такого страха, отвращения и обиды.

Чтобы избавиться от неприятных воспоминаний, я начала думать о том, как доказать брату, что я могу не только работу по дому выполнять, что способна на большее. Наташа сказала мне, что нужно найти работу. Но я в своей жизни нигде ещё не работала, и мысль о том, что я должна куда-то идти, говорить с людьми, пугает меня.

– Если бы Наташа была здесь! – вырвалось у меня. – Мы бы с ней вдвоём могли поискать работу. Вдвоём – не так страшно. Одна я не смогу это сделать: не пересилю страх.

Брат сказал, что её забрал Сабир-ака и отвёз к своим родителям, а значит я смогу с ней встретиться, пока Карим-ака будет на работе. Это ничего, что Наташа ему не понравилась: он просто не знает, какая она умная. Наташа и английский язык знает, как настоящая англичанка. А как она поёт! Как София Ротару – даже ещё лучше!

Завтра, когда брат уйдёт на работу, я сходу в гости к родителям Сабира, посмотрю, как устроилась Наташа, поговорю с ней. Может она сможет помочь мне устроиться на работу, или хотя бы подскажет, как сделать это. Эта мысль успокоила меня и я засыпаю.

* * *

Утром следующего дня, проводив брата на работу, я собралась к родителям Сабира Усманова, живущим на противоположном конце Ташкента. Собрала гостинцы, оделась нарядно и вышла из дома.

Город давно проснулся. Он гудел, жил своей жизнью, звенел, дышал, как живое существо. Теперь я это чувствую, знаю: он живой. Меня это радовало и возвышало. Попадая в центр города, я всегда удивляюсь большому количеству людей на улицах, в магазинах, на транспорте.

Сам собой возникал вопрос:

– Неужели они нигде не работают? Ведь в это время все должны быть на рабочих местах. Ну старики и женщины – понятно, они могут не работать. А что делают мужчины на улицах, базарах, магазинах? Куда так спешат? Почему некоторые из них уже с утра сидят в чайханах – пьют чай с патыром (узбекской большой лепёшкой) и наватом (местным сахаром), о чём-то разговаривают, шутят, смеются? Сидят часами, забыв обо всём. Им что, больше нечего делать? Или у них такая работа?

Не раз я спрашивала об этом брата, но, как всегда, смеялся мне в ответ:

– Дильбар, ты думаешь совсем не о том! Зачем тебе это знать?... Значит такая у них работа.

– Но у Вас, Карим-ака, работа другая?

– У меня другая, – соглашался брат. – У них – сидеть в чайхане, а у меня ловить таких, как они.

От такого ответа мне становилось не по себе, и я спрашивала обеспокоенно:

– Карим-ака, они что, бандиты

– Ну, что ты, сестрёнка, конечно нет. Хотя я тебе уже сказал, что это не твоего ума дело.

Вот и весь ответ. И не поймёшь: серьёзно он говорит, или опять шутит.

Так за мыслями я и не заметила, что добралась до дома Усмановых. Халима-апа и Усман-ака обрадовались моему приходу. Они сразу усадили меня на красочной тахте, устроенной под виноградником и устланную мягкими курпачами (узкими длинными матрасами) и подушками, заинтересованно расспрашивали меня о нашей жизни, Кариме, его работе, обо мне, подливая в пиалу душистый индийский чай.

Халима-апа, как гостеприимная хозяйка, подкладывала мне сладости, свежие лепёшки, глядя на меня улыбочивыми, добрыми глазами, внимательно слушала мой рассказ. Её муж, Усман-ака, был, как всегда, серьёзен и строг. Но эта видимая строгость не смогли обмануть меня: я точно знала, что он добрый и справедливый. Когда погибли наши родители, Усман-ака и Халима-апа очень помогли нам с братом.

Усман-ака был другом нашего отца. Они дружили с самого детства: жили на одной улице, вместе учились, служили в Армии. Только после Армии их пути разошлись: наш папа пошёл работать в милицию, а Усман-ака – в школу.

Я спросила у Халимы-апы:

– Почему не видно Наташи? Её нет дома?

– Да, кизим, – подтвердила пожилая женщина, – Наташи дома нет, она на работе.

– Наташа уже устроилась на работу? – удивилась я.

– Ей помог устроиться наш сын, – с гордостью сообщила хозяйка.

– Куда? – поинтересовалась я.

– Кажется в тот институт, в котором он учился.

– Да, – подтверди Усман-ака, – Наташа устроилась на работу в Политехнический институте на кафедру технической механики.

Я поделилась с родителями Сабира, как со своими мамой и папой своими сомнениями, рассказала о чём мы беседовали с Наташей и о том, что она советовала мне пойти на работу.

– Ну, что ты, кизим? – сказала Халима-апа. – Зачем тебе это? Разве у тебя дома мало работы?

– Молчи, кампыр (старушка), – вступился Усман-ака. – Как это зачем? Дильбархон пять лет училась в институте. Её государство выучило на экономиста, а она сидит дома, носки борату штопает!

– Но она же женщина! – напомнила мужу Халима-апа.

– Ты тоже женщина! – начал сердиться хозяин дома. – Но ты работала всю жизнь в школе и не считала это зазорным!

Чтобы успокоить расстроенного дядюшку Усмана, я сказала:

– Я хочу работать, Усман-ака, но мне некому помочь. Брат помогать мне в этом не хочет, потому что ему в доме нужна хозяйка, которая бы всё делала. Я хотела поговорить с Наташей и попросить её помочь мне, но её нет...

– Нет, дочка, – рассудительно сказал Усман-ака, – Наташа тебе в этом вряд ли поможет, потому что сама в Ташкенте не знает никого.. Ей самой наш сын помогал.

И, немного помолчав, продолжил:

– Я сам тебе, пожалуй, смогу помочь.

– Это каким же образом? – поинтересовалась тётюшка Халима.

– Я поговорю с Зуфаром Каюмовым, директором нашей школы и попрошу взять Дильбар для начала на полставки преподавателем узбекского языка и литературы... Она всегда неплохо знала и язык и узбекскую литературу. Помнишь, кампыр, как Диля Омара Хайяма читала? Ты же сама литературу и русский преподавала, и всегда была в восторге от успехов нашей девочки.

– Ты прав, отец, – согласилась тётя Халима, – из Дили может получиться хороший преподаватель.

Я знаю, что Усман-ака не любит долго уговаривать, и не любит тех, кто трусит, поэтому сразу согласилась на его предложение, хотя по правде очень боялась. Дядя Усман отечески похлопал меня по плечу и спросил, обращаясь к жене:

– Кампыр, Дильбархон тебе никого сейчас не напоминает?

– А что? – улыбочиво щурит глаза Халима-апа! – Она тебе сейчас кого-то напомнила? Уж не меня ли в молодости?

Дядюшка Усманзасмеялся от души такой шутке и ответил:

– Марьям она мне сейчас напомнила – свою мать!

– И то правда! – шутливо всплеснула руками тётушка Халима, простодушно улыбаясь.

Улыбнулась и я, вспоминая знакомую с детства манеру разговора родителей Сабира: с шутками, поговорками, подначиванием, и смехом. Улыбнулась, совершенно забыв с каким нелёгким сердцем шла сюда, сколько мыслей, неразрешимых проблем, тяжёлым грузом, несла за спиной. Улыбнулась, где-то глубоко в сердце, осознавая, что всё у меня теперь будет хорошо.

Посидев ещё немного с дорогими сердцу соседями и друзьями, и, пообещав, что буду чаще навещать их, я начинала прощаться. Домой меня отпустили, нагрузив всяческими гостинцами: крупными гроздьями винограда «Дамский пальчик», выращенными в саду Усмановых, сливой, чуть ли не в кулак младенца, яркими яблоками, вкусными фирменными печёностями тётушки Халимы.

Уже у ворот, провожая меня, Усман-ака предупредил, что не откладывая надолго, поговорит с директором школы, и о результатах сообщит мне по телефону.

– Хуп майли, ака (хорошо, дядя), – ответила я, прикладывая руку к сердцу.

Шагая к остановке автобуса, думала с лёгкой грустью:

– Как хорошо, когда есть папа и мама... Как я рада за Сабира Усмановича: у него такие замечательные родители.

Домой совсем не хотелось, и я решила пройтись по магазинам, вспомнив о том, как давно ничего себе не покупала. Если устраиваться в школу, то нужно подобрать подходящую одежду. Не могу же я ходить на работу в том, в чём хожу дома, или на базар. Учитель должен выглядеть хорошо, чтобы не быть смешным, или неопрятным.

Сейчас, когда я сижу дома, дорогие вещи не нужны, ведь кроме брата меня никто не видит: достаточно простого платья или домашнего халата. Но на работу в домашнем халате не пойдёшь, даже в таком красивом, что мне подарил Карим-ака на день рождения. Для школы нужна серьёзная, строгая одежда.

Доехав до ЦУМа, растерянно бродила среди вешалок с женской одеждой, Глаза разбегались от пестроты красок и разнообразия фасонов, и это привело меня в замешательство: я не знала, что выбрать.

– Вот где бы мне не помешала помощь Наташи, – подумала я, прикладывая к себе очередной костюм. – Она в европейской моде разбирается хорошо, а я не разбираюсь совсем.

Промучившись так около часа, с подсказки молоденькой русской продавщицы я всё же, наконец, выбрала один костюм. После примерки поняла: это именно то, что нужно.

Домой возвращалась в хорошем настроении, стараясь не думать о последствиях своего шага. Если Карим-ака узнает о том, что я решаю так круто изменить свою жизнь, не посоветовавшись с ним, он не погладит меня по голове.

– Это будет потом! – отмахнулась от нехорошей мысли, как от назойливой мухи. – А сейчас я ему просто ничего не скажу. Промолчу. Нет-нет, это не обман: промолчать – не значит обмануть. Это Карим-ака меня постоянно обманывает: обещает не пить больше – и пьёт, обещает раньше возвращаться с работы – и каждый раз приходит поздно, обещает привести в дом хозяйку – и до сих пор не женат.

Готовя ужин для брата, я вспомнила слова дяди Усмана:

– Дильбар, ничего, что у тебя не педагогическое образование: сейчас почти никто не работает по специальности. Главное, что ты хорошо знаешь и язык, и литературу... Не волнуйся, дочка, я думаю, что тебя возьмут на работу. Так что готовься...

Очень захотелось ещё раз примерить сегодняшнюю попку, внимательно посмотреть на то, как я буду выглядеть, и я не смогла отказаться от искушения. Доставая костюм я вдруг вспомнила разговор, когда Карим-ака так нехорошо заставил меня снять вечернее платье Наташи, что мы примеряли. Когда брат сказал, что я в нём похожа на женщину лёгкого поведения (джальяп), Наташа пыталась доказать ему, что он ошибается, говорила, что в человеке всё должно быть прекрасно: и одежда, и душа, и мысли.

Карим-ака остановил её жестом и спросил:

– Кто это сказал?

– Чехов. – ответила девушка. – Антон Павлович Чехов.

Брат тоном строгого учителя начал говорить такие вещи, которые очень удивили Наташу, и это было видно по её лицу:

– Чехов не узбекский писатель, и он не знает наших обычаев, нашей жизни, поэтому не может учить узбекскую женщину, что ей одевать и как ей жить!

Я не выдержала и вступилась за Наташу:

– Зачем вы так, Карим-ака? Почему вы говорите так, чтобы о вас думали плохо? Вы говорите так нарочно? Зачем?

– Затем, чтобы ты, сестрёнка, поняла, что всё это не твоё, не для тебя! – повысил голос Карим-ака. – Твоё дело дом, домашнее хозяйство, домашняя работа!

– Зачем же вы тогда меня учили?!

– Чтобы ты была образованной, культурной.

– Для чего? – спросила я. – Чтобы готовить, стирать и убирать не нужно заканчивать институт – это умеет каждая девушка.

Мои слова рассердили брата:

– Ты это брось Дильбархон! Наслушалась глупых разговоров чужих людей и повторяешь, как попугай! Главный в семье я, и ты должна слушать только меня!

Эти слова меня тогда очень обидели. Брат дал понять, что я полностью завишу от него, и не имею права ни на свои мысли, ни на свои желания, ни на свои поступки. Слово принадлежу ему, как что-то неживое: как вещь, как мебель. Он вдруг стал таким же, как мой бывший муж Батыр.

После этого я перестала говорить брату то, что думаю, почти перестала разговаривать с ним, а он этого даже не заметил. У меня возникло непреодолимое желание изменить свою жизнь, чтобы никто не мог командовать мной, унижать, относиться ко мне, как к вещи, упрекать, что нахожусь на иждивении. Я решила идти работать, чтобы стать самостоятельной и ни от кого не зависеть.

Я понимаю, что это не понравится брату, думаю, что он снова станет ругаться, но жить так больше, как жила до этого, я не буду., Не станет же он в самом деле силой удерживать меня? Сейчас совсем другие времена – Карим этого не может не понимать.

Ему просто так удобно: он работает – я сижу дома, выполняю все его прихоти. Как он говорит иногда: – «Ты, сестрёнка мой крепкий тыл, потому я спокоен»

И неожиданно в мою голову закралась мысль, которая и удивила и озадачила: может потому Карим-ака и не хочет искать себе жену, что есть кому о нём заботиться?... Нужно будет задать ему этот вопрос.

Глава 6. «Закон гостеприимства»

(Рассказ Сабира Усманова №2)

Неделя, наконец, закончилась. Она показалась мне невероятно долгой и нудной. Последние дни я очень нервничал, закипая по каждому поводу. Как не старался сдерживать рвущиеся из души раздражённость и нетерпимость, они, как стихийное бедствие, накатывались, накрывая девятым валом с головой.

Особенно тяжело было дома: Рахилия, как всегда, требовала повышенного внимания и нежности, которые в этот момент были сосредоточены совсем на другой женщине, находящейся от меня за сотни километров. Думаю, что вы догадались кто эта другая? Конечно же Наташа.

Никак не мог выкинуть из головы эту рыжеволосую, юную красавицу. Снова и снова передо мной возникали удивительные русалочьи глаза, роскошные огненные локоны, высокая грудь, стройные длинные ножки. Эта картина раскалённым гвоздём засела в сознании, делая моё состояние ещё более невыносимым, чем было раньше.

– О, Натали, – с горечью думал я. – Почему ты не встретила мне лет 6—7 тому назад? Когда я был свободен, как ветер...

Но тут же спохватывался, понимая, что шесть лет тому назад она была нескладным подростком, а я взрослым, самостоятельным мужчиной. Вполне вероятно, что тогда она вряд ли привлекла моё внимание. Хотя... Современные девочки рано начинают взрослеть.

К субботе придумал вполне нормальную причину, и с утра пораньше двинулся в Ташкент, игнорируя недоумённый взгляд жены. Сразу же мелькнула мысль:

– Она непременно будет звонить родителям, чтобы выяснить истинную причину столь поспешного бегства.

Гнал мысль прочь, не желая размениваться по мелочам: эту проблему буду решать по приезду в Ташкент. Машина ласточкой летела по тракту, обгоняя тихоходный транспорт, и я, попадая под власть скорости, забыл обо всём. Все мои мысли рядом с Наташей.

Во внутреннем кармане моего пиджака лежал запечатанный конверт, адресованный ей, а на заднем сидении машины большая дорожная сумка – тоже для неё.

На неделе заходил к Наташиным родителям и передал небольшую записочку от дочери, которую она написала своим летящим почерком перед моим возвращением в Фергану.

Мать Наташи была дома. Скорее её можно было принять её за старшую сестру – так они были похожи. Те же русалочьи глаза, те же пухлые, капризно изогнутые губки, тот же, словно точёный, носик. Женщина была хорошо сложена, со вкусом одета, выглядела очень молодо.

Она показалась мне законченным произведением природы: прекрасным, утончённым и недосыгаемым. Это произведение купалось в лучах моего восхищённого взгляда, всем своим видом давая понять, что к такому взгляду давно привыкла, и что он доставляет ей удовольствие.

Я подал записку и, когда она беглым взглядом прочла её, хотел начать свой рассказ. Но Элеонора Никитична, как представилась мама Наташи, жестом пригласила садиться. Я сел в мягкое кожаное кресло, стоящее возле журнального столика в глубине зала.

Элеонора (буду называть её так – иначе язык не поворачивается) предложила что-нибудь выпить, и я поспешно согласился, чувствуя, что моё горло пересохло от непонятого волнения.

Чудо природы, гордо неся копну своих, совсем даже не рыжих, а скорее серебристо-пепельных волос, выпорхнуло из комнаты, оставляя меня наедине со своим волнением. Чтобы унять его, переключил внимание на комнату, которая вызвала противоречивые чувства: слишком (не знаю даже, какое подобрать тут определение) – музейно что ли... На стенах множество женских портретов. В женских лицах узнал хозяйку дома, которая, видно, очень любит позировать перед объективом.

Два-три портрета отображали Наташу. Наташу во младенчестве, Наташу – школьницу. Непокорные рыжие кудряшки выбиваются из туго заплетённых косичек, создавая лёгкий золотистый ореол вокруг её хорошенькой головки. А вот и Наташа – девушка, с мечтательными взглядом, устремлённым куда-то вдаль, с нежной улыбкой на, ещё по-детски припухших, губах.

Моё созерцание прервала Элеонора, появляясь внезапно, ступая по ковру лёгким, почти кошачьим шагом. От неожиданности я даже вздрогнул, словно меня застали за каким-то неблагоприятным занятием. Это не ускользнуло от цепкого, пронизательного взгляда хозяйки.

– Извините, Сабир Усманович, я заставила вас ждать, – сказала она, не показывая вида, что заметила моё замешательство.

Изящными движениями хозяйка расставила на столе вазы с дорогими конфетами, фруктами, пирожными, кофейный прибор с маленькими чашечками. Закон гостеприимства в этом доме, как видно, тоже имеет место быть. Разливая ароматный кофе по чашкам, Элеонора обратилась ко мне:

– Так значит вы отвезили Натали в Ташкент?

Требовательно-упрекающий взгляд ждал ответа.

– Да, – ответил я, под взглядом этих глаз, чувствуя себя виновным.

– Зачем вы сделали это? – русалочьи глаза хозяйки наполнились слезами, готовыми вот-вот пролиться.

Моя рука невольно опустила чашку с кофе на стол. Ни эти глаза, артистически сверкнувшие влагой, ни голос, хорошо поставленный и красиво прозвучавший, почему-то не вызвали во мне ничего, кроме ощущения притворства, ощущения игры. Подняв взгляд от стола ответил с улыбкой:

– Если бы этого не сделал я – сделал кто-то другой. И не известно, было бы это лучший вариант.

Влага из искусно подкрашенных глаз Элеоноры, угрожала оставить на её щеках безобразно-чёрные дорожки. Чтобы не допустить этого, она лёгким, элегантно-заученным движением убрала её надушенным кружевным платочком.

Очередной жест на публику, не умилил меня, а, напротив, насторожил своей картинностью, наигранностью. Так захотелось сказать: – «Не верю!»», что я едва сдержался. Хозяйка же, глубоко вздохнув начала говорить сначала тихо, спокойно, а затем, увлекаясь, всё более и более волнуясь.

Она рассказала сколько треволений и беспокойств Наталья доставляла ей в детстве, сколько бессонных ночей она провела возле её кровати, сколько труда потратила она на то, чтобы образовать это беспокойное создание в разумного человека, в очаровательную девушку.

– И в результате она так неблагодарно поступила со мной... Просто взяла и уехала. Даже не объяснив причины, побудившей её сделать этот шаг.

Элеонора неоднократно повторяла одну и ту же мысль, видимо, гвоздём засевшую в её прекрасной голове:

– Как неблагодарны порой те, кому ты отдаёшь всю душу!... Чем я провинилась перед Натали, что она так жестока?...

Я не пытался успокоить хозяйку, предоставляя ей возможность выплакаться, излить душу, отчётливо понимая, что та не простит такого неуважения к своей персоне. Сделал вид, что очень внимательно слушаю все доводы обиженной «в своих лучших устремлениях матери» и это вознаграждается с лихвой.

Элеонора мило улыбнулась мне, подливая кофе и подкладывая пирожные, оказавшиеся на удивление вкусными:

– Угощайтесь, Сабир... Можно я буду вас называть просто по имени. Вы не против?

– Не против, Элеонора...

– В таком случае и вы можете называть меня по имени – это будет не так официально... Мы всё-таки дома, а не на работе.

Около получаса мы общались в спокойном, вполне конструктивном ключе, без жалоб и обвинений. Элеонора, как человек неглупый, видимо, поняла, что меня этим не проймёшь, и сразу оказалась от проработанной до мелочей тактики.

Я рассказал о своём плане устроить Наташу на работу в институт, который некогда закончил сам, чтобы через год она спокойно могла поступить туда. Заверил хозяйку, что сделать это Наташе не составит никакого труда, и та согласилась с моими доводами.

Мы, словно сговорившись, обходили вопрос, который не давал покоя: что произошло в этой, на первый взгляд такой благополучной семье, заставив единственную дочь бежать прочь с одними лишь документами. И эта недоговоренность, словно высокая стена, стоявшая между нами, делала разговор поверхностным, неоткровенным.

Оба мы понимали, что не способны быть друг с другом достаточно искренними и правдивыми не только потому, что совершенно незнакомы (этот факт не всегда является препятствием), но и потому, что чуждые друг-другу люди: женщина с повадками повелительницы и обычный мужчина, волей капризной судьбы случайно занесённый на её жизненный путь.

Поэтому, исчерпав все темы для разговора связанные с Наташей, мы не находили иных тем для дальнейшего общения. Это побудило меня начать прощаться:

– Извините, Элеонора, но мне уже пора.

Гостеприимная хозяйка, как мне показалось, внутренне вздохнула с облегчением, что сразу сделало её уверенней и спокойней. Мы договорились, что перед отъездом в Ташкент я навещу их и Элеонора передаст письмо для Наташи и кое-какие её вещи.

Во время разговора я не обратил внимание на то, что Элеонора ни разу не упомянула имя мужа, словно его не существовало вовсе. Только потом, сидя в машине, я удивился этому факту и задумался. Прекрасно помню, что Наташа довольно часто упоминала в наших разговорах отца, называя его то папкой, то папой, то нашим папулькой. Из чего я понял что между дочерью и отцом вполне тёплые, дружеские отношения.

О матери Наташа чаще всего говорила: она. Она сказала, она сделала, она... она... она. И эта контрастность в отношении к родителям, всякий раз настораживала, вызывала желание спросить девушку о её причине. И всякий раз я сдерживал себя, опасаясь, что моё любопытство будет девушке неприятно. Причина замалчивалась, но это не способствовало её исчезновению – она осталась. Остались и сомнения, наводящие меня на мысль, что не всё в этом «святом семействе» благополучно, как кажется на первый взгляд.

Неделя закончилась. Перед отъездом я заехал к Аристовым, забрал то, что обещала Элеонора. Мать Наташи была невозмутимо спокойна, отстранённо, словно и не было предыдущего общения, Я принял её игру. Так же был сух, как она и конкретен. Элеонора, как и обещала передала мне письмо в конверте и большую спортивную сумку, набитую доверху.

И вот теперь я мчался по дороге, ведущей к родительскому дому, напрочь забывая и о жеманнице Элеоноре, с повадками экстравагантной дамы, и о собственной жене, с вечным недовольством и подозрениями, и о работе, к которой я всё более и более терял интерес.

Моя душа быстрее автомобиля летела в старый, ничем не примечательный район Ташкента, который представлялся сейчас самым райским уголком, где живёт самая очаровательная пери.

– Наташка, откуда ты взялась на мою, начинающую сесть, голову? Как жил я спокойно и размерено до встречи с тобой. Моя душа никуда не спешила, не сжималась непонятым волнением и томлением... Но, чёрт возьми, как же мне это нравится!

И дышится так вольготно, не гнетёт совсем недавняя и очередная ссора с женой. Всё кажется, таким мелким, таким далёким, словно всё осталось в прошлом и никогда больше не вернётся.

Вот так же, вольной птицей, почти десять лет назад, я летел к Катюше. И так же на душе было одновременно и легко, и страшно, как будто попал в воздушную яму, когда сердце то замирает, то рвётся из груди, то подкатывается к горлу, готовое покинуть брренное тело.

* * *

Дорога в Ташкент показалась мне настолько быстрой, что я даже не успел удивился, как уже подъезжал к его окраине. Решил сначала заехать к родителям, чтобы предупредить отца и маму, и тем немного обезопасить себя.

Исколесив полгорода, я, наконец выехал на тихие улочки, ведущие к дому. Вот и наша улочка Муамин. Вот и дом, в котором я прожил самые счастливые годы своей жизни. Открывая калитку, всматривался в глубь двора, не маячит ли где платье мамы из яркого узбекского атласа, или папин чапан (стеганный мужской халат), сшитый отцу Фирузой. Во дворе не было никого и на шум мотора никто не выбежал, как обычно, а в доме не горел свет.

– Наверное отец у соседа, поэтому и не встречает, как обычно. – подумал я озадаченно, стараясь ювелирно-точно загнать машину во двор, и задел ворота.

Раздался сильный скрежет, и я резко нажал на тормоз, про себя вспоминая Аллаха: опять повод для ворчания жены, ведь машина была куплена её отцом в подарок к годовщине нашей свадьбы.

– Да, помял таки немного крыло, – убедился в худших предположениях, ощупывая автомобиль... И краска сползла в двух местах. Придётся здесь ремонтировать, чтобы потом в Фергане не выслушивать придирки и нравоучения.

Этот шум не остался неслышанным: на веранде вспыхнул свет и знакомый дорогой силуэт, прикрывая глаза от яркого света ладошкой, спросил:

– Кто там?

– Это я, апа-джон, Сабир! – ответил поспешно.

– Сынок, дорогой, как хорошо, что ты приехал! Я звонила тебе, но Рахилия сказала, что ты уже поехал к нам, – в материнских словах чувствовалось беспокойство.

Начал беспокоиться сам:

– Что случилась, мама?

– Отец заболел, углим. – ответила моя худенькая мама, поправляя на голове цветной платок, и, похлопывая меня по спине своими натруженными ладошками, пригласила в дом.

– Врача вызвали? – обеспокоенно поинтересовался я.

– Вчера вызывали, – ответила мама, оглядывая меня с ног до головы, словно желая убедиться, что её сын цел и невредим.

И убедившись в этом, попросила с нежностью в голосе:

– Проходи, углим, отец в своей комнате.

Кабинет отца слабо освещён настольной лампой. На широком кожаном диване, ещё времён развитого социализма, окружённый подушками, как белоснежными горными вершинами, возлегал мой отец. Его натруженные руки, никогда не знающие отдыха, на сей раз спокойно лежали на одеяле. Глаза были закрыты. Решив, что дада спит, я сделал попытку потихоньку ретироваться из кабинета, но с дивана доносёлся тихий голос:

– Я не сплю, Сабир. Проходи. Садись... Есть разговор.

Голос отца был твёрд и не предвещал ничего хорошего.

– Отец! – попыталась остановить его мама, стоящая за моей спиной, – Тебе нельзя волноваться – у тебя давление высокое.

– Кампыр, – строго произнёс отец, – поди приготовь что-нибудь поесть сыну, пока мы поговорим, как мужчина с женщиной.

И мать, не говоря больше ни слова, ушла на кухню.

– Присаживайся, сынок, не бойся – не съем. – продолжил отец, видя, как я в нерешительности топчусь возле дивана.

А мне не осталось ничего иного, как придвинуть поближе стул и приготовиться выслушивать, нелицеприятные вещи. Что они приятными для меня не будут видно и по выражению отцовского лица, и по взгляду его, и по голосу.

– Что-то ты зачастил к нам, углим? – начинал свой мужской разговор отец. – Рахилия жалуется, что ты совсем забросил семью: дети скоро забудут твоё лицо.

– Я работаю, дада! – попытался защититься от отцовской строгости отговоркой, но он сделал рукой жест, не принимая её.

– Все работают! – голос отца был спокойным и твёрдым. – Я тоже работал, но не забывал, что у меня есть три дочери и сын. Старался воспитывать, как положено, чтобы вы уважали старших, любили трудиться, были честными, справедливыми, добрыми... А кто воспитывает твоих детей? Женщина? Что может женщина привить сыновьям?..

Отец помолчал немного, собираясь с силами, молчал и я, не пытаясь ни перечить, ни оправдываться.

– Аллах вознаградил тебя тремя сыновьями, а ты бегаешь от них, как заяц. Забыл чему тебя учили в отцовском доме?!

Покрасневшие усталые глаза отца с укором и болью смотрели на меня, своего единственного сына, и от этого взгляда мне становится не по себе. Хотелось, как в детстве, убежать и спрятаться в самую дальнюю часть двора. Но детство давно закончилось, и от ответа не уйти.

Оправдываться бесполезно. Я хорошо знаю отца и его любимые слова: «если тобой недоволен друг – ищи причину в себе». Поэтому, не отводя взгляда, ответил:

– Нет, не забыл.

– Так в чём дело, углим?

– Долго рассказывать, дада, – сделал попытку отодвинуть разговор. Но отец не принял мой довод.

– Ты куда-то торопишься, сынок?

– Нет, не тороплюсь. Я ехал к вам.

– Так рассказывай.

Как были мне знакомы эти слова. Сразу вспомнились далёкие годы босоногого детства, когда после очередной проказы отец звал меня в свой кабинет и просил честно, без утайки, рассказать всё. И я рассказывал, порой захлёбываясь слезами от обиды и стыда. Но то время давно минуло: я не ребёнок, и плакать уже не могу. Что-то огрубело в моей душе, и уже ни слёзы, ни покаяние не снимают обиду и пустоту, тяжёлым грузом лежащие на сердце.

И всё же я начал говорить обо всём, что накопело: и о работе с её постоянными обманами и приписками, и о тесте с обвинениями, что не умею жить, что не умею и не желаю пользоваться ситуацией, и о жене с её вечными претензиями и упрёками, с патологической любовью к блестящим тряпкам и безделушкам.

Рассказывал и о том, что Рахилия настраивает старшего сына Бахтияра против меня, потакая ему во всём, о том, какими эпитетами она награждает меня в присутствии детей. Старался говорить спокойно, рассудительно, хотя удавалось это с большим трудом, и, наконец, высказавшись до конца я умолк. Молчал и отец, видимо, обдумывая мою пространную речь.

Потом поинтересовался вновь:

– Ты помнишь мои слова?

– Всегда помню, дада.

– Ты всё сделал для того, чтобы понять в чём твоя вина?

– Да, – тихо, но твёрдо отвечаю я.

– Хочешь совет, углим?

– Говорите, дада.

– Вам нужно переехать сюда: тебе, Рахиле и внукам.

– Они не поедут! – ответил я, с сомнением качая головой.

– Если захочет, чтобы семья сохранилась, поедет, – возразил отец, ссылаясь на непреклонную, как ему кажется, истину: жена во всём должна слушаться мужа – куда иголка, туда и нитка.

Отец смолк, а я невольно подумал:

– Эх, дада-дада, ты совсем не знаешь этих людей: они живут не по законам людей, а по собственным законам.

– Приедешь домой, скажешь, что ты, как единственный сын, должен жить с родителями, оберегать их старость... Этот закон они нарушить не посмеют.

– Хорошо, дада, – согласился я, делая вид, что эти праведные слова, действительно, непреложный закон и для людей, живущих со мной рядом.

Отец откинулся на подушки и произнёс уже совсем миролюбиво:

– Я устал. Иди, углим, мать попотчует тебя чем-нибудь вкусным: готовит она у нас хорошо.

Отец закрывал глаза, давая понять, что разговор закончен, а я тихо поднялся со стула и вышел из комнаты, думая:

– Да, сдал отец. Сдал...

За последние полгода у него уже дважды был гипертонический криз. Врач советовал не нервничать, вести спокойную, размеренную жизнь, но где там: это не в отцовских правилах. После первого криза, когда отец впервые услышал этот совет, он сказал врачу:

– Лучше сразу умереть, чем жить так, как вы советуете, доктор!

Ночь я провёл в родительском доме. Мама хлопотала вокруг меня, стараясь всячески угодить любимому сыночку: подкладывала мне вкусненькое, расспрашивала о детях, о жене, работе. Жаловалась на отца, на то, что он совершенно не слушает советов врача, делает всё по своему.

На своё здоровье мама не жаловалась никогда – не приучена. Лишь однажды мельком сказала, что стала хуже видеть, а так хочется навязать внукам тёплых носочек и варежек. Я смотрел на маму, на её, не знающие отдыха руки, на сеть морщинок, покрывающих лицо и острая жалость и любовь, тисками сжали сердце.

Мысли роем кружились в моей голове: мысли тяжёлые, безрадостные. Я думал о том, что родители всю жизнь проработали, чтобы поднять на ноги нас, четверых своих детей, дать нам образование, вывести в люди, а на старости лет, когда им самим нужна помощь и поддержка, остались одни.

Наргиза и Мухаббат живут со своими мужьями и детьми в Москве и лишь изредка, на короткое время, появляются в родном доме. Они считают себя почти коренными москвичками: сначала учились в институтах, потом вышли замуж, родили детей – троих на две семьи. Говорят, что больше в их кругу не принято.

Отец всегда высказывал своё недовольство, когда разговор заходил об этом, не оправдывая их выбор. Он уверен, что детей в семье должно быть много, как, например у Фирузы.

Младшая из сестёр, Фируза живёт здесь, в Ташкенте, но у неё большая семья: муж, шестеро детей, да ещё и престарелые родители мужа, которые живут с ними, как с младшим их сыном. Поэтому, Фируза тоже нечасто, как хотелось бы, бывает у родителей.

Наши родители не обижаются на это, не жалуется, потому что всё понимают. Отец говорит:

– У детей своя жизнь, свои проблемы. У них будущее, у нас – прошлое.

Но во взгляде его иногда проскальзывала даже не обида, а какое-то затаённое движение души: не то удивление, что мы живём совсем иначе, чем жили они, не то жгучее желание понять нас и не осудить несправедливо.

– Наши родители лучше нас, – думал я. – В них нет ничего мелочного, суетливого, расчётливого. Моя мама ни разу в жизни не устроила отцу сцену, чтобы он купил ей какой-нибудь дорогой наряд, какую-нибудь золотую безделушку. Отец никогда не помышлял о том, чтобы урвать что-то для себя, чтобы нечестным путём обогатиться за счёт другого...

А что имеют они, проработав столько лет на благо своей любимой Родины? Маленький домик на окраине Ташкента, небольшой участок возле дома, на котором растёт несколько фруктовых деревьев, да три куста винограда...

Хотя я, пожалуй, не прав! Они богаче всех моих Ферганских родственников вместе взятых: они любят нас, своих детей, любят людей, любят и уважают друг-друга. На первый взгляд это, возможно, не так и заметно. Если судить по сегодняшней встрече, когда дада так сурово попросил маму оставить нас наедине, можно сделать неверный вывод.

Несмотря на кажущуюся строгость и холодность отца – он любит маму. Мы, дети, особенно остро чувствовали это, когда мама на какое-то время отлучалась из дома. Отец не находил себе места, словно искал её повсюду, заглядывая во все потаённые уголки. Но по возвращении мамы, к нему вновь возвращалась уверенность, снисходительность и строгость в обращении.

Отец никогда не повышал голоса на маму, но его слова для неё были всегда решающими. Она говорила нам:

– Отца нужно слушать – он всегда прав.

И это мамино убеждение стало в нашем доме непреложным законом: папино слово всегда было решающим, даже тогда, когда оно было ошибочным. Но это я уже стал понимать позже, когда подрос и учился в восьмом классе.

Старшая из сестёр, Наргиза, училась тогда на последнем курсе Московского финансового института. Училась хорошо: сёстры у меня умницы. Отец всегда гордился ей, рассказывая другу-соседу о том, какая умница и красавица его старшая дочь. Но перед Новым годом от Наргизы пришло письмо, в котором она писала, что очень любит однокурсника Андрея Дёмина и просит отца и мать разрешить её выйти за него замуж.

Дома начался переполох: мама плакала, отец почернел с досады. Сказал, как отрезал:

– Не ожидал я от старшей дочери такого «подарка»! И запретил нам говорить на эту тему.

Мама несколько раз пыталась вызвать отца на разговор, чтобы склонить его к более мягкому решению, но он был непреклонен. Помню, какое это было для всех нас нелёгкое время, словно над всеми нами навис топор, угрожая каждую минуту сорваться вниз. Но на зимних каникулах приехали Наргиза и Андрей, и обстановка мало-помалу разрядилась. Андрей сумел так расположить к себе отца, что его сердце смягчилось, и он дал согласие на свадьбу.

Свадьба была в Москве. Отец и мама летали туда самолётом. Сколько потом было восхищённых рассказов, сколько впечатлений. Помню тогда отец сказа нам:

– Я был неправ: Андрей хорошая пара для нашей дочери.

Впервые за свои пятнадцать лет я слышал признание отца в своей неправоте, и это не унизило его в моих глазах, а, напротив, я стал уважать его и любить ещё больше. Отец в моих глазах поднялся на более высокую ступень, потому что, человек, способный понять свою ошибку и признать это – сильный человек.

Я бы, наверное, ещё долго предавался воспоминаниям о своих родителях, о нашей семье. Если бы меня не сморил сон. Во сне я видел молодого, улыбающегося отца, маму в ярком атласном платье. Они шли по улице, украшенной кумачом. И держали меня, несмышлёного мальчишку за руки. Я радостно смеялся и, поджимая ножки, повисал у них на руках, летя по воздуху, как птица. Был праздник. Май. И мы были счастливы, веселы. Мы были вместе...

Глава 7. «Будущее ждёт!»

(Рассказ Сабира Усманова №2 – продолжение)

Утром проснулся от знакомого позвякивания посуды, от соблазнительных запахов, доносящихся из кухни, от солнечного луча, падающего на мою подушку.

Мама хлопотала у газовой плиты, Отец тоже поднялся, несмотря на болезнь и сидел в саду под виноградником, шатром раскинувшимся с южной стены дома. Я не стал нежиться в постели, как в детстве. Быстро соскочил, заправил кровать и направился к водопроводному крану во дворе, на ходу успевая поздороваться с мамой и прокричать свой привет отцу.

Предстояло много дел: подправить и подкрасить крыло машины, съездить с Наташей в Политех, поговорить насчёт аспирантуры, чтобы иметь ещё один повод для оправдания перед Ферганскими родственниками, поговорить с Каримом, кое-что закупить для дома, ведь в воскресенье некоторые магазины не работают.

Позавтракав на скорую руку, попросил маму, когда позвонит Рахилия, сказать ей, что уехал в институт, но о помятом крыле не говорить ни слова. Когда выехал из дома, было четверть девятого.

Мой путь лежал до ближайшей станции техобслуживания. Там промариновали почти два часа и обслужили лишь тогда, когда получили кругленькую сумму. Мелочи нашего ненавязчивого сервиса способны испортить настроение любому – это их суть и привилегия. В результате: два часа потерянного времени, а работы на двадцать минут.

Я торопился к Кариму, опасаясь не застать Наташу дома. И чем ближе подъезжал к заветному дому, тем сильнее билось сердце, тем труднее было сдерживать волнение. Не доехав до места метров пятьдесят, остановил машину, стараясь взять себя в руки, чтобы не явиться в дом друга в таком «разобранном» состоянии.

Наташа была дома, но уже одета, словно собиралась уходить. Русалочьи глаза сверкнули секундной радостью и тут же потухли. Я рассказал о своём посещении её матери, упустив некоторые подробности. Передал девушке сумку и письмо.

Письмо Наташа прочла быстро, невнимательно и отбросила на постель. Я удивлённо поднял правую бровь, вопросительно глядя девушке в глаза. Зелёный пламень её взгляда, обдал холодком. У меня даже, кажется, ладони вспотели, что бывает только в минуты сильного волнения.

– Одевайся и возьми документы, – попросил Наташу. – Мы едем устраиваться на работу... Я подожду тебя в машине.

Ждать пришлось недолго. Минут через пять девушка вышла из дома с небольшой сумочкой в руках. На ней было подходящее платье: оно не длинно и не коротко, не легкомысленно, а в самый раз для того, чтобы предстать перед «институтскими сухарями» в лице деканов и зам-деканов. И мне её вид понравился..

Видя молчаливое одобрение, Наташа легко повернулась на своих стройных ножках и сказала:

– Я готова.

– Тогда в путь! – предложил я, распахивая перед девушкой дверцу машины.

Только в машине вспомнил, что забыл спросить о Кариме – хозяине дома и моём друге. Наташа ответила односложно, словно не хотела о нём вспоминать. Я отметил это про себя, решив непременно поговорить со старым другом и выяснить, что произошло тут в моё отсутствие.

– Карим прописал тебя?

– Да, вчера вернул мне паспорт с пропиской.

Девушка хотела, видимо, показать его, но я сделал знак рукой, и паспорт остался в сумочке. Наташа не выказывала особого желания общаться, и мне вновь пришлось брать на себя эту миссию: разговорить немногословное создание во что бы то ни стало. И вновь я рассказывал о городе, о тех местах, где мы проезжаем, о институте, в котором, надеюсь, ей предстояло работать и учиться.

Наташа несколько раз переспрашивала меня, упуская нить рассказа. Отнёс её невнимание к волнению перед предстоящим разговором в институте. Но это вполне оправдано: не каждый день приходится устраиваться на работу.

Наконец, мы выехали на улицу Алишера Навои, где движение машин наиболее интенсивно. Пришлось удвоить внимание. Снижая скорость, чтобы вписаться в режим движения, я думал, улыбаясь своим мыслям:

– Как знакомы мне здесь каждое дерево, каждое здание. Даже пешеходы, как родные братья и сёстры, хоть и пытаются перебежать дорогу в неположенных местах... Сколько километров здесь пройдено, сколько мыслей передумано, а чувств испытано. И как до сих пор это близко, памятно, остро... Возможно, именно присутствие Наташи делает всё более значительным и значимым, расцветившая радужными красками и прошлое, и настоящее?

Эта мысль поразила и удивила меня своей актуальной реальностью, заставляя повернуть голову в сторону Наташи. Но реальность была увлечена созерцанием города, и моего присутствия, как видно, не ощущала.

– Сабир, – подумал я, – ты глупец... Размечтался, как мальчишка... Да она тебе почти в дочери годится: ей всего семнадцать. Не забывай, дорогой: у тебя скоро появится четвёртый ребёнок... За плечами у тебя немалое семейство и тридцать два года жизни...

Вполне своевременный и резонный довод, вернул с небес на землю, и я спокойно и уверенно вырулил на небольшую стоянку возле института.

– Ну, что, сударыня, – шутил напропалую, – Вы готовы войти в будущее?

Наташа приняла мою игру, и ответила в тон:

– Да, сударь, несомненно.

– Тогда вперёд! – открыл ей дверку. – Будущее ждёт!

Не стану описывать все волнения, хождения по этажам, все запланированные и неожиданные встречи, но через час заявление Наташи с просьбой принять на кафедру технической механики было подписано и легло на стол ОК.

Открывая дверь в кабинет Отдела кадров и, пропуская девушку вперёд, я столкнулся с очень знакомым взглядом, и сразу узнал свою однокурсницу Алиходжаеву Насибу, которую не видел со дня окончания института.

Насиба поспешно встала со стула и начала говорить со свойственной только ей скороговоркой:

– Сабир Усманов?! Ты ли это?! Какими судьбами? О, Аллах, сколько же лет мы не виделись?! Да проходи же ты, азизим, проходи сюда ко мне поближе. Дай тебя разглядеть. Какой красавец-мужчина! Повзрослел! Возмужал!

Отвечать на все её вопросы невозможно, да и вряд ли нужно, потому что она не станет слушать, пока не выплеснет их все, как поток воды из ведра, что всегда стоит у неё наготове.

– Где же ты пропадал всё это время, Сабирчик? Мы вот только вчера о тебе вспоминали с девчонками... Да проходи, что ты мнёшься, как неродной? Садись вот сюда, ко мне поближе.

И только на этих словах Насиба, наконец, обратила внимание на Наташу.

– Ты не один? – поинтересовалась она, откровенно разглядывая девушку. Взгляд её чёрных глаз был цепок и внимателен. Он словно оценивал, сравнивал – это понял даже я: так он был недвусмыслен. Она явно сравнивала Наташу с Катей. И этот взгляд, переходя на моё лицо, спрашивал:

– Кто это?

И я ответил на него, покривив для пользы дела, душой:

– Насиба-хон, это наша соседка Наталья Аристова. Она решила перед тем, как поступать в институт сначала поработать, чтобы выбор был осознанным. Вот её заявление со всеми благодарными подписями: она будет работать у нас на кафедре лаборанткой.

И добавилшутливо:

– Если ты, конечно, не против, королева кадров?

Насиба засмеялась мне в ответ:

– Не против, король шутов! Не против!

И обратилась к Наташе уже вполне серьёзно:

– Давайте свои документы, Наталья Аристова.

Наташа достала из сумочки паспорт, свидетельство об окончании школы и сказала:

– Больше у меня ничего нет.

ОК просмотрела их и произнесла строго:

– Нет справки с места жительства.

– В чём дело, товарищ начальник? – улыбнулся я, – Добудем, хоть из-под земли.

Вновь знакомое выражение возникло на лице Насибы, щедром на проявление радости.

– Из-под земли не нужно, – приняла она шутку, – нужно из Махаллинского комитета.

И продолжила, переключаясь на меня:

– Сабирчик, дорогой, ты всё такой же весельчак и балагур, как раньше!

Ответил сущую правду:

– Только с тобой, ласточка-щебетунья. Только с тобой.

– Надо же, удивлась Насиба, – ты до сих пор помнишь, как меня называли на курсе?

Многозначительно и почти торжественно произнёс в ответ:

– Я всё помню, Насиба-хон...

Лицо однокурсницы стало серьёзным, а взгляд словно рентген, который готов заглянуть в самую душу, чтобы рассмотреть, что в ней есть на самом деле.

– Всё ли? – с сомнением поинтересовалась она.

Ответил ей твёрдо, не отводя взгляда:

– Всё.

Мы смолкли на несколько секунд, прикоснувшись душой к своей юности. Наташа с удивлением и непониманием смотрела то на меня, то на Насибу, но молчала, не мешая нам быть наедине со своим прошлым.

Видя, что Насиба хочет о чём-то спросить меня, я догадался, что вопрос будет скорее всего касаться Кати Вороновой, и приложил палец к губам, прося о молчании. Однокурсница поняла моё предупреждение без слов. А я поднялся со стула и сказал:

– Ну что же, Ласточка, пора. У меня ещё много дел: завтра нужно возвращаться домой, в Фергану. Я же проездом – по делам. Заскочил вот к вам узнать насчёт аспирантуры, и соседке помочь в устройстве на работу.

– Не пропадай надолго, Сабир. – попросила Насиба. – У нас есть о чём поговорить.

И добавила многозначительно, подавая карточку с номерами своих телефонов:

– Звони. В любое время... Если не в институт, то домой. Всегда, чем смогу – помогу.

Я поблагодарил Насибу, положил карточку во внутренний карман пиджака и попрощался со своей бывшей однокурсницей, недовольный собой за то, что желая покрасоваться перед Наташей и Насибой, в глазах этих двух женщин выглядел павлином, распутившим хвост.

И главное, как я понял, Насиба хотела рассказать мне что-то о Катюше, возможно, очень важное, а я не захотел выслушать её. Представляю, как она была ошарашена этим: некогда, так любивший Воронову, Сабир даже слышать о ней ничего не захотел.

– Это что-то! – отреагировал любимой присказкой Насибы – естественно, про себя.

Да, сегодня я предстал перед бывшей однокурсницей в весьма невыгодном свете.

– Хочется надеяться, что Наташа не приняла мои действия за «ужимки и прыжки» отпелого ловеласа, – подумал я, спускаясь по лестнице в вестибюль.

Впрочем, ни Насиба, ни Наташа ничем не выдали своего отношения к моим «ужимкам и прыжкам», ведь они девушки тактичные, по крайней мере Наташа – уж точно.

До вечера мы с Наташей успели и в магазинах побывать, закупить всё, что заказала Рахилия, и взяли справку с места жительства, правда без взятки там не обошлось, и поужинать в «Гриль баре» на сквере в центре города.

На Каракамыш вернулись уже когда сумерки опускались на город, зажигая звёзды и рассыпая огни. В этом тихом районе и воздух не такой, как в центре, он наполнен осенними ароматами спелых фруктов, дымком от тандыров, в которых местные жители пекут воздушные лепёшки. Чуткое ухо улавливало то там, то тут весёлые мелодии: осень – время свадеб.

Остановил машину возле дома Карима и, замерев на секунду-другую, вслушиваюсь в вечерний шум города. Наташа тоже сидела молча, словно не хотела выходить из автомобиля, не хотела возвращаться в дом моего старинного друга. Но я открыл дверцу и решительно сделал шаг вперёд. Наташа так же молча последовала за мной.

Возле ступеней, ведущих к двери друга, я остановился и спросил девушку:

– Наташа, тебе не хочется сюда возвращаться?

И она ответила неожиданно жёстко, не щадя себя:

– На что может рассчитывать девушка, однажды шагнувшая за порог родного дома, ставшего чужим?

– На помощь, – ответил ей с улыбкой, надеясь смягчить обиженное сердце девушки, – в крайнем случае – на сочувствие.

– Спасибо, – буркнула Наташа, ничуть не смягчившись. – В наше время никто, никому и ничем не обязан!

– Кто сказал? – попытался удивиться я, догадываясь, кто это мог быть.
– Ваш друг, Карим Атабаевич.
– А-а-а, – звук получился несколько насмешливым. – От Карима можно ожидать и не такого.

Девушка не выдержала и взорвалась:
– Если вы знали об этом, почему не предупредили?
Выразительные глаза её смотрели на меня с непониманием и укором.
– Я предупреждал его! – начал злиться ей в ответ. – Просил оставить свои штучки, а он не послушал.

Моя вспышка насторожила Наташу. Пришлось переходить на более спокойный и миролюбивый тон:

– Побудь тут. Я позову тебя, если будет нужно.

В дом заходил нарочито шумно, громко топая ногами, чтобы моё появление было всеми услышано. Из глубины дома на моё топанье появился Карим. Рубашка у него расстёгнута, обнажая грудь, покрытую чёрными курчавыми волосками. На весёлом лице была широкая, добродушная улыбка.

– Сабир, братишка, здорово! – произнёс он и полез обниматься.
Легко отстранил его и поинтересовался:
– Опять навеселе?
– Ты же знаешь друг: я вообще человек весёлый!
– А где Дильбархон? – спросил строго, не одобряя веселье Карима.
– Она ещё из Янги-Юля не вернулась. Загуляла, видно, сестрёнка! – продолжил Карим не убавляя звука и радости.
– Поэтому и ты в загул ударился. Свободу празднуешь, друг?
– Какая там свобода? – запротестовал Карим и потащил меня за рукав в зал.

Знакомая комната предстала перед моим взором в плачевном состоянии: всюду пустые бутылки, окурки, пепел от сигарет. На столе, сваленные горкой грязные тарелки, огрызки от фруктов. Показывая рукой на стол, Карим сказал:

– Вот, вчера посидели с друзьями немного... Поговорили, молодость вспомнили... Толик был, Азиз... У Тахира сын родился. Обмыли...

И, немного помолчав, добавил, сгоняя улыбку с широкого, слегка опухшего лица:

– А твоя принцесса даже не вышла... Вот я и сказал ей пару ласковых...

И я, взяв Карима за воротник рубашки, начал трясти, как бутылку с кислым, дешёвым вином.

– Я же предупреждал тебя, Карим-ака, чтобы ты ненароком не обидел девушку.
– Да что ты?! – попытался вырваться Карим. – Её обидишь, как же?! Утром даже разговаривать не стала. Есть отказалась.. А ей-то всего и предложили посидеть несколько минут за столом, составить нам компанию.
– Я же ясно сказал тебе, что эта девочка не про вас! Ты что, друг, не понял?

Карима окончательно развезло, он стал совершенно неприятен и заявил нахально:
– Если так, то забирай свою принцессу к чертям собачьим!
– Да уж, конечно, не оставлю! – согласился. – Если появился Тахир, то Наташе здесь делать нечего.

Мой пьяный друг пытался что-то сказать, но я уже не стал его больше слушать – развернулся, не слушая его, и ушёл прочь от некогда верного друга. Но возле порога он догнал меня и схватил за рукав.

– Что, из-за какой-то девки отказываешься от старого друга?

– Повтори! – повысил голос я.

– Для себя припасает?

– ???

– У тебя же потрясающая жена, Сабир!... А я один, как палец.

– Причём тут это? – не понял я.

– А при том... – язык Карима заплетался всё больше. – Не суй всю пятерню в рот – подавиться можно.

Лицо Карима исказила неприятная гримаса, он наклонился ко мне, и я с отвращением оттолкнул от себя потерявшего облик человека Карима. Толкнул его так, что он грохнулся со всего размаха на пол и сразу отключился, или просто сделал вид. А я вернулся в комнату, где неделю жила Наташа, собрал её вещи, косметику в ту самую сумку, которую мне вручила в пятницу Элеонора, и выбежал из дома, чтобы больше не видеть бывшего друга.

Моему возмущению и удивлению не было предела.

– Что стало с Каримом? Я не узнаю своего друга, – думал я, шагая к машине с сумкой наперевес. – Он не был таким раньше... Это создание с обрюзглой физиономией – вовсе не Карим. Это какая-то пародия на моего друга!... Как всё изменилось за какие-то шесть-семь лет. Причём не в лучшую сторону...

– Что делает с нами жизнь? – спрашивал я сам себя. – Или это мы сами делаем с нашей жизнью, точнее из нашей жизни, что-то совершенно неприглядное?

Лишь в автомобиле ко мне возвратилась способность мыслить спокойно. Сидел, сложив руки на руль и лихорадочно соображал

– Придётся везти Наташу к нам – ничего иного мне не остаётся... Конечно, отец не одобрит моего поступка, но в гостеприимстве не откажет. Мама всё поймёт и примет девушку, как родную дочь...

– Итак, решено: едем к нам! – это я уже произнёс вслух.

– Куда к вам? – не поняла Наташа, удивлённо глядя на меня во все глаза.

– К нам – домой, – улыбнулся в ответ своим мыслям. – У человека, родившегося и выросшего в Ташкенте, и дом должен быть в этом городе, не правда ли?

– Да, конечно, – поспешно согласилась девушка, потеряв желание спорить.

Я завёл машину и двинулся на противоположенный конец ночного города – в дом моих родителей. Прохладный воздух врвался в открытое окно автомобиля, овеявая моё разгорячённое лицо. Молчал, сосредоточенно глядя на дорогу. Молчала и Наташа, не задавая никаких вопросов, но мне было предельно ясно, что она поняла всё, что произошло между мной и Каримом.

Мне вспомнилось, каким преданным другом был Карим Атабаев в нашем далёком детстве и в юношеские годы. Правда он никогда не был пай-мальчиком, но всегда отличался обострённым чувством справедливости и честности... Что произошло с другом? Когда начался процесс падения?... Разве можно ответить на эти вопросы?

Шесть лет тому назад судьба развела нас в разные стороны: меня в Фергану, а друг остался здесь, в Ташкенте. Он был молод, полон сил, влюблён, сиял от счастья. Девушку звали Луизой,

и она была из обеспеченной семьи. У меня сложилось впечатление, что чувства были взаимными.

Но Луизу за Карима не отдали: отец невесты потребовал огромный по тем временам калым. А где мог взять такие деньги молодой человек, у которого кроме младшей сестрёнки на руках, не было никого, чтобы помочь ему? И Луизу отдали за другого.

Возможно, надрыв произошёл именно тогда, и Карим начал прикладываться к бутылке? Правда время от времени он спохватывался, и на некоторое время прекращал пьяные похождения, ведь подросла Дильбар, и нужно было думать о ней: устраивать её жизнь.

Диля поступила в институт и Карим с удвоенной энергией начал трудиться в милиции, чтобы она могла закончить институт, выйти замуж за достойного человека. Впрочем, Карим и сейчас работает там же, и говорят его считают ценным сотрудником. А то, что творится у него дома – не интересует никого.

Несколько лет я не видел друга, поэтому мало знал о его жизни – лишь со слов родителей, которые потеряли его из вида, потому что Карим очень редко появлялся у нас. Год назад я совсем неожиданно столкнулся с ним на улице. Нашей встрече друг очень обрадовался, как, впрочем, и я. Он всё расспрашивал меня о жизни, о работе, семье. Мы посидели с ним в ресторане, вспомнили детскую дружбу, годы юности.

Карим был весел, щедр, открыт. Пил мало. И я уверился в том, что с ним всё в порядке. Поэтому и привёз Наташу не к родителям, а к нему, ведь дом Атабаевых достаточно большой, и девушка не стеснила бы их. Да и любопытствующих глаз меньше, меньше болтливых языков: друг с сестрёнкой живут полу-затворнической жизнью – напоказ её не выставляют. Но теперь я вижу, что обманулся в своей надежде, и мне придётся исправлять содеянное.

* * *

Подъезжая к дому родителей, старался настроиться на серьёзный разговор с отцом. Что разговор предстоит нелёгкий – в этом я не сомневался. Затихшая Наташа не мешала мне, думая о чём-то своём, лишь иногда бросая на меня обеспокоенный взгляд.

На этом раз я более, чем аккуратно, загнал машину во двор, мастерски минуя узкие места. Пока закрывал ворота Наташа стояла у крыльца, переминаясь с ноги на ногу. Подхватив её дорожную сумку, я жестом пригласил девушку в дом.

– Прошу вас, сударыня, переступить порог нашего скромного жилища, – предложил ей, протягивая руку вперёд, чтобы распахнуть перед девушкой двери. Но не успел сделать это: на пороге появилась мама.

– Это ты, углим? – спросила она, обеспокоенно всматриваясь в темноту.

– Это мы, мама, – ответил я поспешно.

– Ты не один, азизим? – догадалась она.

– Да, ана, я с Наташей.

Немой вопрос застыл на худеньком лице мамы, но она ничего не спросила, лишь произнесла:

– Милости просим в дом, дорогая гостья.

Я пропустил Наташу вперёд, а сам направился за ней следом.

– Мама, – попросил тихо, – давай сначала устроим девушку в боковой комнате? Думаю, что там ей будет удобно...

– Хорошо, сынок, – ответила та. – там всегда убрано и всё готово к приёму гостей.

Боковая комната – комната наших девочек, как говорит обычно мама. Подрастая, они одна за другой переселялись туда. Сестры выросли, разлетелись кто куда, и комната теперь пустует, сиротливо взирая своими окнами в сад. Лишь мама заходит сюда и подолгу, пригорюнившись стоит на пороге, украдкой смахивая непрошеную слезу платочком.

Комната осиротела без своих обитательниц, стала тихой, неживой. А когда-то звонкий девичий смех наполнял её, радуя душу родителей. Казалось, что так будет всегда, но время сделало своё дело, и теперь здесь тишина и покой.

Пока мама устраивала Наташу, я прошёл в кабинет к отцу, чтобы не откладывать разговор на потом. Дада отложил газету, снял очки и сказал:

– Добрый вечер, сын... Что-то ты загулял совсем. Рахилия уже два раза звонила: волнуется дорогая сношенька... А сынок – совсем не волнуется. Болтается где-то целыми днями...

Не успеваю ответить, а отец уже задал очередной вопрос:

– Я слышал у нас гость?

– Да, – ответил я. – Гостья. Наташей зовут.

– Кто такая? Откуда?

Лишь на пару секунд я задумался над вопросом отца, а затем рассказал всё, ничего не скрывая, за исключением своего отношения к девушке. Рассказал о встрече на дороге, о родителях Наташи, о Кариме, об институте. Отец внимательно выслушал моё не короткий рассказ меня, а когда я, наконец, умолк, произнёс:

– Помочь, конечно, девушке нужно, но что-то мне здесь всё-таки не нравится.

– Что именно?! – вспыхнул я.

– Как это такая молоденькая девушка не побоялась уйти от родителей неизвестно куда?

... Ты не имеешь к этому отношения, углим?

Я открыто посмотрел во внимательные глаза отца и ответил без запинки:

– Никакого отношения, дада.

Мой честный, прямой ответ несколько успокоил его, и он произнёс враздумье:

– И всё-таки я не могу одобрить твой поступок, сын, ведь у тебя есть жена, дети... Наверняка твой поступок не понравится Рахиле.

Я умоляюще посмотрел на отца:

– Дада, можно я попрошу вас не говорить ей пока ничего?

Отец предостерегающе поднял руку, как бы говоря: – «Не бери меня в сообщники», но тут же опустил её и произнёс решительно:

– Если она не спросит – не скажу ничего, а если спросит – обманывать не стану.. Ты меня знаешь, углим.

– Хорошо, отец, – согласился я. – Большого мне не нужно.

Весь следующий день я провёл в кругу родителей и Наташи. Я шутил, смеялся, вовлекая в разговор и отца с мамой и Наташу, надеясь наладить между ними взаимопонимание и доброе отношение.

Временами ловил на себе обеспокоенные взгляды мамы: видимо, моё поведение показалось ей подозрительным. Она искала ответа на вопрос, почему я не похож сам на себя? И не находила.

Наедине с девушкой старался не оставаться, чтобы не вызвать недовольство отца и не осложнить положение девушки. Нужно было до конца доводить версию о том, что я просто хочу помочь ей устроиться в Ташкенте, чтобы начать здесь новую жизнь – и не более того.

Звонила Рахилия. Её голос звенел от раздражения и недовольства. Сказал, что задерживаюсь в Ташкенте из-за болезни отца, и буду в Фергане только ночью. Не знаю успокоило ли её моё объяснение, но уже более миролюбивым тоном она сказала:

– Приезжай. Ждём.

И повесила трубку.

Улучшив момент, я решился поговорить с мамой, чтобы развеять её подозрения. Разговор был долгим, и для меня не совсем лёгким. Я обстоятельно рассказал маме о родителях Наташи, не охаявая, но и не приукрашивая (этого мама не любит). Немного рассказал о Наташе – самую малость: о её страстном желании учиться, о талантливости девушки, о своём бескорыстном желании помочь ей. Попросил маму взять над девушкой шефство, то есть позаботиться, ведь она совсем ещё девчонка.

– О чём разговор, углим? – успокоила меня мама. – Я буду рада о ком-то заботиться. Нам с отцом так сейчас не хватает этого... Может быть, отец и болеет так част только потому, что привык быть нужным, о ком-то заботится, кого-то опекать... Вы все выросли, разъехались. А мы остались одни.. Одиночество угнетает, делает жизнь однообразной, никому не нужной. А это не каждому дано вынести... Отцу труднее, чем мне, углим. Он никак не может привыкнуть к тому, что наша семья настолько уменьшилась, сократилась до двух человек, что в нашем доме не слышны детские голоса, смех.

– Сынок, ты бы переехал к нам со своей семьёй! – с надеждой в глазах обратилась ко мне мама. – Попроси Рахилию от моего имени... Мы будем с отцом смотреть за детишками, а Рахилия сможет пойти работать.

Мне не хотелось огорчать её, поэтому я согласился:

– Хорошо, мама, я попрошу.

Мне, кажется, она догадывается, что Рахилия никогда не поедет в Ташкент, никогда не оставит своего отца, но, как говорится: надежда умирает последней, поэтому мама и надеется.

Перед отъездом в Фергану я попросил Наташу, чтобы она чувствовала у нас, как дома, была естественной и чуть снисходительной к стариковским слабостям. И ещё попросил, чтобы она не боялась отца: он строг, но справедлив.

Услышав в ответ: – «Я постараюсь, Сабир Усманович», – решил, что этого вполне достаточно, теща себя надеждой, что Наташа поняла меня, ведь девушка она неглупая.

В Фергану уезжал с чувством выполненного долга, пообещав на прощание маме, что непременно буду звонить. С отцом распрощались по-мужски, крепко пожав друг-другу руки. Мама и Наташа стояли на крыльце и махали мне вслед.

Дорога ровным полотном стелилась под колёса машины, но уезжать совсем не хотелось, не хотелось покидать дорогих моему сердцу людей. Обстоятельства вынуждали делать это: увы, я не свободен. Слишком много у меня было обязанностей в этой жизни, как, впрочем, и у каждого из нас...

Глава 8. Неожиданная встреча

(Рассказ Натальи Аристовой №1).

Вот и уехал Сабир Усманович домой, а я осталась в незнакомой мне семье. Хотя семьёй назвать двух стариков можно с натяжкой. Скорее это осколок от некогда большой семьи. Этот вывод я сделала при первом знакомстве с родителями Сабира Усмановича. По своей семье мерила: ситуация казалась похожей.

Однако через неделю обитания в новой среде, поняла, что поспешила с выводом. Эти двое пожилых людей, прожив рядом целую жизнь, сохранили те чувства и отношения, которые составляют основу семьи: уважение, душевную теплоту, заботу друг о друге и о людях, живущих рядом.

Глядя на этих двух стариков, я поняла, что наша семья очень сильно проигрывает им, причём по всем позициям. От нашей семьи так и веет холодком, равнодушием друг к другу и накалом «высоких» эмоций» на грани срыва, от стариков Усмановых – пониманием и доброжелательностью.

Халима-апа приняла меня сразу так, словно давно и хорошо знала меня. И я старалась отплатить старой женщине тем же: теплотой и уважением. Её муж, Усман-ака, сначала показался мне через-чур строгим, порой даже сердитым, но очень быстро я начала привыкать к его строгому выражению глаз, к твёрдому малоулыбчатому лицу.

Меня вполне всё устраивало: я не лезла к ним, а они не досажали мне чрезмерной опекой, не требовали особого внимания, не третировали подозрениями. Сложилось некое устойчивое равновесие. Этому поспособствовал и мой выход на работу: уходила я из дома в восемь утра, а возвращалась в восемь вечера, так что времени на общение оставалось немного.

Итак, впервые в своей жизни, я вышла на работу. Можете себе представить, как я себя чувствовала в первые дни? Думаю – да, ведь каждый из нас когда-то впервые в жизни начинал свою трудовую деятельность. Собственно, выполнять рабочие обязанности, на меня возложенные, особого труда не составило: тут я была прилежной ученицей, впитывая всё, чему меня учили.

Труднее было привыкнуть к большому, шумному коллективу института, ко множеству разговоров, мнений, ко множеству личностей. Уверяю вас, их количество намного больше, чем в нашей шумной школе. Нелегко было привыкать ко множеству взглядов: порой любопытных, испытующих; порой насмешливых, критических; порой – доброжелательных, подбадривающих. Несмотря на это, через месяц я уже не чувствовала себя «чужеродным элементом» в институтской среде.

Однажды вечером, возвращаясь после работы домой, я столкнулась с Каримом Атабаевым, и от неожиданности шарахнулась в сторону. Он увидел мой испуг и виновато улыбнулся:

– Здравствуйте, Наташа-хон.

– Здравствуйте.

– Вижу, что вы на меня в обиде? – фраза прозвучала полу-вопросительно, полу-утвердительно.

Не стала кривить душой, перед этим странным, не совсем приятным мне человеком:

– Да, я на вас обижена, и думаю, что имею на это основание.

– Конечно, – совершенно убитым тоном согласился Карим Атабаевич, – я виноват и перед вами, Наташа-хон и перед Сабиром... И прошу у вас прощения.

Разговор становится навязчивым, и чтобы поскорее закончить его, призналась:

– Я вас давно простила.

– Правда? – как ребёнок обрадовался Карим, расплываясь в улыбке. – Вы очень добрая, Наташа.

Такая реакция Атабаева немного обескуражила меня, и я не находила слов ему в ответ, а тот, видимо, по своему истолковав моё молчание, начал рассказывать о том, какую головоломку в тот вечер ему устроил Сабир.

Карим всё повторял и повторял с полной убеждённостью:

– И правильно сделал! Правильно сделал! Я вёл себя, как самая настоящая свинья...

Представив Атабаева в обличье хрюшки у корыта с кормом, я невольно улыбнулась.

– Вот я и развеселил вас, – отреагировал собеседник, довольный тем, что я изменила свой гнев на милость.

– Вы с работы, Наташа-хон?

– Да.

– И куда направляемся, если не секрет?

– Домой.

– Какие исчерпывающие ответы! – засмеялся Карим. – И так просто и понятно: домой...

А домой – это куда?

– Вы разве не знаете? – удивилась я. – Сейчас я живу у родителей Сабира Усмановича.

– Ну что же, так я и предполагал. И не ошибся...

Разговор смолк, предвещая неловкую паузу, но Карим вдруг начал говорить взволнованно, иногда путаясь в слова.

– Если бы вы знали, Наташа-хон... Мне как... Как мне досталось от Дильбар... Она стучала своими маленькими кулачками по моей груди... Плакала и говорила: – «Зачем ты отпустил Наташу?! Зачем?... Я знаю: ты обидел её, вот она и ушла от нас!»...

Поверьте, Наташа-хон, я плакал с ней вместе... Ругал себя последними словами... Я слово дал Диле, что больше не буду пить арак (водку) ... И вот уже месяц не пью...

– Очень рада за вас, – отреагировала я, стараясь даже интонацией не обидеть друга Сабира Усмановича.

– Я тоже рад и за себя, и за то, что встретил вас, Наташа... И за то, что вы простили меня.

Карим Атабаевич мялся в нерешительности, собираясь, видно, что-то сказать ещё, но никак не решался. И я сделала вид, что собираюсь уходить.

– Наташа-хон, куда же вы? – спросил Атабаев с отчаянием в голосе.

– Как куда? – удивилась ему в ответ. – Домой, конечно.

– А я хотел пригласить вас в ресторан! – неожиданно выпалил собеседник.

– Меня? В ресторан? Сейчас? – ещё больше удивилась я.

– Да, – односложно подтвердил Карим.

Это предложение не только удивило меня, но и одновременно заинтриговало, ведья никогда раньше не бывала в ресторане. Не скрою: Карим-ака поставил меня перед непростым выбором – как говорятся «и хочется, и колется». Но идти в ресторан с Атабаевым?...

Видя моё замешательство, Карим произнёс весьма убедительно:

– Да не бойтесь вы меня, Наташа! Это я после арака дурным становлюсь... Даю слово, что пить не буду.

Но и эти слова не убедили меня: слишком свежи были неприятные воспоминания. А Карим продолжал:

– Правда сейчас в ресторане мало интересного: в это время почти нет людей... Самое интересное начинается часа через два: и народу побольше, и музыканты будут... Может для начала зайдём в кино? Во «Дворце Искусств» сейчас идёт новый фильм «Стервятники на дорогах»... Говорят интересный. Вы не видели?

– Нет, не видела, – ответила ему не совсем уверенно, поражаясь способности Карима «брать противника в кольцо».

– Вот и хорошо! – обрадовался тот. – Сейчас позвоним тётушке Халиме, предупредим, чтобы она не волновалась... Ну, идём же?! Идём!..

Взгляд Карима был, умаляющие-виноватый, как у ребёнка, который очень хочет загладить свой проступок, робко касался моего лица. И я, неожиданно даже для себя, согласилась. Мне очень было интересно наблюдать за человеком, которому хотелось показать себя с лучшей стороны. Так захотелось поддаться наивному обаянию Атабаева, но перед глазами стояло истинное лицо этого «большого ребёнка».

Сразу припомнилась компания его друзей, для которой мне пришлось готовить плов. Я даже имён их не запомнила. Да и их самих – тоже. Запомнился только Толик-Тахир, который обмывал, родившегося утром сына. Он был высок ростом, худощав и вертляв, как угорь. Смуглое, узкое лицо, весьма симпатичное, и меж тем, что-то в нём было не так. Быть может, несколько оттопыренные уши, делающие его похожим на Чебурашку. Я так и определила его про себя Чебурашкой, и по-моему, не ошиблась в определении.

Лицо Толика поражало вдохновенной самоуверенностью и нахальностью, и ещё зубами. У него был полон рот золотых зубов, и, когда он улыбнулся в первый раз, я подумала: – Вот что значит: золотозубая улыбка.

Когда я накрыла на стол и собралась уходить к себе, Толик остановил меня:

– Наташа-хон, может составите нам компанию? У нас есть бутылка шампанского... Девушки обычно любят шампанское.

Золотозубая улыбка была, видимо, направлена на то, чтобы очаровать меня, расположить к обладателю оной, но я ответила:

– Спасибо. Видимо, не все девушки любят шампанское. По крайней мере, я не люблю.

– Так у нас и водка есть, и коньяк! – настаивал Тахир-Толик.

Ответила жёстко, без улыбки:

– Благодарю за приглашение, но я не пью совсем: ни шампанское, ни водку, ни коньяк.

И быстро ушла в свою комнату. За спиной раздался насмешливый голос кого-то из друзей Карима:

– Ну, что, Тахирчик, отбрила тебя девчонка?!

Тахирчик ответил полу-презрительно:

– Подумаешь, принцесса!

И вся компания зашлась хохотом, а я тем временем закрыла за собой дверь. В доме только входные двери имеют запоры, чтобы обезопасить себя, мне пришлось вставлять ножку стула в ручку дверей, чтобы никто не мог войти в комнату без спроса. Потом я убедилась в том, что предостережение не было напрасным.

Сначала из зала доносились, приглушённые голоса, звон посуды и стаканов. Потом голоса стали громче и, наконец, словно взорвались. Я поняла, что двери в зал открыты и кто-то идёт по коридору. Шаги затихли возле моей двери. Раздалось лёгкое постукивание и приглушённый, пьяненький голос Толика:

– Принцесса, ну что же ты такая гордая? Посиди с нами немного: мы не кусаемся...

Я затихла, как мышка, притворяясь спящей, стараясь дышать совсем неслышно. Постукивание перешло в царапанье, а голос стал ещё ниже, ещё «соблазнительней»:

– Принцесса, ты где? Я тут у твоих дверей, как у твоих ног...

И снова тишина. Затем громкий голос Карима:

– Толик, Толик, куда ты делся? Мы ещё за дружбу нашу не выпили...

Карим, увидев Толика у моей двери, продолжил не понижая голоса:

– Что, Тахирчик, понравилась девочка? Красивая, не правда ли?

– Да тише ты, тише, оратор! Что разорался, как торговец на базаре?

Дальше разговор проходил уже при пониженных тонах и на узбекском языке, видимо для того, чтобы я не смогла ничего понять. Друзья на этот счёт сильно заблуждались. Они ведь не могла знать того, что я выросла среди махаллинских ребятишек, и язык знаю неплохо.

– Девочка красивая, да не про тебя, друг.

– Уж не про тебя ли?

– Не угадал, дорогой: это Сабира девчонка.

– Твоего старого дружка?!

– Тебе он тоже, как мне помнится, хорошо знаком. Не забыл ещё вижу.

– Нет, не забыл. А когда начинаю забывать, то лицо напоминает золотыми зубами.

Карим засмеялся приглушённо:

– Да, Тахир-джан, это память, так уж память: на всю жизнь. На каком это курсе он тебе отметку эту сделал?

– На третьем, – ответил Тахир. – И тоже из-за девчонки... Помнишь Катюшу Воронову? Вот тогда, из-за неё я и лишился зубов.

– Как не помнить? – отозвался Карим. – На вашем курсе все парни были в неё немного влюблены.

– Ты прав, Карим, были... А досталась она Сабирке, и потом, как козочка на привязи ходила за ним... А он попользовался и бросил, как...

Дальше последовали весьма нецензурные слова и я, чтобы не слышать этого, закрыла уши подушкой. Когда я сняла подушку с головы разговор между дружками шёл уже о том, что у Кати Вороновой от Сабира Усмановича есть ребёнок – сын.

– Карим, друг! Я хотел убить Сабирку, когда вернулся в Ташкент! – признался Тахир. – Но он уже уехал в Фергану.

– А где сейчас Воронова? – поинтересовался Карим, еле выговаривая слова, заплетающимся языком.

– Всё там же, в Джизаке. Работает в Облбольнице. После того, как получил от ворот – поворот, я больше там не был...

Голос Тахира сорвался, и он начал плакать злыми пьяными слезами. Карим успокаивал его и потащил назад в зал, предлагая залить горе водкой.

– Как хорошо, что я знаю язык, – думала я. – Иногда можно узнать много любопытного.

К языкам у меня способности с детства: я и английский знаю не хуже мамы, а может даже и лучше, потому что много слушала песен на английском, учила слова, подпевая исполнителям...

Впрочем, я несколько отвлеклась от основной нити повествования, и должна это исправить. На следующий день Карим-ака с опухшим лицом, всклокоченными волосами, высказывал мне, предъявляя претензии:

– Ишь, какая принцесса нашлась?! Что, полчаса не могла посидеть с нами?

Ответила я ему тогда довольно резко:

– Я не обязана развлекать ваших друзей!

– И тебе никто и ничем не обязан! – зло отрезал Карим.

В ответ на его слова я хлопнула дверью и ушла в свою комнату. Хотела сразу же уйти из этого дома, но куда? Ташкент для меня совершенно незнакомый, чужой город. С полчаса ходила по комнате, лихорадочно соображая, что делать, но так и не смогла ничего придумать.

Карим два раза подходил к двери, звал завтракать, и оба раза я отказывалась. Слышно было, как он сам метался по дому, не находя места. Наконец, что-то ворча себе под нос, хлопнув входной дверью, он ушёл из дома. Только после этого я немного успокоилась и ко мне вернулась способность нормально мыслить.

Я решила одеться и выйти в центр города и попробовать поискать работу самостоятельно. Ведь мне никто ничем не обязан, как выразился лучший друг Сабира Усмановича... Никто и ничем. Когда постучали в дверь, я уже была одета. Инстинктивно сжалась, ожидая неприятностей. Но стук был иной, лёгкий, не наглый. И я шагнула навстречу.

– Кто там?

– Это я – Сабир-ака, – ответил голос из-за двери.

Каким прекрасным показался этот голос, словно сам Ангел-спаситель пришёл мне на выручку. И я была несказанно рада этому. Рада, как никогда раньше. Сама не ожидала такой реакции. Видимо, поэтому и ошетибилась, как ёж.

– Здравствуйте, Наташа, – сказал Сабир-ака прямо с порога, внимательно всматриваясь в моё лицо. – А я вам привет привёз от мамы.

«Ангел-спаситель» подал мне письмо, которое я прочла мельком, потому что знала, что там написано: жалобы мамы на загубленную молодость, на непонимание её жертвы, обвинение в неблагодарности и чёртвности.

Отбросив письмо на кровать, я подумала с досадой:

– «Лучше бы ты денег передала, мама, чем это письмо! Оно не сказало мне ничего нового».

Сабир Усманович передал знакомую дорожную сумку со словами:

– Ваша мама попросила передать ещё вещи.

Это порадовало меня больше белого листка, сиротливо прилепившегося на краю кровати, Вещи были кстати. Не обращая внимания на Сабира, я стала выкладывать их из сумки. Особенно порадовалась своему любимому вечернему платью, которое лежало на самом дне сумки. Я так увлеклась своими нарядами, что чуть не пропустила мимо ушей слова Сабира Усмановича:

– Наташа, вы не забыли о том, что должны сейчас ехать в институт? Переодевайтесь, а я подожду в машине.

И уже в дверях он добавил:

– Забыл спросить, Наташа: Карим успел вас прописать?

– Да, – ответила я поспешно, – Вчера он вернул мне паспорт с пропиской.

– Вот и хорошо. Возьмите все документы, что у вас есть – будем устраиваться на работу. Ваша мама дала добро.

Сабир ушёл, а я подумала:

– А что ей ещё оставалось делать? Всё свершилось с её молчаливого согласия и даже, если задуматься, с активного подталкивания именно к этому шагу.

Вот так, благодаря «Ангелу-спасителю» я и устроилась на работу, и покинула дом, человека мне малосимпатичного. Впрочем, я вновь отвлеклась от повествования...

* * *

Перед началом киносеанса Карим-ака явно чувствовал себя не совсем комфортно: он то ёрзал на стуле, устраиваясь поудобней, то вынимал из кармана яркий носовой платок, вытирая воображаемый пот, то недоверчиво, краем глаза, поглядывал на меня. Он, видимо, никак не мог поверить тому, что я смогла простить его и согласилась пойти с ним сюда, во Дворец искусств – сомневался, что пойду и дальше, в ресторан. Мужчина гадал, что всё это значит: подвох, авантюра, или мелкое желание уязвленного женского самолюбия, желание отомстить?

Много, как видно, было мыслей в голове Атабаева – ох, много. Я же сидела молча, сосредоточившись на экране, в душе ликуя: к чему месть, Карим-ака? Ты уже сам-себя наказал! И мне этого вполне достаточно. Так что: даёшь ресторан! Тем более, что это первое моё посещение такого заведения – пусть даже не с тем с кем хотелось бы...

Итак, фильм нас не очень заинтересовал. Тем более, что это подделка род Запад, и подделка дешёвая. Какой Запад с разбитыми дорогами, всесильной российской мафией и хлипким «суперменом»? Ничто не может заглушить мысли в наших головах: ни выстрелы, ни повышенные тона, на которых общаются персонажи фильма, ни визг тормозов.

Я краем глаза наблюдала за соседом. На его лице время от времени возникала явно различимое недоверие. Весь его вид словно говорил: –«Что ты задумала, Наташа-хон? Что от тебя можно ждать?»

Вот и правильно, вот и хорошо: именно эти сомнения и будут держать его в узде. Странный он всё-таки человек. Не всегда его понимаю. А, впрочем, мне это и не нужно.

Как говорит мама Лина: – Он – человек не нашего круга. И он мне – не интересен.

При одной только мысли о маме, на моём лице возникла усмешка, и сосед сразу становится похож на взъерошенного воробья: он явно принял её на свой счёт. А меня начал разбирать смех, который я сдержала с трудом. Пришлось переключать внимание на действия,

происходящие на экране, чтобы усыпить бдительность соседа. Через некоторое время его бдительность засыпает, и он с головой «ухолит в фильм».

Уже на улице мой нечаянный спутник поинтересовался, всеми силами пытаясь не выказать заинтересованности:

– Вы не передумали, Наташа-хон?

– Не передумала, Карим-ака. – ответила ему, пряча предательскую усмешку. – А вы случайно не передумали?

– Как вы могли подумать такое?! – взвился тот. – Едем!

– Куда? – любопытствовала я.

– Куда прикажешь, принцесса?!

– Я слышала ресторан «Зеравшан» неплох...

– Верно: неплох, – заулыбался Карим, давая понять, что это заведение ему хорошо знакомо.

– Так едем?

– Едем, принцесса!

Мужчина остановил такси, услужливо открыл мне дверь, приглашая сесть на заднее сиденье, а сам устроился рядом с водителем, произнося небрежно:

– Ресторан «Зеравшан», шеф!

Водитель – пожилой мужчина, явно европейского типа, с осуждением посмотрел на моё отражение в зеркале. Я почувствовала это всей кожей и щёки мои начали предательски алеть. С вызовом ответила ему взглядом: – «Какое тебе дело, дядя. Следи лучше за своими дочерьми!» Мужчина осуждающе покачал головой, а я начала злиться, и, чтобы не высказать свои мысли вслух, отвернулась к окну.

А за окном в свои права уже вступила ночь. Свет фонарей, где ярче, а где приглушённое, освещали улицу по которой катило такси, создавая какой-то иной, ирреальный мир, выхватывая из темноты знакомые картины. Возникла автобусная остановка. Группа парней о чём-то заинтересованно дискутировала, эмоционально доказывая что-то друг другу, при этом отчаянно жестикулируя. Лишь один из них – высокий стройный, с волнистыми волосами, рассыпанными по плечам, стоял молча, широко расставив ноги, и держа руки в карманах брюк. Стоял так, словно бросил вызов всей этой честной компании, и теперь ждал ответа на этот вызов.

– «Вот это – личность! – подумала я, – Только личность способна вот так стоять над толпой. Быть выше её, ярче...»

Додумать мысль до конца я не успела: такси остановилось напротив ярко освещённого здания с надписью «Ресторан Зеравшан».

– Приехали! – сказал Карим-ака, и я поспешно вышла из такси, не дожидаясь, когда он расплатится с водителем, чтобы не видеть больше испытующего взгляда таксиста.

И сразу же услышала вкрадчивый голос:

– Красавица, это не ты назначила мне сегодня свидание?

Из темноты вынырнула хлипкая фигура, вызывая улыбку: уж очень эта фигура напомнила мне юркую ящерку, Ответить не успела, потому как появился Карим и развязано выдал оппоненту:

– Осади, Бэбби! Эта девушка мне назначила свидание.

– О, Каримчик?! – заискивающим тоном отреагировал тот. – Сколько лет, сколько зим? Что-то давно тебя не было видно. Весь в трудах, весь в работе?

– Отдыхал от тебя, Бэбби, – безапелляционно ответил ему Карим, ни мало не заботясь о том, как его высказывание воспримет этот самый Бэбби.

– Ха-ха-ха! – не обиделась хлипкая личность. – Ты, как всегда, Каримчик, в своём репертуаре!

Карим повернулся ко мне, словно напрочь забывая о вертлявом выюноше с лёгким пушком над верхней губой:

– Идём, Наташа-хон: «Зеравшан» у наших ног!

И сделал широкий, приглашающий жест.

Глава 9. «Зеравшан»

(Рассказ Н. Аристовой №1 – продолжение.)

Я поднималась вверх по ступенькам, чувствуя за спиной движение спутника: он отставал от меня всего лишь на шаг, словно прикрывая собой от ненужных взглядов и встреч. Ну, что же, Карим-ака лучше знал здешние нравы, и поэтому пришлось довериться ему, пусть даже с неким скептицизмом, потому как я имела на это право.

Шагала вверх по ступенькам легко, по возможности грациозно, всем своим видом стараясь показать, что для меня это не впервой, что делаю это, если и не каждый день, то довольно часто.

При входе в ресторан молодой человек атлетического сложения в форменной одежде, преградил мне дорогу, делая попытку остановить, но Отабаев тут же перехватил его руку.

– Санёк, своих не узнаешь?!

Санёк добродушно улыбнулся в ответ:

– О, Карим?! Давно тебя не видно... Девушка с тобой?... Проходи, дорогой – гостем будешь! – пошутил он.

И затем обратился ко мне уже вполне дружелюбно:

– Проходите, девушка. Вам – можно.

– «Как видно Отабаева здесь знают хорошо, и вход ему – не заказан. Чтобы так встречали в заведении, нужно быть, по меньшей мере, завсегдатаем», – эта мысль успела промелькнуть в моей голове, задержавшись лишь на секунду.

Сделав глубокий вдох, я шагнула вперёд, словно ныряя в омут, и желая этого, и страшась незнакомого мира, который находился на расстоянии вытянутой руки.

Слегка оробев, остановилась перед ярко освещённым залом, заполненным людьми, звуками и запахами. Моё сердце на мгновение замерло, а затем начало трепетать не-то от волнения, не-то от предчувствия чего-то необычайного. Однако, пересилив свою нерешительность, я сделала следующий шаг в этот яркий, шумный и незнакомый мне мир.

Не понятно откуда появился услужливый, широко улыбающийся человек в белоснежной рубашке с чёрной бабочкой, и начал переговариваться с Отабаевым, жестом предлагая пройти к столику.

Скованность не оставляла меня: порой казалось, что весь зал смотрит в нашу сторону. Захотелось забиться куда-нибудь в укромный уголок и оттуда наблюдать за происходящим. Но осуществить это сложновато: с моим ростом в 176 сантиметров найти такой уголок в зале, освещённом, как новогодняя ёлка, проблематично. Моя растерянность, как видно, понравилась Кариму, который видимо и хотел добиться такого эффекта: ошарашить меня, сбить с толку, оглушить всем этим великолепием. Смотрела на него украдкой и видела, что он чувствует себя здесь в своей тарелке, потому и ведёт себя так, чуть снисходительно, покровительски.

Немного успокаиваюсь лишь тогда, когда мы оказались за уютным столиком по правую руку от входа. Услужливый молодой человек подал мне меню, а я передала его Кариму со словами:

– Карим-ака, как видно, вы лучше знаете все тонкости... Этой кухни. Доверяюсь вашему вкусу.

Отабаев сделал заказ официанту, а я украдкой разглядывала зал, как бы расчленённый на маленькие сектора-столики, и в то же время не потерявший единство пространства.

Убедившись, что никому нет до меня дела, я совершенно успокоилась.

– Наташа-хон, вам здесь нравится? – поинтересовался Отабаев.

– Да, очень. – ответила ему вполне искренне. – Такое впечатление, словно я уже бывала здесь... Когда-то...

Отабаев снисходительно улыбнулся и говорит:

– Я рад, что хотя бы этим смог угодить вам.

Официант принёс на подносе блюда и расставляя их на стол, давая им комментарии:

– Лангет «Ташкентский», димлама «Гулистон», салат фирменный «Зеравшан», ширмон-нон...

В центре стола официант воодрузил несколько бутылок: шампанское, минеральная вода, лимонный напиток, а также ваза с фруктами, вазочка с шоколадными конфетами и различными орешками.

Перехватив мой удивлённый взгляд, Отабаев пояснил:

– Я обещал, что не буду пить сегодня... Но без шампанского обойтись нельзя никак!

И, слегка наклонившись ко мне, добавил чуть тише, словно его могут подслушать:

– Нас просто не поймут...

Очень хотелось есть, но приходится ждать пока Карим-ака положит начало трапезе, ведь я, можно сказать, его гостя. Но Отабаев не торопился: неожиданно он стал весьма словоохотлив, рассказывая о завсегдатаях заведения, чуть ли не пальцем показывая в сторону тех, о ком говорит. Особой, культурой, как я уже поняла, он не блещет. Поэтому старалась не обращать на это внимание. Карим шутил, смехом реагируя на свои же шутки, и я начинала скучать, опасаясь, что из-за его словоохотливости всё остынет.

К нашему столику вновь вернулся официант, мастерски открыв бутылку шампанского, он налил его в два высоких фужера на тонких, длинных ножках. Я попыталась запротестовать, но Отабаев, словно вспоминая, произнёс с досадой:

– Как же я забыл, что вы не любите шампанское?!

Он попытался встать из-за стола, но я жестом остановила его:

– Ничего, Карим-ака, немного можно... Здесь совсем иная обстановка.

Наконец, Отабаев понимающе улыбнулся и поднял свой фужер, предлагая последовать его примеру.

– Первый тост за вас, Наташа... хон. За молодость, красоту... За добрую вашу душу. И за удачу!

Я отпила глоток шипящего напитка, который сразу ударил в нос, и собиралась уже поставить фужер на стол, но мой спутник запротестовал:

– Нет-нет! Первый тост нужно пить до дна! И потом, вы, что не желаете себе удачи?

– Карим-ака, – улыбнулась ему в ответ, – вы собираетесь меня напоить?

– Разве можно напоить шампанским?! – искренне удивился тот. – Это же дамский напиток.

– Значит можно, – не согласилась я, отпивая ещё пару глотков.

Приятный запах еды манил со страшной силой, и я, закинув в рот пару-тройку виноградин, чтобы перебить вкус шампанского, не дожидаясь Отабаева, принялась за еду.

За это время спутник успел допить свой фужер и вновь наполнил его шипучим напитком, на забыв долить и мой.

Этот фужер с небольшими промежутками я выпила весь до дна, под одобрительные взгляды Карима.

И сразу стало легко, весело, немного закружилась голова, и чистая светлая мелодия зазвучала в душе. Прислушавшись я поняла, что она не только в моей душе – она вокруг, она со всеми. За моей спиной, на возвышении играла какая-то группа. Повернув голову в эту сторону, я увидела, как четверо молодых парней играют мелодию, которую мне не доводилось слышать раньше, хотя я, если можно так сказать, заядлый меломан (или всё же: меломанка?). Именно эта мелодия, как мне показалось сначала, звучала в моей душе.

Но более, чем мелодия, меня поразила девушка в платье из «парчи», извивающаяся в ритме музыки, словно змея перед факиром. Она была изящна, тонка, как тростинка, обладала какой-то удивительной грацией, но вместе с тем не производила впечатление слабого существа. Её большие чёрные глаза говорили больше слов, а движения были пластичны, выразительны и нежны.

Карим, как замороженный смотрел на танец и шептал восхищённо, напрочь забывая обо мне:

– Ах, что за девушка?! Что за девушка!

Раздались возгласы:

– Пантера!... Браво, Пантера!

– Пантера? – удивилась я вслух. – Почему именно пантера?

И тут же ответила сама себе:

– А ведь действительно: пантера... Кошачьи мягкие движения, чёрные глаза, волна чёрных, с лёгкой рыжинкой, волос... Чёрная пантера... Девушка-пантера...

– Кто такая? – спросила Карима, который готов был сорваться с места, чтобы «пасть к ногам» танцующей девушки.

– Не знаю, – автоматически ответил тот. – Эта группа, видимо, здесь недавно – раньше выступали совсем другие артисты... Если желаешь знать – я поинтересуюсь.

И я поняла, что он совсем не из-за меня хочет выяснить кто такая эта девушка, а потому, что она ему самому очень понравилась.

– Минуту, Наташа! Я сейчас.

И Карим сорвался с места, оставляя меня одну.

Забыв о еде, о кулинарных изысках и повернувшись спиной к столу, заставленному «фирменными блюдами», я во все глаза продолжала наблюдать за колдовским танцем. Девушка танцевала так самозабвенно, целиком растворяясь в музыке, словно не замечая множества пар глаз, устремлённых на неё. Если честно, то я не встречала ещё такой танцовщицы, как она, хотя живу в Узбекистане с самого рождения. Её танец и удивлял, и завораживал, и восхищал. И не только мужчин, потому что музыка тонула в овациях и выкриках как мужских, так и женских голосов:

– Браво, Пантера! Браво колдунья!

Танец закончился и девушка склонилась в глубоком реверансе, а к её ногам падали цветы, видимо, специально припасённые к этому случаю.

Танцовщица застенчиво улыбнулась, всё ещё находясь под властью музыки, и, подобрав букет, пошла через зал, который аплодисментами благодарил её за доставленное удовольствие.

Меж тем вернулся Карим, шлёпаясь на стул интуитивно, даже, как мне показалось, не замечая его.

– Узнал! – произнёс он с таким видом, словно только что выиграл пару сотен рублей. – Всё узнал! Зовут Ритой Ераловой. Группа называется «Белый лимузин». Руководитель, он же гитарист, он же солист – Андрей Кучинский. Говорят: прелюбопытный тип. Мастер на все руки...

Выпалив всё это, он выдохнул так, словно пробежал стометровку:

– Уф!

Одним глотком допил своё шампанское, не забыв наполнить им оба пустых фужера.

Тем временем зал вновь взорвался аплодисментами, и я вновь повернулась к помосту. Молодой человек, которому так яростно аплодируют в основном дамы, стоял профилем к нашему столику, и поэтому сначала не привлек моего внимания. В моём слегка затуманенном сознании мелькнуло подозрение, что совсем недавно я видела и эти волосы, рассыпанные по плечам, и эту гордую осанку, и уже ощущала его парение над толпой. Когда молодой человек повернулся ко мне лицом, я сразу узнала его:

– «Это же личность! Та, с остановки...»

Да, это, несомненно, был тот же парень. Хотя в следующий момент я уже начала сомневаться: меня слегка удивили и насторожили глаза этой личности. В потоке света, направленном на возвышение, они показались мне какими-то холодными, почти стальными. Там, на остановке он представился в воображении совсем иначе. Более возвышенным что ли, более романтическим...

Музыканты о чём-то тихо посоветовались, затем «личность» обратилась в зал:

– Друзья мои, сегодня вечер принадлежит вам... И мы будем исполнять все ваши желания... Но сначала я хочу предложить вам одну, на мой взгляд, очень интересную вещь.

Из противоположенного конца зала кто-то громко поинтересовался:

– Андрей, твою вещь?!

– Нет, – ответил тот. – На сей раз не мою, но в моей обработке.

– «Так, – сообразила я, – значит это и есть „прелюбопытный тип“, который и гитарист, и солист, да ещё и по совместительству руководитель... Андрей... Кучинский.»

Свет в зале померк и начал свою игру где-то над головами музыкантов: он то расходился разноцветными кольцами, как круги на воде, то рассыпался звёздами или замысловатыми узорами, расходясь во все стороны и вновь собираясь в одну точку.

Андрей виртуозно вёл свою партию соло на гитаре: казалось даже воздух в зале раскалился и звенел тонкой струной, а зал почти так же зачарованно наблюдал за человеком со стальными глазами, ведущим разговор с ним на языке высокой музыки.

– «Да, исполнитель он классный! – подумала я восхищённо, зачарованная виртуозным игрой. – Пока не знаю каков он композитор и каков певец, но исполнитель – что надо. Как сказал Карим: мастер на все руки.

Сольный номер закончился и группа сразу перешла на танцевальные ритмы, считая, видимо, что залу давно пора немного размяться.

Мистер торопыга – Карим-ака, всеми правдами и неправдами заставил меня допить шампанское и, завидев фигуру, направляющуюся в нашу сторону, спешно пригласил на танец. По моему мы смотрелись с ним не очень: полноватый мужчина с копной курчавых волос, ниже

среднего роста и рыжеволосая девушка выше среднего роста, да ещё на каблуках. Но меня это не смущало – даже весело. Я начала смеяться не только от каждого замысловатого па партнёра, но и от каждого, метко сказанного им слова.

Музыка на мгновение смолкла, и возникла снова, поэтому мы не успели вернуться на место. Музыканты играли знакомую мелодию, но я никак не могла понять что это. Видимо она исправлена, обработана руководителем до неузнаваемости. Только когда в музыкальную канву вплёлся голос, меня осенило:

– «Так это же Scorpions: „Still Loving You“ – „Всё ещё люблю тебя“... Но, как изменена композиция и как речет ухо английский язык Андрея».

Видимо исполнителю очень нравилась эта вещь:

If we'd go again
All the way from the start,
I would try to change
The things that killed our love.

Your pride has build a wall, so strong
That I can't get through.
Is there really no chance
To start once again?
I'm loving you.

И голос был вроде неплох, но произношение...

Этого выдержать я уже была не в состоянии. Оставив Карима одного в середине зала, я направилась к музыкантам. Остановившись напротив возвышения, сделала протестующий знак руками, и сказала, как можно громче, чтобы быть услышанной:

– Стоп! Стоп-стоп! Всё не то! Не то!

От неожиданности музыканты прекратили играть, а солист смолк на полуслове. Мой голос зазвенел на весь зал:

– Не то, совсем не то! Разве можно так коверкать и замечательную музыку, и слова?!

Лицо Андрея покрыл румянец досады, а глаза ещё больше стали отсвечивать сталью, но меня уже это не пугало: шампанское сделало своё чёрное дело.

– Вы уверены, детка, что знаете, как надо? – с вызовом поинтересовался Кучинский, делая ударение на слове как.

– Уверена, – без тени сомнения ответила ему и направилась к клавишнику.

Светловолосый, светлоглазый парнишка, примерно одного возраста со мной, вопросительно посмотрел мне в лицо, явно не понимая, что я от него хочу.

– Можно твой инструмент? – поинтересовалась я так, словно мы знакомы уже сто лет.

Парень нехотя уступил своё место, отодвигаясь назад.

Пробежав пальцами по клавишам, словно проверяя их гибкость, я обратилась к остальным музыкантам:

– Подыграйте без аранжировки... Пожалуйста.

Музыканты все, как один посмотрели на руководителя и он, видя мой умоляющий взгляд, и слыша выкрики из зала: – «Ну, дай спеть девчонке, Андрей!», молча кивнул головой.

Я сделала небольшой проигрыш, чтобы остальные смогли настроиться на мою «волну».

Музыка Scorpions зазвучала в своём первоизданном виде, и я начала петь – в первый раз в незнакомой мне аудитории. Сначала на русском языке:

– Если бы могли пройти
Весь этот путь с самого начала,
Я бы попробовал изменить
То, что убило нашу любовь.
Твоя гордость стала слишком крепкой стеной,
Которую мне никак не удаётся преодолеть.
Неужели нет шанса
Начать всё сначала?
Я люблю тебя...

Но услышав, как хмыкает Андрей, продолжила уже на английском.

Мне приходилось петь, и не однажды: в узком кругу, среди друзей, перед одноклассниками, наедине с собой, но чтобы вот так, перед незнакомыми людьми, без репетиций – никогда. Если бы не шампанское, то моё волнение, наверное, зашкаливало бы. А сейчас я даже умудрилась краем глаза наблюдать за руководителем, который позволил «детке» спеть испорченную им песню.

Сначала Кучинский вообще не смотрел на меня, всем своим видом выказывая равнодушие, устремив взгляд в зал. Но после первого куплета, исполненного на английском языке, начал разворачиваться в мою сторону. Стальной взгляд слегка потеплел, и уже выражал смешанные чувства: полу-удивление, полу любопытство, к которым примешивалось что-то ещё, чего я пока не смогла понять. Когда песня закончилась, он аплодировал вместе с музыкантами и залом, слегка картинно, как мне показалось, играя на публику.

Я же сказала совсем невпопад:

– У вас ужасный английский.

Андрей засмеялся в ответ:

– Видимо, вы правы, прекрасная незнакомка.

И поцеловал мне руку.

Этот поступок невероятно смутил меня, хоть и сказал, что Кучинский может держать удар, и чужую победу признать – тоже может.

Я начала быстро трезветь, и чуть ли не бегом вернулась к нашему столику.

Карим смотрел на меня с неподдельным интересом и восхищением:

– Я удивлён, Наташа-хон! Просто удивлён! Вы прекрасно поёте... У вас талант! Уверяю вас: талант.

– Спасибо, Карим-ака, – поблагодарила я его и только теперь заметила, что почти весь зал смотрит в нашу сторону и аплодирует.

Подняла руку в приветственном жесте, но зал не смолкал, тогда я послала всем воздушный поцелуй, как бы возвращая ему то, чем «наградил» меня Андрей.

Группа снова начала играть танцевальную мелодию, и аплодисменты постепенно затихли, Удивлению Карима не было предела: видимо, он не ожидал от меня такого поведения. Его слова, были на удивление «красноречивы»:

– Ну, ты даёшь, старуха!

Но тут же он спохватился и поправился:

– Как настоящая артистка! Честное слово... Даже лучше.

Улыбнулась ему в ответ:

– Не нужно преувеличивать, Карим-ака. Настоящая артистка – это Рита Ералова... А я так – выскочка.

Мистер торопыга вновь подлил шампанско из неизвестно откуда взявшейся бутылки, но я категорически оказалась от него, и налила себе минеральной воды. Собеседник же не отказывал себе в удовольствии опрокинуть очередной фужер.

Зал заполнился зажигательной мелодией, приглашая засидевшихся посетителей в центр зала.

Кариа-ака начал танцевать сидя на стуле на манер узбекского танца, уморительно двигая в такт головой и руками. Показалось, что он сейчас соскочит со стула и пустится в пляс.

Краем глаза я заметила, как от группы музыкантов отделяется длинноволосая личность, направляясь в нашу сторону, и я сделала вид, что целиком занята созерцанием экзотического танца на стуле в исполнении спутника, подзадоривая его хлопками в такт музыки.

Карим-ака вдруг резко прекратил танец, устремив свой взгляд чуть наискосок от моего стула, и я невольно повернулась в том же направлении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.